

№ 8

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Варис ЕЛЧИЕВ. <i>Последний из могикан. Рассказ</i>	3
Таир АЛИ. <i>Мирза Халил и вирус. Повесть</i>	33
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Хроники коронавируса. Гризли</i>	69
ИРИНА ПЕРЕСАДА. <i>Марьям. Повесть</i>	99

ПОЭЗИЯ

Гюльага ТАНХА. <i>Стихи</i>	30
Елизавета КАСУМОВА. <i>Стихи</i>	65
Тимур АЛИБАЛАЕВ. <i>Поезда в ночи. Стихи</i>	91
Софья БРАУРМАН. <i>Стихи</i>	123

ПУБЛИЦИСТИКА

Лала ГАСАНОВА. <i>Литературные горизонты: между прошлым, настоящим и будущим</i>	23
Рафик АСКЕРОВ. <i>Надежда</i>	95
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Слово о Софье Браурман</i>	126
Александр ХАКИМОВ. <i>Капитан «Меконга»</i>	128

2020

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА тел: (050) 772–09–41 (для СМС)
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,</i> Кымаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики

Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 29.07. 2020 г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC

Тел.: 497 – 36 – 23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.*

*В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ВАРИС ЕЛЧИЕВ

Последний из могикан

рассказ

Перевод Рены САДЫГОВОЙ

«Каждый человек, появляющийся в твоей жизни, все события, которые с тобой происходят, – все это случается потому, что ты притянул их сюда. И то, что ты делаешь со всем этим дальше, ты выбираешь сам».

Ричард Бах

Чтобы начать спасать мир, надо сперва спасать по одному людям.

Чарльз Буковски

Люди умирают либо от старости, либо от болезней и несчастных случаев. Он же умрет от усталости.

Он сидел у телевизора с маленьким экраном и размешивал полусладкий светлый чай в граненом стакане. Звон от ложки приглушал звук телевизора. Решил приостановиться.

Шла утренняя программа. Проводился опрос на рыночной площади. Репортер останавливал прохожих и спрашивал, автомобиль какой марки им нравится больше...

Зевнул. Проснулся он сегодня раньше, чем наступил рассвет. Сперва вышел на балкон. Синеватый цвет преддроссветной поры, ассоциирующейся с тоской и печалью, он почувствовал на себе, вернее, на своем теле. Если сравнить с окрашиванием какой-то вещи из одежды в синий цвет, то можно сказать, что его тело от судьбы получило гораздо больше синяков.

Ему послышался звук, похожий на взмах крыльев. Осмотрел всю комнату и остановил взгляд на облезлых оконных затворах.

Все его мысли были сосредоточены на предстоящем сегодня вечером зрелище. Когда он думал об этом, его окутывало тепло и ему становилось радостно, на лице появлялась улыбка. Но стоило только вспомнить о том, что его предупреждали: «Ты умрешь от усталости», как эта улыбка куда-то исчезала, и он впадал в глубокую депрессию. Почему именно этой ночью, накануне такого большого праздника, ему приснился такой сон? Во сне он увидел смерть. Почему? Не мог понять. Притом смерть представилась не в образе чего-то в белом саване с серпом в руке и черепом, щелкающим своими топорообразными зубами. Она была маленькой птичкой с ярким оперением, которая легко уместилась бы в ладони. Чирикая, она говорила: «Я вижу, ты уже задыхаешься, шаги твои отяжелели. Находишься на грани истощения. Но я сейчас не сяду тебе на плечо, а буду ждать, когда ты окончательно собьешься с ног и свалишься».

Телеведущая с лицом в форме кирпича лезла из кожи вон, чтобы довести до зрителей преимущества рекламируемой ею марки автомобиля. Старалась, чтобы люди отказались от той модели, которую до этого называли лучшей, и предпочли эту марку.

Голова квадратная, лицо красное, словно кирпич. Вспомнил про кирпичи, сложенные во дворе у Гази Эльмана. Если взять самый гладкий из них, то будет точь-вточка.

Оформление студии оставляло желать лучшего. Несоответствие декорации пытались как-то сгладить наличие в ней большого аквариума с двумя большими рыбами внутри: оранжевой и черной. На ведущей был костюм ярко-оранжевого цвета. Но если поискать, то и на нем можно было найти черные пятна...

Рыбка в аквариуме, цветок в горшке, птица в клетке... Возмутился. Почувствовал, что слова, толкаясь, стараются выбраться в свет из тьмы. Ему нравилось иногда озвучивать их, выстраивая в ряд, как перламутровые бусинки на четках. Мог также предположить, какие из его мыслей могут стать мостом, соединяющим две бездыны, а какие могут стать толчком для углубления этих бездын до бесконечности.

Надо было достать бумагу с ручкой, чтобы написать. Но он не сделает этого. Старая фотокарточка молодого мужчины с задумчивым выражением лица в маленькой рамке на комоде словно говорила приказным тоном: «Не вздумай писать!» (Когда слышишь слово «дед», обычно перед глазами встает образ седого мужчины с морщинистым, как пропаханное поле, лицом и с тростью в руке. Человек, изображенный на фото, был дедом его матери. Ему в этой жизни было отведено всего 29 лет. Прадед в таком возрасте).

– Извините, а какой автомобиль вам нравится больше? Прежде чем вы ответите, я бы посоветовала вам...

Он взял настольные часы и завел. Слева лежал билет на представление. Он радостно взглянул на него. И тут ему на глаза попалась раскрытая книжка в красной обложке, лежащая справа от часов. Нашел абзац, на котором остановился: «... Но тема нашего разговора совсем другая. Дело в том, что могиканами называли народ крупной и могущественной конфедерации пяти индейских племен, населявших крупные деревни побережья реки Гудзон на востоке штата Нью-Йорк. «Могикане» в переводе означало...»

Перевернул страницу.

«...люди большой реки. Европейцы же называли их речными индейцами или волками, согласно своим тотемам...»

Волки? – удивился он.

«... В 1600 году их численность доходила до 35 тысяч человек. Имели демократическую форму правления. Конфедерацией управлял вождь. Статус передавался по наследству...»

Алюминиевая ложка и стакан освободились и отправились отдыхать (ему кажется, что предметы он беспощадно эксплуатирует). Его остывший сладкий чай, сладость которого особо и не чувствовалась, мать бы назвала водой, оставшейся после полоскания. Себе в чай на завтрак он кладет две ложки сахарного песка. Хоть бы три положил. Сладость бы чувствовалась. Но он же килограммовую пачку на два месяца растягивает. А если увеличит норму на одну ложку ежедневно, то пачки ему лишь на полтора месяца хватит.

Женский смех весом в мужской хохот...

Ведущая пригласила в студию певицу, и та, демонстрируя свой роскошный обнаженный бюст из-под платья с глубоким декольте, стала рассказывать о своих ино-марках, своем гардеробе и своем отношении к кухне. (Выяснилось, что ездит она на «Porsche», одевается от «Sergio Rossi» и умеет готовить долму из помидоров, болгарского перца и баклажанов).

В титрах показался телефонный номер певицы, которую звали Илькяна. Он постарался запомнить его.

Голос у ведущей был приятный. Утреннюю программу на местном канале вела она где-то месяц. И с первого же раза, как он увидел ее, при взгляде на её лицо в форме кирпича у него возник вопрос: интересно, читала ли она «Сказание о старце-кирпичнике» Низами?

Значит, его ждет смерть от истощения...

По комнате летает птичка с ярким оперением? Нет, конечно же. Он протер себе глаза и подошел к большому зеркалу, висящему на стене. Раскашлялся.

– На этой неделе тебе предстоит явиться на прием к управляющему банком. Ты подготовил речь на этот случай?

– Никуда я не пойду. Устал от безрезультатности своих попыток.

– Как это – не пойдешь? Откуда в тебе эта надменность? Разве ты из тех наивных людей, которые думают, что все может решиться само по себе? Или ты возомнил себя Фредериком Дешамью?

– Прошу прощения, а кто это такой? Я его не знаю.

– Откуда тебе знать про него? Это житель страны Утопия, который владеет волшебной палочкой. Если ты не живешь в этой стране, значит, все время обязан являться на прием к кому-то. Что значит – надоело?!

(Человек, живущий один, рано или поздно начинает разговаривать вслух с самим собой. Говорит, даже обращаясь к неодушевленным предметам. Иначе он может оказаться зажатым в четырех стенах).

В правом верхнем углу экрана телевизора было указано время: 8.17. О, ему же на занятия нужно успеть. Положил кусочек усохшего сыра на ломтик черствого хлеба, сделал бутерброд и стал лопать большими укусами, запивая чаем. Оделся, надел наручные часы в серебристом корпусе (сделал это с особым удовольствием), положил в нагрудный карман билет на представление, взял подмышку книги и только хотел открыть дверь, чтобы выйти, как на глаза попалась пожелтевшая бумажка в клетку. Настроение испортилось дальше некуда. Надо же. Прошло уже лет 40, наверное, а листы из школьной тетрадки у этой стервы все никак не переведутся.

Он развернул бумагу. Хозяйка своим кривым почерком писала ему очередное послание: «Кажется, мои слова не доходят до твоего ума. Если к концу недели не заплатишь за проживание, я прогоню тебя вон и заселю вместо тебя какую-нибудь студентку!»

Поднял голову к потолку. Господи, помоги, чтобы вопрос с табаком был разрешен, и родители, которые выращивают табак, смогли прислать ему деньги или дали ему работу с авансом в цветочном магазине, чтобы он мог избавиться от этой тетки...

Уже спускаясь по лестнице, он, чтобы прогнать от себя дурное настроение, попытался погрузиться в предстоящий светлый, теплый, таинственный, радостный мир. Имя у этой радости: Фрайда. В переводе с цыганского значит «радость». Осталось совсем немного. Очень скоро его ожидает встреча с этой стройной, словно не имеющей костей акробаткой, которая своими таинственными этюдами доставит ему неописуемое наслаждение. Он увидит также иллюзиониста Кхамало (в переводе Рыжий), дресировщика львов Бахти (Счастливый), эквилибриста Ило (Сердце), а также театральную труппу, малочисленный оркестр, а также тоненьких балерин. В 18 часов начнется спектакль прибывших в их город мастеров искусств. За довольно короткое время, то есть за три дня, пока шли подготовительные работы, он успел даже завести знакомство со многими из них. Передвижной цирк был сооружен на пустыре между двумя микрорайонами с использованием деревянных скамеек на железных конструкциях и построением сцены под брезентовой крышей. И все это оцеплено клетками для зверей и вагонами для проживания гастролеров. Над входом крупными красными буквами был выведен лозунг: «Искусство спасет мир!»

Рыбки в аквариуме, цветок в горшке, птица в клетке. И еще – человек в тюрьме. Он поспешил дополнить незавершенную ранее мысль.

Твоя подвижность – в пределах аквариума, горшка, клетки и тюремной камеры. А статичность сравнима с полянами, небесами, морями и бескрайними степями...

Пока он не думал излагать письменно свои раздумья, так как не был уверен, что не придется вносить в них корректизы.

...Автобус не пришлось долго ждать. В этом провинциальном городке они всегда переполнены. Кое-как вошел в автобус и двинулся в середину с тем, чтобы не создавать трудностей пассажирам при посадке и выходе. В салоне выбрал себе место у большого окна, в которое мог бы хорошо обозревать передвижную арену.

Впервые в жизни он увидит вживую цирк, театр, балет и концерт (и все это в одном представлении). Предвкушая радость от этого события, он три дня подряд посещал место, где состоится предстоящее событие, и восторженно наблюдал за тем, как сооружали арену, репетировали и кормили зверей. Билеты были недорогие, VIP-билеты стоили 10 манатов, обычные – 2 маната. Обычный билет на место в первом ряду прямо у входа он купил сразу, как только началась их распродажа, когда печать на билетах еще не успела подсохнуть.

Арена скрылась из виду, но он по-прежнему пребывал в состоянии восторга. Открыл свою книжку и стал читать с того места, на котором остановился:

«...В основном, могикане жили в укрепленных селениях из 30 домов, располагавшихся на холмах и окруженных заборами, они выращивали кукурузу, занимались охотой и рыболовством...»

Как здесь толкаются, просто ужас...

«...Для этих людей характерны были такие качества, как честность и правдивость. Они никогда не причиняли зла другому, наоборот, старались помочь тем, кто нуждался в их помощи. И мужчинам, и женщинам их свойственна была храбрость...»

Его толкнула какая-то полная женщина. Он ударился о железный каркас сиденья напротив. Чуть было книжку не выронил из рук. Женщина, вместо того, чтобы попросить прощения, сказала: «Меня тоже толкнули». Но его расстроило не то, что она не соизволила извиниться, а то, что пробормотала: «Придурок, нашел, где книжки читать».

Ему ничего не оставалось делать, как закрыть книжку и засунуть снова подмышку. И тут он подумал: только что жил в своем мире, а сейчас попал в мир этих людей, от которых шел неприятный запах. От одних несло потом, от других – куревом, от третьих – жареным луком.

Одна девушка делилась со своей знакомой:

– Да ну его в черту. Я дала ему отвал. Сказала: ты мне не пара. Иди найди себе пару.

Обросший мужчина говорил другому, с грустными глазами:

– Я продаю недорого, почти по оптовой цене, поэтому у меня торговля идет бойко. Если хочешь, можешь присоединиться. А этот диплом свой выкинь на свалку...

Женщина с ребенком рассказывала другой, с полной сумкой:

– Представляешь, бедняга лежит в приемной с давлением 220, а врач говорит: если не внесете 80 манатов в кассу, не буду его осматривать. Изверги. Да чтобы этот Гиппократ проклял их всех. Чтоб...

Он был убежден: находиться в помещении, где слышны неприятные разговоры, так же вредно для здоровья, как быть в комнате, где курят. Но почему-то люди в первом случае проявляют равнодушие, тогда как во втором могут выразить свое негодование.

Когда доехал до своей остановки, вырвался из автобуса, словно из ада. Ежедневный проезд в университет по этому маршруту в оба конца обходится в 40 гяпиков. За месяц он совершает 20 поездок. Значит, он тратит 8 манатов. В первый месяц, когда только приехал из деревни и начал снимать здесь квартиру, на занятия шел пешком. Но не прошло и месяца, как туфли за 21 манат, которые донашивал после старшего брата, и вовсе износились: отлетел каблук, стерлась подошва. Отнес их к сапожнику, которого удалось найти с большим трудом. Тот, дремавший без работы, его не обрадовал, сетя на то, что нынешние ботинки – никудышные, они не подлежат починке, как прежние, и поэтому сапожники остались без куска хлеба.

Зашел в цветочный магазин рядом с остановкой. Поздоровался с бородатым мужчиной, который заговорил одновременно с его приветствием: «Директор сказал, у нас нет подходящей работы для тебя».

Он не знал, как скрыть, что расстроен. Вчера, когда проходил мимо, обратил внимание на разноцветные ромашки. Это его сильно удивило. Он привык видеть белые лепестки на стеблях этих цветов, поэтому решил узнать, откуда они берутся. И выяснил, что лепестки, оказывается, красят, чтобы выглядели более заманчиво. К творению природы добавляют искусственность. Решил, что здесь за умеренную зарплату найдется работа и для него. Он неплохо рисовал. Уж с окрашиванием цветков точно справился бы. С этой целью и обратился к продавцу с округлой бородой и длинными усами. И вот ответ.

– Вам не тяжело здесь работать? – спросил с иронией продавца.

Тот тоже спросил, недоумевая:

– Ты это о чем?

Тогда он, распахнув широко руки, указал на цветы в салоне:

– Ведь вокруг столько цветов, которые ноют от боли оттого, что их силой вырвали из родной земли.

Продавец ничего не понял из его слов и повторил вопрос во второй раз, после чего ответил с еще большим удивлением:

– Брат, какая разница цветку, где ему расти: на своем стволе или же в горшке? Все равно пройдет немного, и он завянет.

– Нет, – сказал он, – ошибаетесь. Есть разница, притом огромная. Одно дело у себя дома погибаешь, среди родных, другое – вдали от дома, среди чужих.

Когда выходил из салона, услышал, как продавец бросил ему вслед: «Чокнутый».

Интересно, а можно ли закрыть все цветочные и зоомагазины?

А тюрьмы как?

... Вот и 3-этажное сероватое здание его университета. Во дворе много студентов, как всегда, и припаркованные автомобили...

В деревне мимо их дома протекает речка. Весной и осенью, когда идут дожди, она полноводная, а летом усыхает. От такого жалкого состояния речки у него аж душа разрывается. В последнее время свое состояние он все чаще сравнивает с видом того водоема, который не смог пережить весну и лето.

В этом сером здании он пока ни с кем не смог подружиться. Разве что отвечал на робкое приветствие одногруппницы по имени Зивяр. Девушка обычно встречала его у входа, затем отводила в сторонку, интересовалась делами и говорила, что скучает без него. Так было и сегодня.

С первого же дня он догадывался, что девушка неравнодушна к нему. Многие в группе наладили теплые отношения друг с другом. Это, в основном, были миловидные девушки которые тесно общались с состоятельными парнями и симпатичные парни, «дружившие» с девушками из состоятельных семей. А упитанная, невысокого роста Зивяр, чей маленький носик не вписывался в ее пухлое лицо, заявила вдруг, что влюблена в него.

Вначале он подумал, что это временно, и скоро у неё пройдут эти чувства. Но когда девушка заявила: «Я без тебя не представляю свою жизнь», понял, что это серьезно. Он не мог позволить, чтобы из-за него погибла молодая жизнь. И ему неволе пришлось следовать истине: «Если ты в состоянии сделать человека счастливым, но не делаешь этого, то совершаешь преступление». О своем безвыходном положении он поведал профессору, которого навещал в те дни (да и сейчас тоже). После того, как он внес очередные записи ученого в электронную память компьютера, спросил у него, правильно ли поступает. Стариk сперва задумался, уставившись своими угасающими глазами куда-то вдаль, затем произнес:

– Собственная боль человека из-за ревности ни за что не позволит, чтобы он принял на себя чужую боль. Но твоя, видать, неревнива...

Начался урок.

К теоретико-методологическому разделу относятся действия, начиная от постановки проблемы и кончая выбором респондентов, а к методико-процедурному разделу относятся сбор, обработка, а также анализ информации. Первый раздел требует от социолога основательной теоретической подготовки. Он должен уметь логически анализировать объект исследования. Второй же раздел...

Хорошо, что вспомнил о профессоре. Ведь он сегодня на представление собрался. Значит, посетить ученого не получится. Нужно обязательно позвонить и предупредить. Жалко старика. Чтобы не ждал напрасно.

В преклонном возрасте профессор надумал издать свои рукописи в виде книги. Сам не может набирать тексты на компьютере. Глаза и руки не слушаются его. И лишних денег не имеет, чтобы отдать куда-то в набор. И он попросил их декана, который был старым другом профессора, чтобы тот нашел ему из числа студентов наиболее сердобольного, кто мог бы безвозмездно помочь с набором. Когда декан объявил об этом в аудитории, все сделали недовольные лица и пробормотали: «Делать нечего». А он согласился.

Ему нравится беседовать с профессором. И больше из-за того, что единственный человек из его окружения, кто может слушать его. Он ему рассказывал о своих родителях, братьях и сестрах, про сад и огород у них в деревне, про их 4-комнатный дом, а самое главное – о редких книгах, которые имеются в их доме. Говорил о том, что он рос среди тех книг, и что уже в 5 лет умел читать и писать. Стариk с большим интересом слушал его рассказ о прадеде, который был репрессирован в 37-м году. Прадеду было тогда всего 29 лет.

И эти книги достались от него. Прадед догадывался, что его могут арестовать, и поэтому спрятал книги в сене, чтобы сотрудники НКВД не смогли найти их при обыске. Много лет спустя жена прадеда нашла их в конюшне и передала своим детям как самый дорогой подарок. Профессор завороженно слушал его рассказ и не один раз спрашивал, как называются эти книги, кто является автором, а также о чем они...

Срочно надо найти мобильник. У кого можно попросить? Со своего он только вызов может подбросить. Может, у Вугара попросить? Нет, его телефоном он воспользовался вчера, когда звонил в различные инстанции, долго и бесполезно говорил о том, почему никто не берется возместить ущерб, нанесенный ветерану войны Гази Эльману, у которого вместо одной ноги – протез. Пьяный водитель наехал на его дом и снес полстены.

Может, взять у Дашигына? Нет, лучше у Азера попросить. Он за него курсовую пишет. Наверняка, не откажет.

Азера он нашел в буфете на перемене. От вкусных запахов у него аж слюни потекли. Сперва спросил, пойдет ли Азер сегодня на представление. Оказалось, что тот даже и не знал про эти гастроли. Затем, стесняясь, попросил у него мобильник ...

Дополнил последовательность своих размышлений: вода в бассейне, завидующая морской воде... Одна имеет безграничную свободу, а у другой она лишь в пределах стен с кафельной облицовкой... Но нет. Он что-то напутал. Это сравнение не может быть продолжением предыдущего ряда. Как свобода воды в бассейне ограничивается кафельными стенами, так и свобода морской воды ограничивается берегами. Здесь нет абсолютной свободы, есть только неполные свободы с большим и маленьким объемами.

Бедность, нужда... Он слышать не хотел таких слов. Зачем афишировать свою бедность, если большая часть людей находится в таком же положении. Он не сторонник извилистых дорог с поворотами налево и направо, а предпочитает прямой путь, даже если в конце он упирается в тупик.

Позвонил профессору и предупредил, что сегодня не сможет прийти, и по его голосу понял, что старик расстроился. Затем набрал номер, который взял из утренней программы с ведущей с кирпичнообразным лицом в надежде, что на этот раз ему повезет (до этого он четыре раза пытался, но безрезультатно).

– Это Ильяяна ханым?

– Нет, ее продюсер. Слушаю вас. Заказов на свадьбы на эту неделю не принимаем. На следующую можно. Только на будничные дни. О ценах, наверное, знаешь. Вся свадьба за три тысячи манатов, если на полчаса, то 500 манатов.

– Я не из-за свадьбы звоню. Я...

– Если это концерт, то мы ходим только на правительственные мероприятия.

– Нет, и не концерт. Нужно выступить в Доме престарелых с получасовой программой. Эти люди...

– Где это находится? Если в Баку, то можем прийти за 500 манатов, а если за пределами города, то ты не обижайся, это будет стоить тысячу манатов. И желательно, чтобы было в середине дня.

– Нет, знаете ли, я – студент. Мой сосед по лестничной площадке работает в Доме престарелых, он говорит, что эти люди очень нуждаются в духовной пище. Надо выступить бесплатно. Мы все должны...

– Слушай, студент, подожди. Какой певец в наше время согласится петь даром? Песню у композитора покупаем мы за деньги, обновление гардероба, макияж, съемка клипов – это все стоит немалых денег. Надо учитывать и то, что определенное время в году свадьбы не проводятся. У тебя что, крыша поехала?

– Но ведь...

На том конце дали отбой. Огорченный, он вернул телефон Азеру.

Что это было? Над головой снова пролетела птица с ярким оперением?

Аппетитный запах. Это, кажется, пирожки жарят, с картошкой. Эти овальные существа (все, что отдает душу, одушевленное), наверное, пищат сейчас в кипящем масле...

Азер поинтересовался, на какой стадии его курсовая работа, потом сказал, что после уроков они с ребятами собираются пойти в хинкальную. Ради приличия и его пригласил. Он сразу отказался, сказал, что после занятий пойдет к своей тетке. Она подготовила кутабы из требухи. Знает, что он любит их, поэтому и пригласила.

В действительности же он и не думал идти к тетке. В прошлую субботу решил у них налить себе чаю, отложив в сторону книгу, так она оттолкнула локтем его книгу, пробормотав, что книга – источник микробов, и он берет чайник руками, полными микробов. А потом вылила всю воду из чайника и вымыла его. Это его сильно заняло.

Он вернулся в аудиторию.

Временами в его мозговом рационе появлялись вещи, о которых он ранее и не думал. Четко осознавал, что с этой «пищей» он соприкасается впервые, и в то же время «вкус и запах» были ему знакомы, словно он нередко вкушал это. Со временем он все больше убеждался, что все новое – это всего лишь хорошо забытое ста-рое. Все, что должно было случиться, уже случилось. Чем в неведении выдвигать бессмысленные гипотезы, он предпочитал оглядываться в прошлое, чтобы предпо-ложить то, что предстоит пережить.

Началась следующая двухчасовка. Он постоянно чувствовал на себе взгляд Зивяр. Был уверен, что грань, где соприкасаются прошлое и будущее, известна только ему. На этой точке он стоял один. На это место не мог привлечь ни своих со-курсников, ни родных из деревни и никаких других знакомых, даже профессора. Они не захотели бы прийти. Могли засмеять его, начать подтрунивать над ним. Это даже лучше, что они не пожелали прийти. Потому что все чего-то ждали от того, что еще намечается, и крепко цеплялись за это. Ради этого они и живут. Человек может жить без цели?

Поступил сигнал месседжа. Так и знал, это была Зивяр. «Почему ты так охла-дел ко мне? – писала она. – Может, кто-то сбил тебя с толку? В университете все уже знают о нашей с тобой любви. И родители мои в курсе. Я говорила тебе: или буду твоей, или лягу в землю. Знаешь, что мне мама вчера сказала? Чтобы твои родители срочно пришли к нам просить моей руки. Что ей, бедной, остается делать? Отбоя нет от сватов».

Взглянул на часы. В университете все узнавали время по мобильнику. Один он каждый раз с важным видом поднимал руку и смотрел на свои наручные часы марки «Луч», чтобы узнать время. Делал это с особым смаком. Бывало, кто-то спрашивал у него время, указывая на его часы (когда одевал рубашку с длинными рукавами, за-сучивал их, чтобы часы были видны), он с радостью называл точное время. А если тот, кто спрашивал, ему нравился, то указывал даже секунды. Ему казалось, что ни у кого на белом свете часы не ходят с такой точностью, как у него.

Значит, его мать должна пойти к родителям Зивяр свататься... Мама везде и всюду не устает повторять с гордостью: «Да мой сын такой красавец, да он в уни-верситете учится»». И ждет не дождется, когда наступит, наконец, пора подыскать ему невесту. Она живет в предвкушении этой счастливой поры. Начала даже по-сматривать на красавиц, подходящих в кандидатки на роль невестки. А теперь это заявление Зивяр... Он попытался представить состояние матери, когда он сообщит ей об этом.

До 18.00 еще оставалось время: 5 часов 12 минут.

Девушка так и сказала: «Отбоя нет от сватов». Надо же...

Когда он отступал на один шаг, то встречная сторона шла на него, делая два шага. С этим трудно было свыкнуться.

Когда прочел слово «мои родители», он вспомнил о своих, которым никак не удается продать выращенный ими табак. Интересно, у кого-то из ребят может быть знакомый, работающий в Министерстве сельского хозяйства? Может, у Рази? Или у Гумру? А может, у Талята? На следующей перемене он попытался навести справки, поговорил с ними. Талят сказал, что может найти человека, только наперед должен что-то иметь с этого. Как он ни пытался объяснить товарищу ситуацию, как ни напо-минал о дружбе между ними, все было без толку. Талят помахал рукой и ушел.

Что это? Каждую минуту он чувствует ветерок взмаха крыльев птицы с ярким оперением. Но у него над головой нет никакой птицы.

Не надо было обращаться к Таляту. Ему с первого дня не нравился его надменный характер. И Мехман, и Талыб, и Рауф, и Аскер, и все другие... Никого он не любил. У одного пахан на таком-то посту, у другого тоже какой-то вельможа. У всех родители какие-то шишки. Когда они учились еще на первом курсе, отец Турала открыл новый Дом торжеств. А сын купил себе вторую иномарку и пригласил отметить эти два события. В то время он еще как-то вливался в коллектив, поэтому тоже пошел. Когда ребята были навеселе, попросили его сказать тост. И он, поднимая свой бокал с Cola, произнес такой тост: «В одном закрытом помещении жило много людей. Каждую неделю туда по дымоходу спускали еду по числу людей. Первое время каждый брал свою пайку, и все были довольны. Но со временем те, кто находился поблизости, стали хватать как можно больше, запихивая кушанье себе под мышку, за пазуху. А те, кто находился дальше от дымохода, не успевали и оставались голодными. Те, кто с жадностью налетал на еду, превратились в великанов, а оставшиеся без еды стали как щепки. Выпьем за то, чтобы каждый брал то, что предназначено только ему!». И тогда некоторые из ребят набросились на него с упреками: «Это ты имеешь в виду наших отцов, что ли?» Хорошо хоть за него тогда староста Барат заступился. Не дал, чтобы его отдубасили.

Интересно, под каким номером выйдет на арену Фрайда? И сколько минут будет выступать? Может, она родилась без костей? Как человек может так изгибаться? Прям, как змея.

Занятия кончились. Он пулей вылетел из аудитории, чтобы Зивяр не успела опомниться. При выходе из здания столкнулся с Кенуль, которая славилась в университете своим афоризмом: «Деньги – это респект, они ресетируют (обнуляют) все беды». Хоть он и несколько раз извинился, тем не менее она не поскупилась на оскорбительные выражения в его адрес.

Расстроенный, пошел дальше. Вдруг кто-то схватил его за руку. Когда обернулся, увидел Мехмана. Это его, разумеется, совсем не обрадовало.

Тот рассказывал, что они с товарищами пошли в отель, где останавливаются арабские туристы. А наши путаны ходят к ним в номера, чтобы подзаработать. Сейчас Мехман со своими дружками собирается пойти проучить и вытурить из отеля этих бесстыдниц, которые позорят, якобы, их честь.

Он наотрез отказался пойти с ними (даже при этом невольно стиснул зубы и скжал кулаки).

«Шизик, ты хоть раз можешь в чем-то быть полезен?» – бросил в ответ Мехман, но его бормотания: «Нужно бороться с причиной, а не результатом» не услышал, так как сразу удалился. Он чуть не оглох от сочетания звуков «ш» и «з» в слове «шизик». Ему в день по несколько раз приходилось слышать в свой адрес такие слова, как «шизик», «больной» и прочее. Первое время он пытался выступать против таких обзываний. Как он может быть больным, если нигде у него не болит? Но однажды почувствовал, что у него душа болит, и тогда смирился с тем, что он действительно больной.

Снова взглянул на свои часы. Ему еще и на автовокзал надо сходить. Соседу с верхнего этажа должны посылку доставить из района. Он попросил его пойти и получить, так как сам занят. До начала представления надо успеть сбегать сперва туда, а потом к Гази Эльману наведаться.

На автовокзале он бывал много раз, а вот в аэропорту, на железнодорожном вокзале и в морском порту побывать не приходилось. Ускорил свои шаги, чуть ли не бежать начал.

Все автовокзалы, железнодорожные вокзалы, аэропорты, а также морские порты переписываются между собой. В роли писем у них выступают автобусы, поезда, самолеты и корабли. Пассажиры же – это содержание этих писем.

Посылка состояла из конверта. Он положил его в нагрудный карман, туда, где лежал билет на представление, и поспешил по следующему адресу.

Но бывает, что эти письма не доходят до пункта назначения, так как на пути их может поджидать угроза крушения на шоссе, железной дороге, на воде или в воздухе. И тогда они рвутся в клочья. Досаднее всего то, что такой участи чаще подвергаются наиболее совершенные и умные по содержанию письма.

Вместо того, чтобы пряником пройти в Зеленый квартал с проспекта, он прошел долгий путь по кварталу Сейдов (с Зеленым кварталом у него были связаны неприятные воспоминания, поэтому он всегда старался обходить это место. В последний вторник перед Новруз байрамом, когда ребята вечером разжигали костер, они бросили в него двух котят. Он попытался спасти животных, но языки пламени не дали ему сделать это, и он обожег себе руки).

Едва успел пройти мимо здания семейного общежития, как внимание его привлек большой автобус, обвешанный яркими плакатами, на которых было выведено: «Народный любимец идет на встречу со своим народом». Людей по усилителю звали в Центральный дом культуры на встречу с депутатом Калантаром Калантарлы. «Нашли время устраивать мероприятия, – пробормотал он. – Сегодня же представление!!!»

* * *

...Поздоровался с Гази Эльманом и сразу же стал рассказывать, на какое представление он пойдет сегодня вечером. Не знает, смог ли донести до своего знакомого хоть сотую долю достоинств, которыми обладает несравненная Фрайда.

Сегодня они должны были установить деревянный каркас на крыше дома. Он взял горсть больших гвоздей и тяжелый молоток и поднялся наверх. А про себя подумал: «Интересно, известно ли Гази Эльману о поэте Гази Бурханаддине?»

Чайхана напротив была полна народу, большую часть которых составляли молодые люди. Они играли в домино, курили сигареты и пили чай. В прошлый раз, когда он проходил мимо (шел в библиотеку), обратил внимание, что человек с протезной ногой в одиночку строит стену. Эта сцена его сильно растрогала. Зашел в чайхану и спросил, кто из них умеет выполнять работу каменщика? Вперед вышло несколько крепких коренастых молодых людей, выкрикивая «Я!». Но когда они узнали, что им не будут платить и нужно помочь ветерану Гарабахской войны, то тихо отступили с недовольным выражением на лицах...

Он прикладывал доску к доске и забивал с краю гвоздем. Один, два... Десять, одиннадцать... Двадцать, двадцать один...

Вспомнил далекие детские годы. Зеленая поляна, белые палатки, дымящийся костер. У мужчины с грубыми и сморщенными руками он учится резьбе по дереву... Вырезает узоры: цветки, листья, птицы...

О Боже, снова птица?

Поработали где-то полтора часа и вышли на перерыв. Сели на кирпичи. Хозяйка дома с чалмой на голове принесла чай с чабрецом. Глотая чай, он лишний раз убеждался в истинности выражения: «Чай снимает усталость».

Ладно, но как же он решит вопрос с квартплатой? Надо сказать, что в прошлом году ему было нетрудно платить за квартиру. Присыпали деньги из дома. Потом хозяйка-стерва стала периодически, каждые 3-4 месяца, повышать плату на 20 манатов. То у нее нефть подешевела, то доллар подорожал, то зарплату мужу снизили. Каждый раз находит причину.

Только сделал последний глоток чая, как увидел, что Гази Эльман чешет свою протезную ногу. Он обомлел. Инвалид водил ногтями по пластмассе взад и вперед.

От этого раздавался такой скрежет, что волосы вставали дыбом. Увидев его реакцию, Эльман виновато улыбнулся. Он как-то по-особому улыбался. Так жмурился, что глаз становилось не видно. «Порой сам себя таким образом обманываю. Ты не обращай на меня внимания, – сказал он, затем добавил: – Если иногда не обманывать себя, то с ума можно сойти».

Он так растрогался, что на этот раз, когда продолжил работу, вместо гвоздя молотком попал по большому пальцу на руке. Палец сразу же посинел и опух. От боли он застонал. Хозяину стало неловко. Кликнул жену, чтобы та быстро принесла йод и вату. В это время мимо них проходил живший по соседству учитель. Увидев его, Эльман стал сетовать: «Бедный парень, может, он сроду и молоток-то в руке не держал, а вызвался помочь мне и руку себе поранил. Кто он мне? Чужой человек. А скольким родным и знакомым я спешил в свое время на помощь, однако никто из них не придет и не скажет: Дай, я помогу тебе». Сердобольный сосед бросил в ответ «Альтруист он». Гази Эльман, как услышал это, тут же набросился на учителя. «И алый турист, и белый турист – это твой предок. Это ты поганый и тебе подобные. А он – настоящий мужчина», – кричал он, схвативши бедного соседа за горло.

Вот так дела... Он сразу забыл про свой раненый палец и бросился вырывать учителя из рук вцепившегося в него Гази Эльмана. А потом пришлось долго объяснять ветерану, что «альтруист» – это совсем не плохое слово, а наоборот, антоним эгоиста. На это он потратил немало времени и нервов.

Извинившись, они попрощались с недоумевающим учителем. Эльман сел и, вытирая рукавом пот со лба, зажег сигарету. Затем поднял голову, взглянул на солнце, спрятавшееся за тучами и, вздохнув, произнес:

– Брат, ты не осуждай меня. Знаешь, как мы жаждем доброты. Чего только не навидались. Чего только нам не пришлось вынести. Когда мы находились в плену, армяне давали нам в руки посуду, наполненную кипятком, и заставляли бежать. Кто ронял на землю хоть каплю воды, того расстреливали... Когда мне ногу разорвало миной, я в шоке подбирал кровоточащие куски и требовал нитку с иголкой, чтобы пришить их на место...

Солнце скрывалось то за черными тучами, то за белыми облаками.

После того, как поранил себе палец, он уже не мог работать самостоятельно, а был подручным у Эльмана, подавал ему гвозди.

...Он не писал ручкой на бумаге, целые тома записывал в своей памяти. Бывало, радовался чему-то засевшему внутри, но больше замечал свои стоны и боль. Вздрагивал от стука каждой слезинки, капающей в душу.

Чистая бумага горит не так, как бумага с умным содержанием. В этом он был убежден. Первая загорается сразу и вмиг превращается в пепел, тогда как вторая горит долго – по буквам, по фразам, по мыслям. От них не остается и пепла. А что было бы, если бы издали указ скжечь все книги, даже записанные в человеческой памяти? Ему стало вдруг страшно от этой мысли, пришедшей в голову.

* * *

Без 25-ти шесть он уже был у гастролирующего цирка, над входом которого висел плакат с лозунгом «Культура спасет мир». Предъявил свой билет контролеру и, радостный, прошел внутрь. Сел на первое место в первом ряду и, приготовившись впитать в себя порцию счастья, стал ждать. Вокруг царила праздничная атмосфера. Люди, нарядно одетые, позабыв о повседневных заботах, с пакетами семечек, попкорна, баночками сока в руках находили свои места и садились. Многие пришли семьями. Звучала ритмичная музыка. Он решил воспользоваться свободным временем. Открыл книгу, которую всегда носил собой, и стал читать с того места, на котором остановился.

«...Первоначально могикане имели три матрилинейных рода: Волка, Черепахи и Индюка. Каждый род имел свою фратрию, самой сильной из которых была фратрия Волка. Она включала в себя 4 рода: Волка, Медведя, Собаки и Опоссума»...

Повел рукой по нагрудному карману, чтобы убедиться, на месте ли конверт, который он должен передать своему соседу. Представление еще не началось. Звуки громкой музыки смешались с шумом прибывающих зрителей.

«...Столица провинции Могикана называлась Шобак. Здесь располагались вождь, а также его советники. Совет Шахемов, являющийся высшим законодательным органом, тоже функционировал тут. Вождь...»

Услышав крики детей, он прервал чтение и с волнением уставился пристальным взглядом на сцену. Вначале был парад-алле. Все участники, среди которых была и обворожительная Фрайда, прошли по кругу арены в сопровождении велосипедистов со сверкающими огнем колесами и поприветствовали зрителей. Руководитель труппы Годявир (Умный) Михалыч (он чем-то напоминал ему Барона из воспоминаний детства), растроганный до слез, поблагодарил зрителей за столь теплый прием и заполненный до отказа зал. Слово дали представителю городского муниципалитета. Тот отметил, что артисты своим визитом подарили настоящий праздник жителям этого провинциального городка. В это время поднялся шум. Люди в последнем ряду не могли поделить места по причине того, что на одно место было продано два билета. И дальше он не услышал, о чем говорил выступавший. Но когда увидел, как чиновник преподнес руководителю коллектива сверкающую хрустальную вазу, обрадовался и высоко оценил этот жест представителя местной власти.

Над этюдами Кхамало люди смеялись до упаду. А наблюдая за номером, когда Бахти совал свою голову в пасть льва, зрители замирали в ожидании благополучного конца.

Рядом с ним сидел носатый мужчина с огромными зубами. С ним был сын, похожий на него. Они с таким шумом щелкали семечки, что из-за их шума не слышны были голоса со сцены. Одна кожурка упала ему на колено. Он взял ее и хотел бросить в образовавшуюся горку из их мусора, но потом передумал и положил себе в карман, чтобы дома бросить в мусорное ведро.

Ило продемонстрировал кувырки на канате, пони прошли парадом вдоль арены...

Что это такое? Вначале он не понял, что происходит. Когда трое с рупорами в руках вышли на сцену, он счел, что это – действие по сценарию, но когда услышал их призыв, расстроился дальше некуда. Те трое орали в усилитель: «В Центральном доме культуры проводится встреча с народным любимцем – депутатом Калантаром Калантарли. Всех приглашаем туда». Он, озлобленный, вспомнил разукрашенный автобус, который увидел ранее на улице. Годявир Михалыч призвал их соблюдать правила этики и покинуть сцену. В знак солидарности с ним он тоже встал с места, бросив презрительный взгляд на пытавшихся сорвать представление.

Закончились номера с проделками обезьян и комическими этюдами клоунов. Вдруг на арене словно взошло солнце. В самом центре, освещенном яркими прожекторами, появилась неотразимая Фрайда с ослепительной улыбкой на лице, в сверкающем, как огонь, золотистом наряде.

О Боже, какое изящество, какая грация, какая гибкость. Он с жадностью наблюдал за каждым движением своей любимицы. Похвалил себя за то, что купил билет в первый ряд, так как мог видеть эту красавицу как на ладони. Он сидел в шаге от нее. И палец, ноющий до этого от боли, уже не беспокоил его.

В детстве (кажется, в 7-м классе тогда учился), втайне от отца, преградившего путь арыку и повернувшего течение воды в сторону своего огорода, он совершил поступок, который потом отец назовет грехом. Открыл путь воды к соседу, который не мог орошать свой сад и огород, за что отец сильно разгневался на него и дал жирную оплеуху по его бритой налысо башке. Никогда раньше он не поднимал на него руку. (До сих пор он помнит, как испугался, увидев в зеркале кровоподтек в форме ладони папы на своей детской коже, как заплакала мама, прижав его к груди). Помнит, как удрал из дома, не столько из-за причиненной ему физической боли, сколько по причине душевной травмы. Убежал к цыганам, табор которых расположился на поляне. Он влюбился в этот веселый, вольнолюбивый народ с его песнями и танцами, посиделками, ломившимися от угощений столами, обильным поглощением вина. Мог часами любоваться их темпераментными танцами. Полюбил цыганский суп «хаберома», который они готовили из мяса и зелени. Но больше всего его очаровала их вольная, как у птиц, жизнь.

За довольно короткий срок он научился у цыган скакать на коне, а также освоил резьбу по дереву. Ему очень нравились их обычай, когда все они складывали свою повседневную выручку в сундук с яркими разноцветными узорами, а потом Барон делил эти деньги поровну между всеми членами табора, включая пожилых и инвалидов. «Среди цыган не может быть различий», – так гласил их закон, который его детский разум запомнил на всю жизнь.

Когда отец с несколькими односельчанами нашел его после 3-дневных поисков, он не хотел возвращаться домой. Барон, успевший привязаться к мальчугану за эти дни, сказал отцу, указав на выбритую голову его сына: «Волосы – это носители счастья человека. Мы сбираем голову оскверненным. Посмотри, как ты поступил со своим ребенком. Пусть он останется жить с нами. Ты с ним плохо обращаешься».

Он думал, что навсегда останется в таборе, но когда узнал, что мать, братья и сестры плачут по нему, не выдержал и согласился пойти с отцом. И в следующие дни, пока цыгане не разобрали свои шатры и не перекочевали в другое место, каждый день ходил и с любовью наблюдал за жизнью в этом гнезде свободы и равенства...

К выступлению готовился всадник с плеткой в руке, как вдруг на арене снова показались те, с громкоговорителями. На этот раз они выглядели более уверенными. Весь его праздник был омрачен. Чертова агитаторы обещали всем, кто придет на встречу с Калантарли, подарить его предвыборную программу в красивом переплете и еще дать 50-манатную купюру. Их появление выглядело черным пятном на фоне яркого и красочного зрелища. В зале поднялся галдеж, и он увидел, как люди вставали с мест и бросались к выходу. А когда прозвучало предупреждение: «Торопитесь! Места ограничены!», то тут началась настоящая давка.

Внезапно ему в голову пришла такая мысль: человеку, после того, как он появляется на свет, следует стерилизовать железу алчности...

Всадник с плеткой в руке ни на минуту не прекращал своего выступления, демонстрируя невообразимые трюки. Даже, казалось, в глазах у бедной лошади, лезущей из кожи вон, просматривалась мольба к людям: «Прошу вас, стойте, не уходите».

Зал был почти пуст...

Сидящий рядом носатый мужчина с огромными зубами тащил сына, который не хотел уходить, и говорил: «Ты знаешь, что на 50 манатов мы можем 5 кило мяса купить?» Зрителей, покидающих зал, старался отговорить Годявири Михалыч. Но остановить их было невозможно. В это время раздался грохот. Когда он посмотрел в сторону выхода, то увидел, что толпа при толкотне свалила на улице часть ограждения, на котором висел плакат с надписью: «Культура спасет мир!» Кусок плаката был оторван и валялся под ногами, а из оставшейся части получалось «ура спасет мир!»

Дальше представление прошло тихо и спокойно, без эксцессов. Осталось всего двое зрителей: он и сидящий напротив мужчина средних лет. Вся труппа вместе с оркестром и клоунами, а также обезьяны играли только для них. Надо же было пограничить себе палец в этот день! Ведь ему выпало аплодировать и за ушедших зрителей тоже.

Он обрадовался тому, что он не один остался в зале, даже всплакнул от радости, наполняющей его. К концу представления он поменял свое место. Пошел и подсели ко второму зрителю (узнал, что его зовут Джумалы). Взялся благодарить его за то, что он не последовал примеру других. Тот сказал, положив руку на его плечо: «Эти люди думают, что деньги решают все. А на самом деле это не так. Они ошибаются». Он так растрогался от его слов, что хотел обнять и поцеловать этого человека.

Затем мужчина поведал: «Я – несчастный человек. У меня аллергия на бумажные деньги. Стоит мне взять купюру в руки или носить при себе, как сразу все тело начинает чесаться, и кожа покрывается сыпью».

Откуда могла взяться птичка над головой? Наверное, ему показалось.

Теперь ему казалось, что оркестр играет грустную музыку. Проделки обезьян тоже не вызывали восторга. А следующий номер с участием клоуна Кхамало вызвал грустный и горький смех.

По окончании представления на сцену вышел Годявири Михалыч и с печалью в голосе заметил, что сегодня всюду – и в Америке, и в Европе, и в Азии – происходит переоценка ценностей, искусство обесценивается. В любом случае он счастлив, что в зале остались зрители, для которых они могли доиграть представление до конца. Речь выступающего навела его на размышления о людях. Человек силен и в то же время слаб. Когда нужно проявить свою силу, он создает и творит, делает угодные Богу дела. Когда же подходит очередь проявить слабость, тогда он разрушает и сносит, берет на себя грех. Истина человека в его силе, ложь – в его слабости. Справедливость – в силе, неправота – в его слабости. В душе человека противоборствуют также гуманизм с эгоизмом и доброта с жестокостью.

Годявири Михалыч продолжал стоять на сцене. Поручил принести хрустальную вазу, подаренную ему чиновником перед началом представления, и обратился к ним: «Вас двое, но я, к сожалению, могу дать вам всего один подарок. Я в затруднительном положении, так как его невозможно поделить».

Подарок, несомненно, должен достаться ему. Аллергическая сыпь на коженичто по сравнению с любовью к культуре. Ему непроизвольно начинало нравиться, чтобы его ценили. Он чувствовал себя победителем после череды поражений.

«Дорогой друг, ты не знаешь наших забот. Мы не можем купить дочери приданое. А сваты наши – люди с капризами. Надо угодить им. Эта вещь – из чистого чешского хрусталя. Уж я-то разбираюсь в этом. Если отнесу домой, жена с дочерью будут плясать от радости».

Этого еще не хватало. Он не знал, как среагировать на эти слова. И ради хрустальной радости девушки в подвенечном платье, немного подумав, он кивнул головой в знак согласия.

Джумалы-киши чуть ли не побежал на сцену за подарком. Сверкание хрустальной вазы слилось с блеском его слез, навернувшихся на глаза. Но он в это время уже вышел из цирка и направлялся домой. Над головой было пустое небо.

Не помнит, как дошел до дома и отнес соседу конверт, как зашел в свою квартиру, как выпил стакан светлого чая, закусывая черствым хлебом. Болел ли раненый палец, что за программу смотрел по телевизору, как лег в постель – обо всем этом он не помнил. Опомнился только тогда, когда застал себя читающим при свете ночника книгу с того места, на котором прервал чтение:

«...В середине XVII столетия могикане начинают расширять свои торговые связи. Занимаясь торговлей мехами, они постепенно собирают капитал, что способствовало тому, что в образе мохоков они начинают видеть врагов. Мелкие распри в 1664 году привели к ожесточенной войне. Сжигались села, гибли, как муравьи, люди».

Интересно, уехали ли артисты? Нет, наверное. На разбор аренды потребуется немало времени. Возможно, с раннего утра начнут, а к вечеру двинутся в путь...

«Только в 1669 году стороны, вроде бы, заключили мир. Честные во всем могикане и представить себе не могли, что могут попасть в ловушку врага. Однако мохоки внезапно напали на своих соперников, сложивших оружие, и нанесли им сокрушительное поражение...»

Он представлял, как сейчас рада дочка Джумалы-киши. Дай Бог ей счастья.

«Могикане потерпели поражение на территории Хоффманс-Ферри. Мохоки не щадили даже пленных...»

В начале столетия их численность была равна 35 тысячам человек, а к 1672 году упала приблизительно до одной тысячи человек. Через несколько лет среди них вспыхнула эпидемия оспы, и эта болезнь унесла жизни половины населения...»

Ночь, казалось, была темнее, чем всегда. Прабабушка рассказывала, что когда из НКВД приехали за ее мужем, тогда тоже была темная ночь, и на небе виднелась всего одна тусклая звездочка.

Прадед, по рассказам, был человеком образованным. Все свои наблюдения, исследования держал в памяти, как бы писал книгу в голове, а не на бумаге. Он говорил в то лихолетье своей жене: «У кого-то рукописи сжигают, у кого-то книги. И те, и другие несчастны по-разному. Если повезет не оказаться в числе первых, то в числе вторых непременно окажешься. В этом государстве все бумаги с умным содержанием существуют для того, чтобы ими разжигали костер»...

Он встал с постели, подошел к окну. Ходил взглянуть на небо, но побоялся – вдруг увидит там всего одну звездочку. Расстроился.

Снова стал читать свою книжку в красной обложке.

«...В середине XVIII века малочисленные могикане вынуждены были переселиться на восток – в Стокхидж, так как жить на прежнем месте становилось невыносимо. Английские и французские колонизаторы, господствующие на землях индейцев, пребывали в те времена в состоянии вражды, а племена индейцев не могли оставаться нейтральными в этой вражде. И чтобы сохранить себе жизнь, им приходилось воевать на чьей-то стороне...»

Интересно, у соседа сверху есть знакомые в Министерстве сельского хозяйства? С виду непростой человек. Всегда на нем костюм, галстук...

«...В семилетней войне могикане приняли сторону англичан и воевали против французов. А в 1776 году 13 человек из числа восставших сражались в рядах американских войск за независимость провинции. Их вождь Генрих Опомут объявил: «Нам следует быть на стороне правды и справедливости и показать свою человечность. Этот жест наш, вероятно, не останется без ответа...»

Когда он дочитывал последнее предложение, за окном уже рассвело.

«...Однако правительство, объявившее по завершении победоносной войны о независимости США, вместо того, чтобы оценить героизм могикан, приняло решение о поселении на их землях своих белокожих граждан. Вытесненные со своих исконных земель могикане вынуждены были двинуться на новое место жительства, которое предоставили им ирокезы в штате Висконсин. И таким образом растворились среди местных племен...»

...Когда первые лучи солнца проникли в комнату, он сидел за завтраком. По телевизору шла утренняя программа. Он вынужденно слушал опрос, проводимый командой девушки с кирпичнообразным лицом. Респондентам на рыночной площади задавали вопрос о том, что они больше всего хотели бы получить в подарок.

Он взял часы со стола и надел на запястье. Это было первым и единственным подарком, который он получил за свою жизнь. Когда был опубликован список зачисленных в университет абитуриентов, отец устроил в доме скромное застолье. И эти часы ему подарил тогда дядя Али – брат матери. Часы часам рознь. Его часы были ему словно близким другом. Бывало, он и в постели не снимал их, засыпал с часами на руке. А в солнечные дни они так сверкали... Темно-синий циферблат и черный ремешок придавали особый шарм их серебристому корпусу, таким же стрелкам и цифрам.

А что бы он ответил, если б его спросили, что он хотел бы получить в подарок? Он затруднялся ответить.

Он и сам не один раз попадался операторам на рыночной площади. И вопросы всегда задавались на бытовую тему. В первый раз он, заинтересованный съемкой, на вопрос: «Какую марку одежды вы носите?», немного подумав, ответил: «Марки Братмопл». А когда корреспондент поинтересовался, что это за фирма, он ответил: «То есть, донашиваю после старшего брата». Тогда журналист бросил в его сторону: «Вот придурак...» Впоследствии он даже не брался отвечать на их вопросы. Но однажды (он даже не ожидал) ему был задан вопрос: «Кто ваш любимый литературный герой?» И он охотно ответил: «Дон Кихот». А на вопрос: «Почему?», ответил: «Потому что он ведет бессмысленную борьбу, воюет с ветряными мельницами».

Теперь вопрос задавали бедному на вид подростку. То ли нарочно, то ли случайно оператор снимал его крупным планом. В глаза бросалась его рваная сандалья, из которой вылезал большой палец босой ноги. Выяснилось, что он сирота. Говорил, что самая заветная мечта его – иметь мобильный телефон. «Я не имею в виду новый. В магазине продают подержанные, всего за 15 манатов». Пацан мечтал о совершении чуда. Хотел, чтобы кто-то из зрителей, которые смотрят эту программу, купил и подарил бы ему этот мобильник...

Мальчишка был таким наивным... Верил, что кто-то сейчас возьмет и подарит ему этот телефон...

Как назло, и сыр у него кончился. А хлеб без сыра никак не идет...
Палец же все ныл...

Вдруг он обратил внимание на гостей, приглашенных на программу телеведущей, лицо которой имело форму кирпича. В студии были Годавир Михалыч и Джумалы-киши. Он вскочил с места и подошел к экрану совсем близко. Все свое внимание сосредоточил на программе. Появление на экране знакомых людей вызвало в нем особые чувства. К тому же он мог заново прокручивать в памяти вчерашнее представление. Почувствовал в себе какое-то спокойствие от этого.

Ведущая рассказывала о невероятном случае. Говорила, что чуть не было сорвано выступление деятелей искусств, прибывших в наш город с гастрольным концертом. Во время вчерашнего представления произошло чрезвычайное происшествие (какое именно, она не сказала). Все зрители покинули зал, остался лишь один человек – вот этот самый дядя Джумалы. Он сидел до самого конца, чем продемонстрировал свою любовь к искусству. И артисты играли только для него одного.

«Это же неверно», – пробормотал он.

По мере того, как расхваливали Джумалы-киши, в нем пробуждались обида и чувство ревности к мужчине. Глазами поискав в студии хрустальную вазу, ставшую виновницей всего. Нашел ее на столе и своим злобным взглядом разбил вдребезги.

Происходили невероятные вещи! Джумалы-киши подарили годовой абонемент во все театры и на концерты в Баку (можно подумать, ему это нужно), стотомник «Новейшей мировой литературы» (у него закололо сердце, как услышал это), даже **билеты на экскурсии** в Миланский театр Ла-Скала и Луврский музей в Париже (Боже, какое невероятное везение).

Сейчас, представляя себя, рассевшегося с важным видом в этом самом белом кресле (оно, вероятно, заскрипело бы) вместо Джумалы-киши и принимающего с удовольствием все эти подарки судьбы (от радости навернулись бы слезы на глаза, затряслись бы руки), представляя ликование членов семьи у телевизора (мать точно пустилась бы в пляс), он испытывал боль внутри, чувствовал, как огромные концертные, театральные и музейные салоны давят на него, а на голову нескончаемым потоком падают каменные книги.

Но моментами перед глазами вставал образ молодой девушки, порхающей в подвенечном платье с сияющим лицом.

Но почему-то она совсем не была похожа на Джумалы-киши. А если поискать, больше похожа на его отца, а еще точнее, на мужчину с задумчивым лицом, глядящего на него со старой фотокарточки в маленькой рамке на комоде.

Вдруг из искр, извергавшихся с ее счастливого лица, возник настоящий фейерверк. И от разноцветных кружков, конусов и звездочек он почувствовал в себе облегчение и удовлетворенность...

Окно захлопнулось. Поднялся ветер. Хорошо, что стекло не разбилось. Быстро встал и защелкнул шпингалет. Взглянул на улицу. Перед его глазами была обычная каждодневная картина. Люди с посудой в руках стояли на тротуаре в ожидании своей очереди у молоковоза, несли из магазина к себе домой румяные батоны хлеба в полиэтиленовых пакетах, вдоль тротуаров летал мусор из бумаги и целлофановых кульков. Таким же обыденным был и молодой человек, ожидавший свою возлюбленную у ее дома, выкуривая при этом сигарету и переминаясь с ноги на ногу.

Когда ведущая с кирпичнообразным лицом представила слово Годявиру Михалычу, звук в телевизоре начал хрипеть, пропало изображение, но потом все быстро наладилось. Выступающий заметил, что культура действительно спасет мир, и в подтверждение этого сказал, не обращая внимания на знаки ведущей, призывающей не упоминать подробностей происходившего, что во время вчерашнего ЧП Джумалы-киши в зале был не единственным, кто не побежал за деньгами. В зрительном зале остался еще один молодой человек.

Тут он почувствовал, как на него нахлынули радостные эмоции. Растрогался, на глазах выступили слезы. Но Джумалы-киши в грубой форме отнял у Годявира Михалыча микрофон и то, что он сказал, ввергло его мир в страшную тьму:

– Тот парень сидел рядом со мной. То, что он не побежал за 50 манатами, не говорит о его любви к культуре. Он сам мне признался, что к денежным купюрам у него аллергия и при контакте с ними тело начинает чесаться и покрывается сыпью...

* * *

На занятиях он сидел подавленный. Иногда он думал, что готов снести и разрушить все, что кажется ему ровным и гладким. Он доходил до состояния бунтаря и, мысленно вооружившись, бросался в бой. Но вся беда в том, что, обессиленный, он начинал стонать под тяжестью своих же доспехов. В бою, который он хочет затеять, ему придется сдаться, подняв белый флаг...

Зивяр неоднократно подходила к нему с целью выяснить причину его плохого настроения, но он упорно молчал. В результате она заподозрила появление третьей силы, жаждущей их разлучить и пытавшейся внести разлад между ней и любимым.

Заявила, что пойдет на смертный бой ради сохранения их любви и может разорвать на куски предполагаемую стерву.

Мехман с особым смаком рассказывал о своих вчерашних выходках в отеле, о том, как сегодня вечером будет кайфовать с чувихами (возможно, среди них будут и те, которых они вчера с позором турнули из отеля).

Он сидел и вынужденно слушал все эту гнусную болтовню. Так и хотелось спросить этого «рыцаря», знает ли, имя какого литературного героя он носит?

Хорошо, что Барат, их староста, увел этого идиота, чью трепотню неприятно было слушать.

Он всегда считал, что Барат в группе лучше других ребят. В прошлом году им преподавал очень требовательный педагог, который заявлял, что оценки будут ставить исключительно за знания. Они всей группой договорились написать ректору жалобу на него, указать, что он груб, не умеет вести урок, и что девушкам делает непристойные предложения. Все подписались, один он отказался сделать это. С ними учится парень, Талыбом зовут, так он схватил его своими большими и толстыми пальцами за горло, мол, ты хочешь быть белой вороной среди нас? Ведешь себя, как экстраординарный человек. Вот тогда в разговор вмешался Барат и вырвал его из рук Талыба, сказав, что на самом деле это он самый обычный, а все мы – экстраординарные...

...Когда проходил мимо деканата, его внимание привлекли двое студентов, которые разговаривали между собой, выражаясь нецензурными словами. Хотел подойти и сделать им замечание, но ноги не послушались его.

Интересно, чем кончатся там дела с табаком? Удастся ли договориться с банком, чтобы не начисляли проценты по отцовскому кредиту? Прошел также мимо парня, царапающего ключом на свежеокрашенной стене лестничной площадки 2-го этажа любовное послание своей девушке.

Жители Дома престарелых очень надеялись, что он приведет к ним певицу. Придется расстроить их.

Зивяр в очередной раз засыпала его в аудитории вопросами («Ты думаешь, я не знаю, на кого ты меня променял? Думаешь, я не в курсе, что вчера вы обнимались с Кенуль? Скажи честно, чем она лучше меня? Вот увидишь, я покончу с собой. Я не могу больше выносить это. Ты этого хочешь?»).

Впервые в жизни он решил сбежать с уроков. Не сказав никому ни слова, взял свою книгу в красной обложке подмышку и покинул аудиторию.

Вдруг эта стерва-хозяйка и впрямь выставит его за дверь? Что тогда?

Когда шел мимо актового зала, увидел, как одетые по последней моде кокетки с младших курсов высмеивают отснятое на их дорогие телефоны изображение пачана в рваном башмаке, из которого вылезал большой палец. Это его потрясло. «Это уж слишком», – пробормотал он и решил, что не может остаться равнодушным к такому безобразию. Но ноги снова не послушались его, и он удалился оттуда. Не мог поверить. Неужели он не в состоянии найти в себе силы, чтобы встать на защиту наивного пацана, чтобы наехать на этих наряженных матрешек, бросить им в лицо, что поступают не по-человечески?

Может, на самом деле устал?

Может, эта птичка прямо сейчас вырвется из какого-нибудь открытого университетского окна, найдет его и скажет: «Привет».

...Постскриптум книги он дочитывал в автобусе, когда ехал к профессору домой:

...The Last of the Mohicans – Последним из могикан сейчас называют представителя какой-нибудь социальной группы, отмирающего социального явления, сторонника устаревших правил, идей, отживших свое время...

* * *

...Стуча по клавишам, он заносил текст с пожелтевших и запыленных Профессорских рукописей в память компьютера, выпивая между делом горячий, свежей заварки чай с мелко колотым кусковым сахаром, которые любезно подносила хозяйка дома (несмотря на ее предложение, он никогда у них не обедал).

Он рассказывал старику о вчерашнем представлении, о неотразимой Фрайде и ее блестящем выступлении. Вспомнил, что по дороге из окна автобуса увидел, как разбирали арену. Ему стало грустно. Разахался. Наверное, больше никогда не придется увидеть Годявира Михалыча, Ило, Бахти, Кхамало (Фрайду он специально не назвал, поскольку знал, если назовет, то совсем расстроится), не посчастливится окунуться в тот сказочный, ярко-красочный мир.

Хоть бы какая-нибудь память осталась у него от этого спектакля. Хотя бы проклятый контролер вернул ему часть билета после отрывания на отметке «контроль».

Вдруг вспомнил о носатом и большезубом мужчине с сыном, которые сидели рядом и лузгали семечки. Невольно засунул руку себе в карман и достал из него кофажурку, стал с умилением озирать единственную память о вчерашнем удовольствии.

Профессор чувствовал себя сегодня неважко. Подскочило давление. Жена принесла тонометр и стала мерить. «Немного упало. Сейчас девяносто на сто сорок», – сказала, чтобы не переживал, и удалилась.

Клавиатура, кажется, износилась. Приходится тыкать по нескольку раз. О, отлично. Оказывается, есть Интернет. Набрал в Гугле «аллергия» и стал читать:

«Аллергия. С греческого – другой, инородный, чужой. Различные аллергены, воздействуя на организм, могут вызывать зуд, сыпь, слезоточивость, чихание, головокружение...»

Он вздохнул. Значит, аллергия – это воздействие чего-то инородного, того, что организм не принимает. Люди говорят: «У меня аллергия на то-то» (на пыль, на различные лекарственные препараты, на какие-то продукты питания, такие, как цитрусовые, клубника, про аллергию на бумажные купюры у некоторых людей он специально не вспомнил) и стараются держаться подальше от этих вещей. Точно так же по мере того, как люди не делают добра и не проявляют милосердия, у них возникает аллергия на эти человеческие качества. Но разница в том, что этого не признает сам человек, старается держать его втайне.

По обычаю, с профессором они поболтали и о Гарабахе, и о жестокости нашего времени. Он рассказал также о наивном мальчишке из утренней программы, заветной мечтой которого было иметь телефон за 15 манатов.

Профессор поинтересовался книгой, которую он читает. Перелистал книгу в красном переплете, затем, вздохнув, сказал:

– Ты очень чувствительный парень. Я тоже в молодости был таким. А теперь, сам видишь, мучает давление. Кто в молодости бывает чувствительным, к старости становится метеочувствительным.

Пальцы его ходили по клавишам, а мысли умчали в село, к родным. Все сельчане в этом году взяли кредиты в банках, чтобы вырастить табак. Но заказчик отказывался принимать урожай. Требовал, чтобы сперва высушили (тогда табак стал бы легким, и он мог бы заработать вдвое). И люди, не имеющие условий для сушки, а еще и угнетенные банковскими процентами, вынуждены были развешивать рядами листья у себя дома. Он переживал за здоровье своих родных, вынужденных вдыхать пары табачных листьев. Прекрасно знал, насколько это вредно для организма, особенно губительно влияет на легкие и дыхательные пути. Знал, что длительный контакт с этим растением может негативно отразиться на образе мышления, а также может привести к массовому психозу и индивидуализация сменится на эгалитаризм.

Но больше переживал за дедушкины книги, находящиеся в комнате, где сушили табак...

Он поделился с профессором всем, чем мог, и ему стало легче. Рассказал о прессинге на него черного цвета, о заказчиках табака, про свою хозяйку, о своих курсниках Мехмане и Таляте, о парнях из чайханы, о певице по имени Ильяна, о разряженных матрешках с младших курсов, о Джумалы-киши. Сказал о том, что устал. Рассказал даже о маленькой птичке, которая легко может уместиться в кулаке.

Так не пойдет, нужно поменять мышь на компьютере. Работает плохо.

Супруга профессора подала свежий чай. Было вкусно пить крепкий чай с сахаром вприкуску. Когда ученый отводил взгляд, он лопал колотый сахар по два, по три куска. Изголодался по сладостям. Ему даже казалось, что голова у него слегка закружилась, и что старинные вещи в этой старинной квартире начали двигаться.

Надо было торопиться, не то продавец старья на рыночной площади мог закрыть свою лавку и уйти. Он хотел предложить ему свои наручные часы минимум за 15 манатов.

Профессор говорил о чем-то. Сосредоточившись, он постарался вникнуть в то, что он говорил. Старик рассказывал, что наши деды годами передавали нам горящие свечи, как символ света и тепла. Сегодня же каждый гасит по одной свечке. Придет время, будет погашена последняя. И тогда все мы останемся без света и тепла. А когда ученый спросил его: «Это тебя не пугает?», он оторвал взгляд от своих часов и, слегнув, ответил: «Нет».

Профессор, недоумевая, повторил вопрос:

– Как это? Тебя не пугает, что когда будет погашена последняя свечка, все мы останемся без света и тепла?

– Нет, – сказал он с той же уверенностью.

– Почему?!

– Солнце же ведь не смогут погасить!

* * *

...Он шел на рыночную площадь. И сильно пожалел, что не пошел той дорогой, которая вела мимо места, где когда-то была установлена передвижная аrena. Но он был твердо уверен, а также очень счастлив, что где-то, помимо зрячих людей, автомобилей, деревьев, домов, возможно, даже в поезде, самолете, на пароме, а может, уже по ту сторону границ есть белый, теплый, таинственный смех.

Погода была тихая, безветренная.

Он дошел до будки торговца, снял свои наручные часы, почувствовал навернувшиеся на глаза слезы...

ЛАЛА ГАСАНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГОРИЗОНТЫ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ, НАСТОЯЩИМ И БУДУЩИМ

Первый вице-президент Национальной академии наук Азербайджана академик Иса Габибейли – разносторонняя личность. Выдающийся ученый-литературовед, он долгое время руководил Нахичеванским университетом. С 2013 года является директором Института литературы им. Низами Гянджеви НАН Азербайджана. Будучи депутатом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, активно участвует в общественно-политической жизни страны. Возглавляя Комитет по науке и образованию Милли Меджлиса (с 2015 по 2019 год), участвовал в подготовке и принятии нормативно правовых актов и законов. Результатом многолетней и плодотворной научной деятельности является его книга, изданная в 2019 году в Москве (*Габибейли И. Литература, время, современность. Москва, Художественная литература, 2019, 416 с.*). В аннотации к книге отмечается, что в ней представлены исследования, «посвященные проблемам многовековой истории азербайджанской литературы, творчеству ее видных авторов-создателей, а также вопросам теории литературы и литературных связей». В издание, наряду с исследованиями в области азербайджанской литературы, включены также статьи о перспективах развития науки в республике, о знаменитых современниках нашей эпохи, словом, все то, чем живет, во имя чего неустанно трудится академик.

Концепция периодизации литературы

«*Определенные для современной концепции периодизации истории азербайджанской литературы критерии позволяют объективно отразить реалии общественно-культурного и литературно-исторического процессов, произошедших в многовековой истории нашей литературы, специфические особенности пройденного пути развития. Под реалиями литературно-исторических процессов подразумеваются диалектическая связь, синтез и единство идеалов искусства, обусловленных естественной логикой, внутренней эволюцией азербайджанской литературы с общенациональными идеалами народа в различные времена.*

Выступление при этом с позиции какой-либо сторонней, узко-политической идеологии препятствовало бы реальной оценке, анализу и обобщению литературно-исторического процесса. Поэтому определение объективной периодизации пути развития истории национальной литературы без учета реалий и органической связи литературно-исторического процесса представляло бы большую сложность».

Иса Габибейли

Книга эта может быть интересна всем, кто желает ознакомиться с азербайджанской литературой, проследить ее развитие с древнейших времен до сегодняшних дней. Так как ранее предложенные классификации периодизации литературы по объективным причинам не отражали реальной картины мира, Иса Габибейли поставил перед собой цель взяться за это довольно сложное и кропотливое дело. Годами он изучал материалы по теме, чтобы как можно более разносторонне раскрыть эту проблему.

«Для историков литературы самыми сложными являются теоретические вопросы истории литературы. Именно к такого рода вопросам относится периодизация.

Проблема периодизации – одна из тех, решение которых позволяет исследовать характерные особенности и закономерности литературного развития, его движущие и тормозящие силы, особенности и тенденции в их неразрывных связях с социальной и интеллектуальной историей в мировом историко-культурном контексте. От степени совершенства внедряемой в научный обиход периодизации, от того, насколько она реально отражает этапы развития литературы, зависят оценки характера и качества как целых литературных периодов, так и отдельных литературно-художественных творений и их исторической роли. Важно, чтобы периодизация была научно обоснованной и не подверженной никакой другой целесообразности, кроме одной – историко литературной истины».

Иса Габибейли – специалист по истории и теории литературы – создал новую периодизацию азербайджанской литературы.

Ранее исследователи классифицировали этапы литературы, Иса Габибейли еще более развил тему, охватив также и период новейшей литературы, обобщил и по-должил все исследования, которые проводились в разные годы.

Как подчеркивает исследователь, необходимость в новой периодизации обусловлена несколькими факторами: во-первых, «виду разработанности этапов развития азербайджанской литературы на основе общественных формаций и идеологических принципов данная периодизация оказалась несостоятельной из-за неполного отражения реальностей национального историко-литературного процесса»; во-вторых, на современном этапе появилась необходимость «периодизации истории национальной литературы на основе новой универсальной концепции, элиминированной от социологических и идеологических принципов. Происшедшие в XXI веке в мире и в стране большие общественно-политические изменения, углубление процессов национально-духовного самопознания, а также имеющие место аксиальные (осевые) тенденции на основе общечеловеческих ценностей стимулировали появление новых критериев периодизации истории литературы как и истории и общественной мысли в целом».

Данная классификация оригинальна тем, что автор ссылается именно на литературно-художественные критерии.

«При периодизации истории азербайджанской литературы, – как считает ученик, – необходимо учитывать литературные течения. Внимание к литературным течениям важно еще и с точки зрения отслеживания влияния происходящих в мире объективных процессов, научно-технических новшеств, глобальных перемен на литературный процесс».

Критерии, на которых основывается автор периодизации, это – 1. Идея азербайджанства; 2. Фактор цивилизации; 3. Литературные течения; 4. Реальности историко-литературного процесса.

История развития азербайджанской литературы в книге разделена на следующие этапы:

1. Азербайджанская литература древних веков (от этноса – к эпосу).
2. Этап общего начала письменной азербайджанской литературы (VII-X вв.).
3. Азербайджанская литература периода Возрождения (XI-XII вв.).
4. Азербайджанская литература средних веков (XIII-XVI вв.).
5. Азербайджанская литература ранне нового периода (XVII-XVIII вв.).
6. Азербайджанская литература периода просветительского реализма (XIX в.).
7. Эпоха критического реализма и романтизма (90-е гг. XIX-начала XX в. советского периода).
8. Этап социалистического реализма в азербайджанской литературе, или Азербайджанская советская литература (1920-1960гг.);

9. Возвращение к истокам национально-духовного самопознания и этап независимости: модернизм (1960-1990 гг.).

10. Многометодная азербайджанская литература периода независимости (после 1991 г.).

Особенно ценным является тот факт, что в исследовании прослеживаются переходы от раннего реализма к просветительскому, критическому реализму, подробно рассмотрены романтизм, сентиментализм и модернизм в азербайджанской литературе, а также новые литературные течения, характерные для современной литературы (начиная с 90-х годов XX века).

При рассмотрении данных тем автор акцентировал внимание на национальной специфике азербайджанской литературы: «Выявление в азербайджанском романтизме особенностей неосуфизма выражает новый научный подход к сущности данного литературного течения. Неосуфизм, обогативший своими идеями различные литературные течения, более всего проявился в романтизме. Идейно-структурная близость романтизма начала XX века к суфийским моделям классического романтизма позволяет квалифицировать его новое проявление как неосуфизм».

В статьях, посвященных этапам развития азербайджанской литературы, выявлены историко-политические факторы, тенденции развития, основные памятники и представители литературной эпохи. Подробно рассмотрены поиски новых способов эстетического самовыражения и жанрово-стилевых форм, характерные для каждого отдельно рассмотренного периода. Наряду с этим, классикам азербайджанской литературы посвящены отдельные очерки, в которых исследователь не только дает полную характеристику каждого автора, но и отмечает новаторство их произведений, рассматривая все в контексте исторического времени и литературного процесса в целом: «... лирика Насими отличается собственной позицией. В своих произведениях поэту удалось достичь тождества между идеалом и человечностью. Воспевая человека, Насими поднял его на уровень Бога. В отличие от любовно-романтического стиля средне-восточной, в том числе азербайджанской поэзии, человек в поэзии Насими представлен в формате духовной высоты индивида, внутренней свободы и величия личности. Насими, выведя лирического героя классической азербайджанской поэзии из любовного ореола, воспел его в образе божественного существа, ашуга истины, следующего верным путем. Насими расширил пространство общественных мотивов в азербайджанской поэзии, развивающейся более в духе ашугской приверженности. Кроме того, в поэзии Насими назидательность отошла на задний план, уступив место мотивам жизненной философии и воинствующему духу. И сам Имадеддин Насими своей трудной биографией и протестными стихами возвышается как величественный памятник поэту-мыслителю».

В результате такого подхода многовековая азербайджанская поэзия выстраивается перед читателями как единое целое: «Великий Низами создал школу эпической поэмы. Мухаммед Фузули – основатель лирической школы. Молла Панах Вагиф – создатель письменной поэзии, основывающейся на устной народной поэзии. Мирза Алекбер Сабир – великий основатель сатирической поэзии в азербайджанской литературе. Мохаммедгусейн Шахрияр создал в Южном Азербайджане поэтическую школу на родном языке. Расул Рза вошел в историю азербайджанской литературы как основатель школы свободного стихосложения. А Самед Вургун в XX веке поднял в азербайджанской литературе силлабическую патриотическую поэзию на уровень поэтической школы. Эта великая восьмёрка многовековой азербайджанской литературы жила и создавала свои школы в разные эпохи, при этом никто из них друг друга не повторил, у каждого из них был свой, оригинальный путь. Они обогатили нашу национальную литературу новыми темами и жанрами, неповторимыми образами, своеобразными изобразительными средствами, подняли поэтическое восприятие на новый уровень и сформировали школу своих последователей».

Иса Габибейли давно и основательно занимается изучением творчества великого азербайджанского писателя-сатирика, драматурга, журналиста, просветителя Джалила Мамедгулузаде и его современников. Он автор нескольких монографий о творчестве писателя. Именно академик впервые выявил и представил общественности многие факты из жизни и творчества Дж.Мамедгулузаде, который «прославился как создатель литературной школы «Молла Насреддин» и основоположник критического реализма как литературного течения в азербайджанской литературе. Известный как большой писатель-демократ, Джалил Мамедгулузаде заложил в национальной литературе основы жанра миниатюрного рассказа-новеллы и сатирической публицистики. Мирза Джалил Мамедгулузаде признан и как основоположник литературы национальной независимости. Имя писателя значится в одном ряду с видными творцами мировой сатирико-реалистической литературы».

Многие работы Исы Габибейли являются результатом многолетней и кропотливой работы в архивах. В этом ряду мы хотели бы особо отметить статью о писателе и публицисте Эйнали беке Султанове.

ХХ век был довольно сложным и противоречивым. Объективно охарактеризовать этот период довольно сложно. Многие при этом поддаются излишнему нигилизму, а некоторые хотят очистить этот этап от политизированности, предав забвению все произведения о партии, вождях коммунизма. Учитывая эти факты, исследователь довольно подробно анализирует литературу советского времени:

«Авторы целого ряда образцов этого периода сумели отобразить на фоне классовой борьбы, интернациональном фоне жизненные процессы, противостоящие известной идеологии, нравственный мир простых людей, их надежды на будущее. В этот период были созданы многие ценные образцы любовной лирики, стихотворения на южную тематику. В литературе советского периода также были созданы произведения, в которых различными художественными средствами были выражены нотки определенного сопротивления официальной идеологии».

Особо останавливается автор на творчестве «шестидесятников», справедливо полагая, что они смогли «значительно дистанцироваться от принципов советской идеологии, поднявшись до уровня литературы, проникающей в глубины действительности и нравственного мира человека». Обобщая свои рассуждения, академик отмечает нетождественность понятий «азербайджанская литература советского периода» и «азербайджанская советская литература».

«Если сравнить эти опыты, то окажется, что в целом в объеме литературы ХХ века доля азербайджанской литературы советского периода превосходит долю азербайджанской советской литературы.

Азербайджанская литература советского периода своими корнямиозвучна с литературой начала ХХ века, а с точки зрения перспектив – более близка к литературе периода независимости. Это доказывает возможность создания истинно большой литературы и в рамках господствующей идеологии. Этот феномен можно квалифицировать как эталон литературы, обеспечивающей устойчивое развитие традиций национальной литературы в трудных идеологических, политических условиях. Таким образом, азербайджанскую литературу советского периода можно считать своеобразным мостом между литературой национального духа досоциалистического строя и следующей за ней литературой независимости».

Характеризуя литературу советского периода, ученый отмечает большую роль Гейдара Алиева в формировании национальной литературы: «Именно эпоха Гейдара Алиева послужила основанием для формирования в самостоятельный исторический этап процесса возвращения в азербайджанской литературе и общественной мысли к национальному самопознанию. Сформированная эпохой Гейдара Алиева национальная политico-идеологическая среда выдвинула азербайджанскую литературу на приоритетные позиции в общественной жизни. Первые образцы творчества поколе-

ния «шестидесятников», вышедших на литературную арену вслед за «хрущевской отепелью», составили начальный либо подготовительный этап периода возвращения к национальному-духовному самопознанию. А большая литература азербайджанства, созданная в эпоху Гейдара Алиева, явилась «золотым этапом» этого исторического периода в национальной литературе».

В книге подробно рассмотрена не только прошлая эпоха, но и современная литература. Иса Габибейли является идеяным редактором и одним из авторов двухтомного издания «Азербайджанская литература периода независимости», благодаря которой впервые наша современная литература предстала перед исследователями и читателями как единое целое. Этот непростой, довольно противоречивый и сумбурный литературный этап в монографии условно разделен на две части:

«1. Поиски идеалов независимости и формирование литературы новой эпохи (переходные процессы). 90-е годы. 2. Развитие и упрочение позиций азербайджанской литературы периода независимости. XXI век».

Автор указывает на многогранность этого периода: «Многометодная азербайджанская литература периода независимости является новым этапом в истории многовековой национальной литературной мысли, характеризующимся позицией приоритетности азербайджанства, новизной формы и содержания, объективным отношением к общественным процессам и человеку, расширением пространства различных художественных методов и стилей».

В монографии наряду с периодизацией азербайджанской литературы изложена и периодизация истории общетюркской литературы, которая систематизирована в следующей последовательности:

Древняя тюркская литература (литература мифологического периода и эпохи: от эпоса до X века).

Тюркская литература периода Возрождения (XI-XIII вв.).

Тюркская литература Средних веков (XIV-XVIII вв.).

Литература тюркских народов Нового времени (XVIII-XIX вв. и начало XX в.).

Новейший период тюркских народов (с начала XX в. до 90-х годов XX в.).

Современная литература тюркских народов (после 90-х годов XX в.).

Необходимость данной классификации обусловлена тем, что литература тюркских народов долгое время рассматривалась в составе восточной литературы. Как известно, в советском литературоведении традиционная схема мирового литературного процесса ориентировалась, в основном, «на западно-европейский культурно-исторический опыт» (Хализев В. Теория литературы. Москва, Высшая школа, 1999.). Но со временем, поняв ошибочность этого подхода, ученые «обосновали концепцию, дополняющую и в какой-то степени пересматривающую привычные представления о стадиях литературного развития. Здесь в большей мере, чем раньше, учитывается ...опыт неевропейских регионов и стран» (там же).

Представленная классификация общетюркской литературы доказывает основательность и научность данного подхода и тем самым «создает возможность для объективного научного осмысливания этапов развития и исторической эволюции этой большой литературы во всем богатстве ее содержания и формы».

В XX веке некоторые исследователи считали нужным дополнить традиционную классификацию литературных родов. Иса Габибейли, так же, как русские ученые Л. Тимофеев, Я. Е. Эльсберг, Ю. Б. Борев считает, что следует выделить сатиру в самостоятельный род литературы («Сатира – как литературный род»). Развивая тему, ученый настаивает: «Независимо от принятия или неприятия нами этой гипотезы, в самой литературе сатирический литературный род уже реально существует. Оптимальным выбором как с точки зрения литературы, так и науки о ней, представляется подтверждение данного факта, обогащение его новыми аргументами».

Новые перспективы сотрудничества

«Слово «дружба» объединяет в себе понятия доверия, преданности, единства.

Дела, претворенные в жизнь на основе дружбы, отличаются своим качеством и ценностью.

Поэтому дружба является одним из главных условий для совместного сотрудничества. Дружба и сотрудничество, расширяя дружеские связи между отдельными людьми, обусловливают их превращение в коллективные отношения.

Сотрудничество играет важную роль в результативности дружбы, чтобы оставаться в памяти в практических делах».

Академик Иса Габибейли

Так получилось, что в конце XX века слова «дружба» и «сотрудничество» были замещены словами «вражда», «порабощенность», «отчужденность» во всех сферах жизни. Понадобилось определенный промежуток времени, чтобы все мы пересмотрели произошедшее и заново определили перспективы развития. Через определенное время общественность снова обратилась к этим категориям, поняв, что невозможно жить и развиваться в условиях ненависти и вражды.

Отдельный параграф книги посвящен литературным взаимосвязям, сотрудничеству между творческими людьми и учеными на современном этапе. И в научной, и в общественной деятельности академик Иса Габибейли постоянно в поисках. Нестанно изучая мировую практику, он открыт для сотрудничества и взаимного развития.

На современном этапе, после недлительного перерыва, возобновляются литературные взаимосвязи между странами. В годы руководства академика Габибейли Институтом им. Низами Гянджеви, сотрудничество с международными научными учреждениями стало одним из приоритетных направлений в деятельности Института. За эти годы было подписано несколько соглашений о взаимном сотрудничестве Института с разными научными учреждениями – Академией наук Туркменистана, Институтом грузинской литературы им.Шота Руставели, кроме того Институт литературы активно сотрудничает с научными учреждениями КНР и многих других стран мира, азербайджанскую литературу переводят на языки разных народов, на азербайджанском языке издаются многие зарубежные авторы.

Также ученые из разных стран собираются на Бакинском международном гуманитарном форуме, который, начиная с 2010 года, ежегодно проводится в столице и в других древних городах нашей страны.

В Институте литературы имени Низами Гянджеви проводятся мероприятия, посвященные классикам как азербайджанской, так и русской литературы. Конференция, посвященная великому русскому писателю М.Шолохову, творчество которого очень высоко ценят в Азербайджане, в 2014 году была проведена в Москве, а в 2015 году организована видеоконференция в Баку. На основе материалов международной конференции была издана монография «Семья в этнокультурном пространстве России и Азербайджана» (Москва-Баку, 2014), которая стала первым совместным монографическим исследованием, изданным сотрудниками Института литературы имени Низами Азербайджанской Национальной академии наук и Ставропольского филиала» Московского Государственного Педагогического Института. При сотрудничестве азербайджанских и российских ученых также были изданы книги «Дружба и мир: культурные ценности Азербайджана и России» и «Мультикультурализм: тенденции и реальность».

В книгу «Литература, время, современность» включены также интервью, портреты, очерки о знаменитых современниках эпохи – ученых, писателях, поэтах.

Азербайджан и Россию связывают долгие и крепкие литературные, культурные взаимосвязи. В нашей стране и по сей день имеются русскоязычные издания, существует плеяда русскоязычных писателей и поэтов, в их ряды постоянно вливаются новые авторы, среди которых немало молодежи. В Институте литературы имени Низами Гянджеви ежегодно проводится научная сессия, посвящённая литературным итогам прошедшего года. С 2015-года по настоянию Исы Габибейли в число докладов была включена тема о русскоязычной литературе Азербайджана. Материалы научной сессии публикуются в отдельном сборнике.

Интервью академику Исы Габибейли с лауреатом Нобелевской премии академиком Жоресом Ивановичем Алферовым – это размышление двух ученых о перспективах развития науки в современном мире.

Мы гордимся людьми, которые высоко ценят культуру азербайджанского народа, исследуют судьбы личностей и переломные эпохи нашей истории. Известный кавказовед Рудольф Николаевич Иванов является автором «капитальных по исторической и политической значимости трудов, посвященных Азербайджану». В статье «Роман-исследование о смертельных схватках», посвященной творчеству Р.Иванова, Иса Габибейли высоко оценил научное и публицистическое творчество видного «представителя русского азербайджановедения».

В последние годы развиваются также взаимосвязи со странами Средней Азии и другими тюркскими народами.

В книгу включены статьи о Чингизе Айтматове («Вечный могиканин литературы – Чингиз Айтматов»), Абдылжане Акматалиеве («Известный киргизский ученый-литературовед»), татарском поэте Разиле Валееве («Поэтические мосты дружбы»).

13 июля 2018 года в Азербайджане был проведен международный симпозиум «Чингиз Айтматов: феномен объединения национального с общечеловеческим», посвященный 90-летию великого писателя. Специальный выпуск журнала «Сравнительное литературоведение», являющийся изданием Института литературы им.Низами Гянджеви, был посвящен творчеству Чингиза Айтматова. Высоко ценя творчество писателя, академик отмечает: «*Его творчество явилось непревзойденным примером создания в условиях советской действительности большой литературы, сумевшей выйти за пределы канонов социалистического режима*». В своей статье Иса Габибейли подробно рассматривает вопросы изучения творчества писателя азербайджанскими исследователями, перевод его произведений на азербайджанский язык.

Представители научной, творческой интеллигенции – послы мира, гармонии и добра, так как своей научной, общественно-политической деятельностью они заявляют о культуре, истории, научных достижениях своего народа, страны перед всем миром, способствуя сотрудничеству между странами. Эта монография примечательна тем, что является ценным изданием об азербайджанской литературе, о перспективах сотрудничества азербайджанской творческой, научной интеллигенции с мировой общественностью, о новой эре сотрудничества и взаимопонимания.

ГЮЛЬАГА ТАНХА

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Воспоминание

В прошлые годы вернуться на миг,
в жизнь, что прошла мимо окон моих.
Вновь у развилки дороги стоять...
Ждать... Не дождаться...
Пусть хлынут опять
 капли дождя семенами тоски,
 чтобы весенней надеждой взойти.

Снова стоять, дожидаясь тебя,
память поникшую теребя...
Видишь –
парит среди мглы и дождя
в белых одеждах надежда моя.
Ждать, как безумцу...
Продрогнув, устав...
Наперекор всем дорогам и снам!

Ждать, обратившись лицом на луну...
Ляжет дорога,
как солнечный луч.
Тучу, набухшую черной тоской,
с глаз отведешь моих милой рукой.

Мало мне бед, что согнули меня, –
горы тоски обступают меня.
К небу тянусь,
милосердья прошу,
здесь, на земле, весть благую ищу.

Ты – словно дух,
что врачует надеждой!
Руки мои парой птиц белоснежных
тихо опустятся в косы твои,
черные мысли смахнут, словно пыль.

Ах, хоть бы раз мне вернуться туда!..
В годы, умчавшиеся навсегда,
воспоминаний тропа уведет,
алые розы к ногам наметет.
Вновь у того же окна мне сидеть,
в той же тоске на дорогу глядеть...

**Веет в мою половину окна
ветер холодный во все времена.
Ты ж, что за рамою смутно видна,
нынче, как жизнь,
как весна, далека...
Так далека от меня...
Далека...**

Верни мне...

**Ты помнишь ночь, что таяла в зрачках,
И небо, что раскинулось над нами?..
Завидовали нам в иных мирах,
На землю глядя звездными глазами.**

**Моя рука плыла в твоих кудрях,
Дыханье опаляло лоб твой чистый.
И превращалась поздняя заря
В мёд наших слов –
и сладкий, душистый.**

**И ветер тот, слова срывавший с губ,
Их уносил бесследно в тьму ночную
Забыли мы те страхи, ту тоску,
Упрямство страсти, жажду поцелуя.**

**От света проносящихся машин,
От праздных взглядов, от шагов прохожих
И от дождя, что по плечам шуршит,
Тогда нам было скрыться невозможно.**

**Верни мне жар любовных этих чар,
За столько лет минувших не угас он...
Меняю сотню «завтра» на «вчера»,
Верни мне свет той ночи –
чистый, ясный!..**

Тоска по Родине

**Сон тоски моей вечной не в силах унять –
вдалеке от тебя
как скучаю я, Родина!..
И во сне продолжает душа изнывать –
вдалеке от тебя
как тоскливо мне, Родина!..**

**Сохранился ли след мой на отчей земле,
в шумном городе или в далеком селе?..**

**Утро сбросить пытается ночь, словно сеть...
Вдалеке от тебя
как скучаю я, Родина!..**

**Кто сорвал мой цветок?
Где его лепестки –
Пожелтели, завяли от жгучей тоски?..
Помнишь ли, как мы были душою близки?
Вдалеке от тебя
как тоскую я, Родина!..**

**Дальней песней с чужбины стремлюсь я к тебе,
все желанья и мысли мои – о тебе,
воспарю я с последним дыханьем – к тебе...
Вдалеке от тебя
нет покоя мне, Родина...**

Не смотри...

**Снова бедное сердце дрожмя-дрожит —
Снова с серых небес белый снег валит,
Беспощадный ветер глаза слепит,
Загасить пытаясь огонь любви.**

**Столько лет над бедной моей головой
Ты метелью проносишься, бурей гремишь.
Навсегда став мою судьбой и бедой,
Снова вдаль за неведомым счастьем спешишь.**

**Высоко в горах тает синий снег,
Миротворцем идет по земле весна.
Отчего же тепла между нами нет?
Все смешались сезоны и времена...**

**От холодного взгляда любимых глаз
Побелею, как снег, тресну, словно наст.
Даже имя твое прошептать не могу –
Не разнять мне вовек стужей скованных губ.**

**Жизнь запуталась в сети твоих волос,
Сколько было напрасных терзаний и слёз!..
Мне не руки – душу сковал мороз,
Что твой выюжный взгляд в мою жизнь принес.**

**Снова к югу спешит серебристый клин,
Опекают матери лебедят...
– Не смотри им вслед!.. –
я прошу тебя, –
Как меня, заморозишь их взглядом своим...**

ТАИР АЛИ
МИРЗА ХАЛИЛ И ВИРУС
ПОВЕСТЬ

После долгой болезни сам становишься хорошим врачом
Китайская пословица

1

Томатный суп Сара опять переперчила. И вообще готовила она приблизительно так же, как и жила: с энтузиазмом, но неумело. Сосредоточенно, чтобы не расплескать, Мирза Халил поднес ко рту полную ложку и, наблюдая за тем, как на экране телевизора итальянские санитары в скафандрах грузят носилки с обездвиженными стариками в кареты «скорой помощи», горящими от перца губами втянул в себя ее багровое содержимое. В протертых супах Сары всегда ощутимо присутствовал эмоциональный надрыв.

— Что творится! — энергично покачала она обернутой полотенцем головой, ставя перед Мирзой Халилом блюдечко с четырьмя таблетками разного размера и цвета. — Просто конец света! Поешь — не забудь принять.

Мирза Халил не ответил и проглотил еще одну ложку супа. Теперь уже не только губы и рот, но и все внутренности его полыхали, как в огне.

— Я добавила немножко перчинки, — сообщила Сара, подсаживаясь к столу со своей тарелкой. — Для иммунитета полезно, слышишь, Мирза? Ешь аккуратно. Позже дам тебе имбирь с лимоном и медом. Ты, знаешь, сколько сейчас имбирь стоит? Обалдеть!.. 16 манатов! Эти сукины дети в два раза почти цену подняли... Чтоб они эти деньги на лекарство потратили! Давай я тебе сухариков положу.

Зачерпнув горсть сухарей из фаянсовой вазочки, она высыпала их в тарелку Мирзы Халила.

— Я не понимаю, ну зачем надо было этих летучих мышей жрать! На них даже смотреть невозможно... Гадость! Есть больше нечего, что ли? Просто уроды! Как суп тебе?.. Почувствовал, что в нем тоже имбирь? Ты, наверное, не помнишь, а покойная бабушка во все подряд его клала. И в инжировое варенье, и в мясо... получается, знала, что делала. Где пульт? Куда ты его опять девал? Невозможно это больше смотреть, кругом только вирус, вирус, вирус... Ох, когда только эта китайская зараза кончится!

Она выскочила из-за стола и, придерживая полотенце на голове, принялась энергично шарить по диванным подушкам.

— Да где он... проклятый! Мирза?..

Скосив взгляд на журнальный столик, на котором лежал пульт, Мирза Халил втянул в себя еще одну полную ложку супа. Лицо его уже успело покраснеть и блестело от пота.

— Вот он! Вечно ты его куда-то прячешь... — Сара стала переключать каналы, наткнулась на исторический сериал и вернулась за стол. — ...говорят, кормят нас, мама, хорошо. Ну разве это дело? Заперли ребенка на две недели. А если там есть больные? Ведь они же все перезаразятся... не дай Бог!.. — она суеверно потянула мочку уха. — Что молчишь? Тебе наплевать на все, да? Мирза!.. Я тебя предупреждаю,

если с мальчиком что-нибудь случится, я этого Мурадова... я просто сожгу его со всеми его блядями!

Мурадов был ни при чем. Доктор попал в карантин еще 18-го, по возвращении из Германии, куда ездил вместе с нынешней супругой на целый месяц лечить подагру, а Эльмар – только два дня назад, по прилете из Вены.

– Сожгу! – яростно повторила Сара, принимаясь, наконец, за суп. Однако, распробовав его, заюлила на месте, как ужаленная, и, быстро обмахивая ладонью беспомощно разинутый рот, бросилась в ванную, откуда послышались звуки хлещущей в раковину воды. Пока она долго по-кошачьи фыркала там, на экране восточный мужчина в халате тискал под музыку нордическую женщину в шелковых шальварах, а Мирза Халил продолжал есть, стараясь выбрать из супа побольше размякших в нем сухариков.

Сара вернулась в столовую без полотенца, заплаканная, выхватила у него из-под носа тарелку.

– Что ж ты не сказал, что это несъедобно! – стала она кричать. – Ты посмотри на себя, помидорного цвета уже... сейчас у тебя удар будет! Ты назло мне это делаешь?.. Да? Назло?

Мирза Халил терпеливо молчал, держа на весу полную ложку. Ответить ему было нечего. За полтора с лишним года со времени операции он вообще говорил все реже и реже и жил при Саре тихо, почти незаметно. Теперь и поднимался он поздно, не раньше десяти, и спал хорошо почти все время, в немалой степени потому, что постоянное присутствие сестры, ее энергетика вконец распугали всех знакомых покойников, имевших прежде обыкновение сниться ему по крайней мере дважды в неделю. Первой, разумеется, пропала нелюбимая Сарой жена Мирзы Халила с ее дурацкими учительскими очками и вечными подковырками. Последними исчезли пауки. Сон его теперь был спокойный, несложный, хотя и с частыми подъемами по нужде – adenomy, слава богу, еще не было, но простата уже давала о себе знать, в связи с чем Сара прописала ему два разных альфа-аденоблокатора, антибактериальный ципрофлоксацин и прогулки перед сном, невзирая на погоду. Так что каждый вечер до эпидемии, сопя носом сквозь колючее кашне, нарезал он ровным шагом круги вокруг дома, разгонял застой в prostate и радовался удивительной пустоте в прооперированной голове. Иногда водила она его на бульвар или брала с собой в «Браво» за продуктами.

...Сара громко высморкалась в салфетку, обиженно сложив на груди руки, встала спиной к нему, заслонив телевизор. Пришлось ему наклонить голову вправо: бородатый в халате, закончив амурные дела, теперь держал военный совет. Воспользовавшись паузой, Мирза Халил влил в себя остывшее содержимое ложки.

– Надо померить давление, – примирительно сказала Сара через полминуты, обернувшись к Мирзе Халилу. – Плохо тебе?

Усевшись на стуле рядом, закатала она ему рукав рубашки, стала затягивать манжету тонометра вокруг бицепса.

– Все из рук валится... – ворчала Сара, близоруко сверяясь с показателями, – сам же видишь... в другое время стала бы я столько перечить?.. И ведь, главное, проворовала, вроде... Безобразие... рот сожгла, до сих пор горит. Не понимаю, как ты его ел?

Она посмотрела на него поверх очков, помолчала:

– Что теперь будет, Мирза, а?.. Умоляла же я эту суку: отговори мальчика, не пускай... Зачем было сейчас в эту Вену лететь? «Ой, он сам все решает, Сара-ханым, сам все решает» – дура безмозглай! Сука! Сейчас сидит у папаши своего, ни о чем не беспокоится, а я тут себе места не нахожу. Разве это справедливо? Надо было ей, видите ли, срочно беременеть во второй раз!.. Расслабь, расслабь руку! ...Говорят, ин-

дусы не болеют этой заразой. Интересно, почему? Может, просто не сообщают? Тут какой-то доктор Самедов в Интернете писал, что это как-то связано с рисом. То ли его больше надо есть, то ли меньше, уже не помню... В рисе есть какой-то минерал, который на вирус действует. Да оставь ты эту ложку в покое! ...нет, ну все правильно! Эта засранка тут ни при чем! Что делать, если у меня сын идиот! А все проклятое семя Мурадова... чтобы он лопнул со своими шлюхами!

Давление оказалось в порядке. Сара стащила манжету с руки Мирзы Халила и, глядя в его безучастное лицо, погладила по редкому бобрику совершенно бело-снежных волос, сквозь которые просвечивал похожий на земляного червя багровый шрам. Со времени операции волосы почти перестали расти. Не помогали ни специальные шампуни, ни длительные втирания касторового масла в скальп.

– Посмотри пока телевизор. Я согрею котлеты. – Тяжело поднявшись, она затянула пояс махрового халата, из-под которого торчал бежевый подол ночной рубашки, расшитый легкомысленными ромашками.

– Одни мы с тобой остались, Мирза. Все нас бросили. Два старых дурака, – вздохнула Сара потерянно и стала убирать со стола тарелки с остатками супа, потом вдруг замешкалась, опять посмотрела на брата поверх очков, спросила с сомнением:

– Все-таки хочешь ехать на дачу? Скучно тебе здесь? Я же вижу. На Новруз не поехали. Может, и сейчас не стоит? Подождем, пока потеплеет. Там сейчас сырь, имей в виду. Вдруг еще заразу подхватим? Умрем там и не найдет нас никто...

– Поехали! – оживленно кивнул в ответ Мирза Халил и, хотя голос его звучал по-стариковски сипло и неуверенно, Сара обрадовалась.

Тем временем нордическая блондинка в шальварах, уже успевшая в соответствии с релятивными законами телевизионного времени забеременеть и даже выносить для бородатого будущего наследника престола, широко металась по кровати в окружении повитух и статистов.

В котлетах оказалось слишком много чеснока.

Дом стал выше на целый этаж, да еще и обзавелся мансардой под новой треугольной крышей. Открытую веранду частично разобрали, залили бетоном и выдвинули вперед, ближе к высохшему туловищу, но перил все еще не было. Щурясь на разорванную цепь пушистых облаков, Мирза Халил пытался угадать, нет ли среди них того, похожего на гигантскую рыбу, которой так боялся чудной изобретатель с соседней дачи. Еще не ожившие виноградники в дальнем углу двора тонули в косой тени от высокой каменной ограды.

– Заноси вещи в дом! – окликнула его Сара, управлявшись, наконец, с замками. Дверь тоже была новая. Мирза Халил оставил облака в покое и послушно пошел к веранде, пружиня кроссовками по неровностям холодного песка.

В доме было промозгло.

– Сейчас, – сказала Сара, спустив на подбородок голубую медицинскую маску, – включу комби, пусть греется. Ты пока отнеси сумки.

Не доходя до кухни, обнаружил он свежий дверной проем в стене, прикрытый импровизированной дверью из прямоугольного куска фанеры с карандашными замерами. Оставив сумки на полу, отодвинул он задвижку шпингалета и, подцепив пальцами край двери, у которой не было ручки, открыл ее на себя. За ней оказались цементные ступени в два коротких пролета, дохнуло на него сверху запахом строительной пыли. Потоптавшись на месте, поднялся он на несколько ступеней вверх и, вытянув шею из кашне, стал оглядываться по сторонам. Второй этаж был закончен вчерне, то есть разделительные стены уже были построены и отштукатурены, в окна

вставлены стеклопакеты, и даже был виден темно-синий кафель в ванной, но до завершения все еще было далеко.

– Мирза? – окликнула его снизу Сара, просунув голову в дверной проем. – Спускайся оттуда немедленно, свалившись! Давай, давай, нечего там делать! Грязь кругом... Это все Эльмара дурацкая затея. Еще один этаж им срочно понадобился. Ну, копия этого кретина Мурадова! Может человек оказаться настолько похожим, а? Загорелся, все мозги сделал... материал, мастера, столько сюда денег угрожали! Я ж тебе рассказывала! На чердаке он своей мадам фитнес-студию собирался делать. Потом взял – бросил все наполовину! Теперь даже не ездит сюда. А как напоминаешь ему, начинает орать. Это все она сбивает его с толку. «На даче, Сара-ханым, скучно... Мы хотим путешествовать...». Не сидится ей на месте, понимаешь, шило у нее в толстой заднице! Мне никогда скучно не было, а ей скучно... Спускайся, Мирза, хватит там стоять. Я пока пойду разложу продукты, протору там все, а ты, если хочешь, выйди на воздух. Только маску не забудь. Я вчера читала, эта гадость семьдесят два часа в воздухе остается... Слушай, Сима прислала мне статью: уже точно доказано, что вирус от телефонных вышек. Пять Джих называется. Вышки посылают сигнал, от которого эта гадость усиливается. Так-то она не опаснее гриппа. А с этими вышками – хуже чумы. Оказывается, это англичане начали. И летучие мыши тут ни при чем. Правда, они не знали, что такой эффект получится, но теперь куда уже! Весь мир на ушах. Вот и приходится все скрывать. Уже трех журналистов убили, которые все это разоблачили. Очень просто – устроили им аварию. Помнишь, как Диане с этим арабом? Ты только посмотри на эту королеву – двести лет ей, а во все лезет и лезет! Не успокоится никак! Откуда только силы берутся, спрашивается! ...Ну, да, не зря же их молодят стволовыми клетками! Вон Путин, уже лицо не двигается, глаза заплыли...! Холодно не будет тебе? Укрой шарфом горло и не вздумай никуда уходить...

Согласно мобильному, температура воздуха была плюс семь.

На веранде пододвинул он плетеное кресло ближе к краю, сел, вытянул ноги в сторону мертвого тутовника. В последний раз дерево было запелено, как в саван, паутиной. Теперь же на нем не было видно ни одного арахнида. То ли весна выдалась холодной, то ли вирусный год оказался для них неподходящим. Однако после трехнедельного заточения в квартире этот бесплодный прямоугольный двор перед скучным домом с недоделанным вторым этажом показался Мирзе Халилу островком безопасности в безнадежно зачумленном мире. Подумав, он спустил с носа маску и глубоко втянул ноздрями прохладный, сырой и чуть пахнущий далеким морем воздух. Кресло было неудобным, но даже несмотря на это, уронив голову на поднятый воротник куртки, он постепенно задремал под доносиившиеся из кухни громыхание посуды и бесконечный монолог сестры Сары.

Дремал он, однако, недолго. Она бесцеремонно растолкала его минут через пятнадцать, когда за закрытыми веками Мирзы Халила – впервые за многие месяцы после того, как хирург выковырял из его лобной доли остатки опухоли – забрезжили очень смутные, эфемерные образы, еще настолько невнятные, что был это даже и не сон, а больше предчувствие его. Натянув маску обратно ему на нос, сказала Сара, уткнув руки в бока:

– Ты представляешь, мы все взяли, а хлеб забыли! Я же говорю, старческий маразм! Причем один на двоих. Альцгеймер! И кофе тоже забыли. А как утром без кофе? Я даже в туалет не смогу пойти нормально... Ты же знаешь, у меня склонность к запорам. Вставай! Пойдем в поселок.

Мирза Халил вопросительно посмотрел на нее.

– А что ты предлагаешь? Есть другие варианты? Вставай, вставай!.. Перчатки я привезла, быстро сходим и вернемся. Жалко бахилы кончились. Ничего, кульками обернемся. Тут в конце улицы новый маркет открыли, там все есть. Теперь и в центр иди не надо. Заодно оплачу мобильный и свет. Слышишь?..

Вышли они осторожно за ворота. В масках, в защитных очках, как у водолазов, в черных резиновых перчатках, в башмаках, в несколько слоев обмотанных кульками, зафиксированными для надежности скотчем. Подозрительно огляделись и, шурша целлофаном, пошли краем безлюдной улицы, прижимаясь друг к другу, но молча, чтоб поменьше дышать отравленным воздухом. Дачи стояли без признаков жизни. Над крышами причудливыми гребнями висели монотонные облака, насыщенные электричеством и влагой. С утра они успели потемнеть, грозили вот-вот пролиться опасным дождем, искрили молниями. Ожившие с весной колонии мха светились токсичной зеленью у оснований столбов электропередачи и на камнях рядом с новыми мусорными баками. Оба шли быстро, но Мирза Халил все равно не поспевал за сестрой, из-за чего она все время оглядывалась и шипела на него.

На кривом перекрестке машин не оказалось, зато в нескольких метрах вверх по улице, у брошенного на обочине каркаса «Жигулей», сидели четыре крупные дворняги. У одной из них, черной, как смоль, с кудлатой головой, правый глаз был затянут розовой пеленой. При их появлении соскучившиеся по людям дворняги радостно оживились. Одноглазая поднялась на ноги. Подхватив Мирзу Халила под руку, Сара потащила его через перекресток к воротам заброшенного пионерского лагеря на другой стороне улицы. Дворняги проводили из недоуменными взглядами.

Кроме них, в «Боллут-маркете» оказался еще лишь один покупатель – плотный мужчина в белом спортивном костюме и лыжной шапочке. Нижняя часть лица его, в соответствии с пандемическим этикетом, была прикрыта самодельной маской, и все бы ничего, если бы не его явно азиатский прищур. Оставив Мирзу Халила у холдингника с водой и терминалами оплаты, Сара брезгливо проскочила между азиатом и кассой и стала метаться по рядам в поисках кофе, по ходу набирая в корзину что-то еще.

– ...прибалтийский есть? ...нет, нет, это российский... прибалтийский в такой желтенькой упаковке... – слышал Мирза Халил ее успокаивающую скороговорку у прилавка с сырами.

– Вы про этот говорите, ханым...?

– Нет!.. Нет... там девушка должна быть нарисована...

– ...есть вот такой...

Азиат заплатил за бутылку нефильтрованного «Хырдалана» и направился к выходу. Вытянув шею, Сара проследила за ним до двери, и когда, звякнув колокольчиком, он, наконец, вышел из магазина, набросилась на очкастого за прилавком:

– Зачем вы сюда китайцев пускаете? С ума сошли, что ли? Весь мир от них прячется, а вы их к продуктам подпускаете! Вдруг он тоже с коронавирусом! Может, он тоже мышей ел!.. Откуда он здесь вообще взялся?

– Ханым, это не китаец, – стал оправдываться очкастый, – это туркмен, мы уже выясняли.

– Участковый проверял, – встрияла в разговор кассирша.

– Он сказал, а вы поверили! Может, врет...

У кассирши, насколько позволяла видеть маска, были выразительные черты лица с хорошо обозначенными скулами. Но больше всего ему понравились ее светлые глаза с заметным зеленым отливом. Повинуясь внезапному импульсу, Мирза Халил подошел к кассе, смущаясь спросил себе сигареты.

– Какие? – Голос у нее был тонкий, девичий. Мирза Халил поднял голову, разглядывая сигаретные пачки в прозрачных плексигласовых диспенсерах над кассой. Ткнул наугад в черную коробку с золотым обрамлением.

– «Собрание»?

– Мирза... – окликнула его из глубины магазина Сара, – ты на месте? Ничего не трогай!

Пока кассирша пробивала сигареты, Мирза Халил достал из портмоне 5-ма

натную купюру и торопливо опустил липнущую к резиновым перчаткам пачку в карман куртки. Кассирша отсчитала сдачу.

– Что ты там делаешь? – появилась Сара с корзиной, стала выкладывать продукты на ленту. Не отвечая, он отступил назад к терминалам оплаты.

На кассирше была канареечного цвета кофта. Запястья у нее были тонкие, с просвечивающими венами.

– Возьми оттуда две бутылки воды. Хочешь, возьми сразу три...

Иди с покупками было тяжело. Мирза Халил тащил воду. И опять, шурша кульками на ногах, они семенили краем пустой улицы, только уже в обратном направлении. Облака заметно сгрудились, опустились ниже, отчего прямоугольные тени от каменных оград сделались резче и темнее.

– Что это ты там покупал...? – буркнула ему недовольно Сара, хотела добавить что-то еще, но осеклась, вспомнив об отравленном вирусом воздухе. Переложив тяжелый пакет из правой руки в левую, Мирза Халил незаметно нашупал в кармане широкую пачку сигарет.

Дворняги ждали их, вольготно развалившись в центре перекрестка.

– Сверху пойдем...бешеные... – процидила сквозь зубы Сара, потянув его за собой. Однако Мирза Халил вырвал рукав и, не обращая внимания на ее протестующее шипение, зашагал прямо на собак. Черная с затянутым глазом вскочила на лапы, наклонила набок морду, оскалилась. За ней последовали остальные.

– Мирза!.. Нападут... ты что! – кричала растерянно Сара, топчась на месте. Не сбавляя ходу, он поднял вверх сумки с бутылками, черная, щелкнув зубами, отпрыгнула назад.

– А ну пошли отсюда!.. – гаркнул Мирза Халил. Мотая оскаленной мордой, черная, сдав позиции, отбежала прочь.

Остаток пути они прошли без приключений. Прежде чем занести продукты в дом, Сара проторла каждую упаковку санитайзером.

В четверть первого, дождавшись окончания очередной серии про бородатого, Мирза Халил допил чай, засел его узбекской курагой и резко поднялся с дивана. Сара отняла трубку от уха:

– Налить еще?

Он отрицательно покачал головой.

– Если хочешь лечь, я тебе уже постелила ...

– Подышу, – сказал он, снимая с вешалки куртку. Придерживая плечом трубку, Сара подняла ему змейку до самого верха.

Он спустился с веранды на холодный песок, перерезанный желтужным светом из окон дома. Постоял недолго, глядываясь в глубину темного двора, слушая свое тяжелое дыхание в повязку на лице, потом пошел налево, вокруг дома, туда, где из-за ограды был виден соседский участок. Дождь так и не случился. Но, судя по отсутствию звезд, небо было все еще обложено до самого горизонта. Песок предательски хрюстал под ногами, в остальном во внешнем мире царила подозрительная прохладная тишина, по-прежнему наэлектризованная, насыщенная озоном и запахом пробуждающейся весенней растительности. За углом дома, куда не попадал свет из окон, было темно. Остановившись, Мирза Халил нашарил в кармане сигаретную пачку, достал ее, обтер носовым платком, распечатал. Все еще в сомнении спустил он повязку на подбородок, ткнул в высохшие губы сигарету, ощущая себя почти преступником, извлек из кармана брюк похищенный ранее в кухне коробок спичек, чиркнул одной, осветив на мгновение шипящей магниевой вспышкой темный угол, и, наклонив голову, прикурил. Брошенная под ноги спичка, описав короткую траекторию, погасла. В темноте остался висеть веселый оранжевый уголек на конце сигареты. Опасливо втягивая в легкие табачный дым, Мирза Халил ожидал, что закашляется, поперх-

нется, но ничего этого не произошло, лишь прилила горькая слюна, а через секунду или две пьяно зашумело в голове.

Мирза Халил докурил сигарету почти до фильтра, огляделся по сторонам и перебросил тлеющий бычок через ограду соседской дачи. Чтобы Сара не почувствовала запаха, была у него с собой курага. Он еще только завернул за угол, когда услышал, как распахнулась входная дверь и, хлопая шлепанцами, на веранду вышла сестра:

– Мирза, ты где?.. Мирза?.. Сейчас, Симочки, – сказала она кому-то вполголоса, – посмотрю, куда он девался. Веришь, дорогая, на пять минут оставить невозможно... Да, да, да... Точно! Мирза?.. Мирза!..

Приближаясь к веранде, он помахал ей рукой.

– Что ты там делал? Там же темень такая! Иди домой уже... Сима тебе привет передает! – продолжив разговор с подругой, она вернулась в дом.

Не раздеваясь, Мирза Халил прошел в ванную, снял зубные протезы и начал промывать их под теплой водой.

– Спать собрался?.. А чего ты в куртке? – возмущенно спросила Сара с порога ванной, продолжая говорить по мобильному. – Нанес в дом заразу!.. Сил моих уже просто нет, как ребенок, клянусь... Ты не представляешь, Симочки, целый день за ним хожу. Как за маленьким! ...Не говори! Судьба у меня такая! Вначале с Эльмаром молодость загубила...

Продолжая частить, Сара стала сдирать с Мирзы Халила куртку.

– ...таблетки не забудь принять! ...Да, да, точно! Какие еще летучие мыши! Глупости сплошные! Тысячи лет эти мыши кругом летали, и никто не болел! В Таиланде, вон, червей жрут, и что? Никакой эпидемии! Конечно, безобразие, но при чем тут вирус? Ясно же, что все это, чтобы этого дурака Трампа не переизбрали! Я тебе посыпала видео, смотрела? Утром сегодня, ага... Этот экономист все объяснил в деталях, видно же, что человек грамотный...

Постель была чуть влажная от сырости, неприятная. Мирза Халил запил последнюю таблетку из бордовой облатки водой и откинулся на подушку. За дверью спальни продолжала бубнить в телефон Сара. Вздохнув, он прикрыл глаза. Тело его еще не вполне расслабилось, дыхание еще не сделалось ровным, а он уже почувствовал, что этой ночью ему непременно что-то приснится.

2

Вначале увидел он пуделя. Седой и старый, каким был незадолго до смерти, был он, однако, весел и радостно обнюхивал те самые кусты жимолости, под которыми его и схоронил Мирза Халил. «Иди, иди ко мне!..» – позвал он его во сне. Виляя задом, пудель подбежал к нему, кудрявый, теплый, знакомо пахнущий мокрой шерстью, и в приливе охватившей его нежности он обнял собаку за шею. Пудель тер шершавым языком его руки, тыкался в него носом, так что растроганный Мирза Халил даже прослезился во сне. Там, где находились они с собакой, ярко светило солнце. Слепило, но не жгло. Его было просто много. Оно сверкало в каплях росы на изумрудном газоне, устилавшем невысокие холмы, как на рекламных постерах. «Собачий рай!» – догадался Мирза Халил, оглядываясь по сторонам. Седой пудель радостно вился возле его ног в новых кроссовках, пока он неспеша, без цели шел по траве, вспугивая «капустниц» с фиолетовых головок клевера.

«Неплохо устроился, – сказал ему Мирза Халил. – Главное, чтобы не выгнали».

Как это бывает во снах, сам того не заметив, он оказался на вершине одного из холмов. Здесь было заметно прохладнее. Внизу, подернутый голубоватой дымкой, топорщился ветвями густой мрачный лес, к которому от подножия холма вела неширокая тропа. Пудель вдруг навострил уши, залился бешеным лаем и, сорвавшись с

места, как оглашенный, бросился вниз. Тут только Мирза Халил и разглядел на тропе дворняг, бежавших рысцой в сторону леса. Черный, как всегда, впереди.

«Стой! – растерянно крикнул он. – Стой!». Зная, что этого не следует делать, Мирза Халил, тем не менее, побежал вслед за собакой.

…в лесу пришлось прорыться сквозь кусты, перелезать через овраги, полные черной, как мазут, воды, из которой торчали остовы мертвых деревьев. Здесь почти не было света, и земля под ногами была мшистая, скользкая. Преследуя белеющий между стволами силуэт собаки, он бежал, выставив перед собой руки, отбиваясь от колючих ветвей, почти вслепую, целиком положившись на логику сна, ведущую его сквозь эту воображаемую чащу к чему-то, несомненно, безумному, жуткому.

…Удивляясь своей прыти, он ловко перескочил через рогатую корягу, приземлился на железный люк, для маскировки присыпанный сверху пальми листьями. Бу-дучи опытным сновидцем, он уже понял, что случится дальше, попытался прыгнуть еще раз, в сторону, но люк провалился под ним вовнутрь, и он полетел в черный колодец, на дне которого фосфоресцировала теплая зловонная вода станции. Вода кишила рыбами, в водорослях, прядями свисавшими со стен, извивались морские гады. Барахтаясь, он поднял голову, увидел в отверстии люка опухшее лицо ССР. Где-то в толще воды под ним включился пульсирующий красный свет. Люк задраили, с лязгом стала опускаться цепь, вода вокруг закипела, забурлила, стала кругами уходить в черную трубу на дне, увлекая за собой захлебывающегося Мирзу Халила, рыб и змей.

…Он вынырнул в залитом котловане рядом со старым домом. Лес с пуделем пропал. Снова светило солнце. Неподвижно, опустив башню, стоял оранжевый «Като». В воде плыло отражение бирюзового неба и бетонных колонн с арматурой.

«Котлован соединен со станцией! – сообразил он, оглядываясь по сторонам. – Как же я не догадался раньше! Вот, суки, придумали...»

…Выбрался он из воды неожиданно легко. Просто вскарабкался по насосным шлангам. В этой части сна тело его окончательно сделалось легким, как в молодости, и, подтягиваясь на ребристых шлангах, он не чувствовал ни одышки, ни старости, а только приятное напряжение в бицепсах, словно опять лез вверх по канату на уроке школьной физкультуры. Единственная неприятность была в том, что перед домом на скамейке его ждала покойная супруга. В бесформенном пиджаке, несмотря на палящее солнце, с некрасивой сумкой на коленях, она уже издалека возмущенно качала ему головой. Мирзе Халилу показалось, что она осветлилась.

«Вечно ты во что-нибудь вляпаешься! – сказала она скорее с сожалением, чем назидательно, прикрывая глаза ладонью от солнца. – Где ты был?»

«Упал», – сразу же соврал Мирза Халил.

«С чего это ты так коротко постригся? Тебе не подходит. Совсем. И поправился тоже, живот вон торчит. Пьешь?»

«Не растут после операции», – объяснил он обиженно, проведя рукой по мокрым волосам.

«Да, – вздохнула она, – не растут. И у меня тоже».

«Ты осветлилась, что ли?»

Смущенно улыбаясь, она приподняла волосы рукой, как шапку, показав чуть опущившийся голый череп:

«Это же парик, забыл? После химии. Все ты забыл про меня...»

Мирзе Халилу стало неловко. «Неужели даже после смерти не отросли?» – подумал он с волнением. Ему вдруг стало невыносимо жаль эту нелюбимую женщину.

«Иди домой, Мирза, тебя ждут давно».

«А ты?»

«Что мне там делать? Я лучше здесь посижу. Витамин Д».

«Кто ждет?»

«Иди, иди!..»

Не зная, можно ли доверять покойнице, Мирза Халил вошел в сумрачный подъезд.

«Сара так и не научилась готовить, передай ей... И вообще – дура!..» – крикнула ему вслед жена.

Подъезд выглядел так, как если бы дом был все еще жилой. На дверях висели таблички, из почтовых ящиков торчали газеты и жировки.

...Его действительно ждали! В гостиной был накрыт стол с крахмальной скатертью, на кухне сутились покойная мать, какие-то женщины, и вообще в квартире было полным-полно разряженных покойников. Некоторые уже чинно сидели за столом, другие толпились по углам, курили и сплетничали, пахло тушеною бараниной и долмой из виноградных листьев. При появлении Мирзы Халила покойники оживились, бросились к нему поздравлять его с чем-то, настойчиво полезли с поцелуями.

«Если бы не вирус, так бы и не увиделись!» – хлопая его по плечу, хотят давно забытый дядька, любивший при жизни вареные яйца. Рыжие усы его топорщились, как у таракана. Тотчас где-то в коридоре, за спиной, вживую грянула мелодия «Вагзалы», и подвой кларнета из родительской спальни безымянные мамки и тетки с зеркалами, перевязанными красными лентами, вывели невесту под фатой. Тут Мирза Халил наконец и сообразил, что это его свадьба. В ужасе он посмотрел на свои мокрые брюки, из-под которых позорно торчали кроссовки с налипшими комьями красной глины. Прильнув к матери, Мирза Халил шепнул ей на ухо: «Надо переодеться, мама...».

«Раньше надо было думать! – сердито ответила она. – Где тебя носило? С утра ждем!»

«Невеста уже два раза в туалет ходила! Горшок ей пришлось носить, не снимать же платье! Зассыха!» – наябедничала Сара – еще молодая, мордастая, с ужасными колбасными косами.

«Мама, вечно он нас позорит! Из-за него ко мне никто не сватается! Так и останусь в девках...»

«Мурадов...» – попытался успокоить ее Мирза Халил.

«Пропади он пропадом, твой Мурадов...!» – зашипела в ответ сестра, едва не выронив из рук фаллическую головку сахара в синей обертке.

Он попытался еще что-то сказать, но его уже потащили к невесте. Одна из теток торжественно, как фокусник, откинула фату с ее лица, и Мирза Халил, слегка опешив, узнал светленькую кассиршу из «Боллут-маркета». Кассирша стояла скромно, как и положено невесте, опустив густо подведенныи глаза, при этом рот ее был прикрыт голубой медицинской маской.

«Ты тоже маску надень», – тихо сказала мать.

«Вдруг она заразная!» – влезла Сара.

...Проснулся он в синих предрассветных сумерках, мокрый с ног до головы, так что сначала даже решил, что, как невеста из его сна, грешным делом обмочился. И майка, и пижамные брюки, и подушка с одеялом – все пропиталось потом. Стараясь не шуметь, он спустил поочередно ноги на пол, сел и, тряхнув головой, поглядел в зарешеченное окно в глубине темной комнаты, за которым темным силуэтом неподвижно стоял тощенький кипарис. Посидев так с минуту, Мирза Халил поднялся. Из-за влажной майки его стало чуть знобить. Он снянул со стула клетчатый плед и завернулся в него. Достал из кармана брюк сигареты.

Не надевая протезов, Мирза Халил курил в открытую форточку на опрысканный ночным дождиком кипарис, наблюдая за тем, как на фоне светлеющего над соседской оградой неба носится пара быстрых ласточек.

– Мирза, вставай! – широко зевая, вошла в комнату Сара. – Что будешь на завтрак?

Увидев разобранную постель, она потянулась, хрустнула суставами, вздохнула и стала ворчливо взбивать подушки.

– …ты посмотри… так вспотел… и пододеяльник тоже! Мирза, ты где? Ты что, всю ночь бегал, что ли, не пойму я… Нет, это все надо стирать уже! – она решительно содрала наволочку и бросила ее на пол. Следом полетела простыня.

Выйдя с ворохом белья в коридор, она подошла к двери ванной, постучала:

– Мирза?

Ответа не последовало. Сара постучала еще раз.

– Тебе плохо? – тревожно спросила она. Швырнув белье в плетеную корзину в угол, она толкнула дверь ванной. В ванной было темно и сухо. Шаркая тапочками, Сара проверила кухню и столовую. Наконец, сообразив, вышла на веранду, встала на краю, уткнув руки в бока, и, щурясь на утреннее солнце, стала оглядывать двор в темных пятнах от прошедшего дождя.

– Куда он девался? – спросила она беспомощно, чувствуя, как ее начинает захлестывать паника. – Мирза!

Подтянув поясок халата, Сара сошла с веранды на застывший коркой песок и торопливо пошла к воротам. Дверь была заперта изнутри.

– Мирза! – крикнула она во весь голос.

Он высунул голову в узкое оконце мансарды.

– Что ты там делаешь? – заверещала она, пятясь задом во двор. – Чуть до инфаркта не довел! Почему опять без маски?

Запеленутая паутиной ветка мертвого тутовника кольнула ее в спину, она оглянулась и отпрянула. За ночь тутовник весь опять оказался оплетен густой паутиной. Крошечные арахниды деловито сновали по всей кроне, заканчивая работу.

– Ой! Ты видел это?

Мирза Халил не ответил.

Сверху дачный поселок был похож на недостроенный лабиринт, вход в который был схематично обозначен полузастроенной станцией электрички, а центром в таком случае, насколько можно было судить из чердачного окна, оказывалась эта самая дача. Достав из кармана телефон, он выбрал камеру и, прицелившись, сфоткал лабиринт в ракурсе. Фотография против солнца получилась нечеткая, с размытыми деталями, но при этом темные контуры улиц и пустырей явно складывались в какой-то замысловатый китайский иероглиф. Иероглиф как бы состоял из двух частей. Первая выглядела как древесная ветка. Начиналась она длинной линией под небольшим углом наверх – улица от станции до санатория, от которой где-то в середине почти перпендикулярно ответвлялась линия вниз, к базарной площади. Точно так же перпендикулярно от нее, в свою очередь, отпочковывались залихватская загогулина, похожая на выгнутую цифру 1, и уже ближе к концу – небольшой тупичок вроде штриха. Вторая часть иероглифа напоминала сочетание плавных латинских L и Y. Причем окончание L упиралось в ворота дачи. Он попытался сфотографировать еще раз. Результат получился такой же.

Мирза Халил задумчиво посмотрел вниз, на сестру в маске, как бы прикидывая, годится ли она на роль Ариадны.

– …какая гадость! Ну сколько раз говорила, убрать это дерево отсюда! Никто никого не слушает… Все умные, одна я дура! Сходи оттуда немедленно! В городе за тобой хоть бегать не надо… Сегодня же вернемся…

– Сара, ты знала, что Минотавр и Ариадна были брат и сестра?

– Чего?

Над лабиринтом, до самой станции, неподвижно висела золотисто-голубая

дымка.

– Я спрашиваю, кто купил дачу изобретателя?

– Придурка, что ли?

– Придурка.

– Никто! Она за нее двести тыщ просила. Я думала, у нее только муж идиот, а это, оказывается, семейное. И мальчик тоже с приветом. – Сара-Ариадна суеверно потянула мочку уха. – Родила от дебила. Кто, спрашивается, за такие деньги возьмет? Сейчас и за 150 не найдешь никого.

– Значит, пустует?

– Летом дачникам сдает. Сходи оттуда!

– Там у них, оказывается, дверь. Раньше, вроде, не было.

– Какая еще дверь?

– С правой стороны... выходит на дорогу.

– Всегда была. Это придурок сто лет назад прорубил, чтобы на море ходить было ближе... Сходи!

Обмакивая хлеб в желток, Мирза Халил многозначительно молчал, просматривая на телефоне китайские иероглифы.

– В этом Нью-Йорке просто ужас какой-то! – цокая языком и качая головой, переживала Сара. – За одну ночь еще три тысячи померло! Я не понимаю, как это может быть вообще! Что за врачи у них? Умирают и умирают, неужели ничего нельзя сделать?

Сара отхлебнула кофе из розовой чашки с Микки Маусом.

– Говорю тебе, это все от еды их дурацкой! Не пытаются же нормально. Сколько можно есть эти гамбургеры! Деля рассказывала, помнишь Диляру-ханум?

Мирза Халил подцепил вилкой остатки глазуны и отправил их в рот.

– Моя завотделением в «пятой»? У нее сын с семьей в Техасе. Нефтяник. Деля постоянно ездит. Говорит, кругом одни гамбургеры. Пицца и гамбургеры. И картошка...

– А долмы нет?

– А что плохого в долме? Разве можно сравнивать? Где долма, а где гамбургер! Я в яичницу имбирь добавила, чувствуется? Говорю тебе, в еде все дело! Еда – это самое важное. Плюс генетика, конечно. Эти же женятся на ком попало... Не смотрят! Черные, голубые, индусы опять же... Ты смотри, сколько у них уже умерло, а у нас... тьфу-тьфу, не слазить, – она постучала костяшками пальцев по столу, – сколько там? Одиннадцать...? Двенадцать...? И то все диабетики. Они и без вируса не сегодня-завтра померли бы...

– Врут.

Сара глотнула еще кофе, посмотрела на брата:

– Думаешь, все-таки врут?

– Врут.

Сара вздохнула:

– Уже не знаешь, чему верить! Вирус, вирус, вирус... Чокнутая Малышева по телевизору говорит: «Никакого вируса нет». И на фейсбуке пишут: в Италии, говорят, на самом деле никто не умирает, все фейк. Специально всех запугивают, раздувают. Я тоже так думаю. Неужели не видишь? Какая, на фиг, пандемия! Вранье одно сплошное! За всем этим стоит поганец Билл Гейтс! Он уже пять лет этим занимается. Манипулирует. Миллионы тратит, сволочь!

– Зачем?

– Чтобы чипировать всех подряд! Всем в обязательном порядке будут вживлять чип. Типа для твоей же безопасности. И без этого чипа никуда невозможно будет выйти. Михалков сказал. Вживлять будут...

– В задницу?

– Почему в задницу? – возмутилась Сара.

– Чтобы доставать было сложнее.

– Ты шути, шути! А как тебе чип вставлят – все! Станешь как робот. Будут пультом тобой управлять. Куда идти, чего есть... В Интернете подписи собирают, чтобы его посадили, гада. Я тоже подписалась. И ты подпишись...

– С нами у Билла ничего не выйдет, – мрачно сказал Мирза Халил, – мы задницы водой моем. Чип сгорит. Тем более, если в воду имбирь добавить. Видимо, он поэтому в цене поднялся...

– Э-э-э! Хватит глупости болтать! Это все серьезно! Ты посмотрел видео, которое я тебе послала? На ватсапе? Я, считай, всю ночь не спала после этого! Такой ужас! Такой ужас!

– Про чип?

– Да при чем тут чип! Чип – ерунда! Этот известный вирусолог, забыла, как его зовут, Андрей? Сергей? ...Неважно. Короче, к нему попало секретное досье. На английском и украинском. Там черным по белому расписан весь план. Вирус разработали в трех секретных лабораториях. В Бостоне, Ухане этой проклятой и Ростове. Сейчас запустили первую часть плана. Объявили пандемию, всех заперли по домам. Напугали. А дальше карантин ослабят, люди вернутся на работу, и тут они выпустят вторую порцию вируса. Осенью! Вторая волна, понял? Уже говорят об этом. Вторая волна будет хуже, Мирза. Намного хуже. Многие умрут, начнется паника, и тут появится вакцина. У них уже все готово. Вакцину сделают обязательной. Всем подряд. И бесплатной, самое главное. А кто будет отказываться – отправят в специальные лагеря. У них уже и концлагеря готовы! Прикол в том, что вакцина – на самом деле никакая не вакцина, а специальное средство, которое будет убивать постепенно. В течение шести-семи месяцев! – У Сары от волнения запотели стекла очков.

– ...но убивать она будет не всех подряд, а выборочно. Это все сделано, чтобы уменьшить население! Останется только «золотой миллиард»! Самые богатые, продвинутые. Планета же перенаселена, кризис, всех прокормить невозможно. Ресурсов не хватает. Одних этих китайцев вонючих полтора миллиарда – кому что хватит? И ведь плодятся, как собаки. Тут одного ребенка пока родишь, на ноги поставишь – поседеешь вся, а они десять штук рожают, и ничего! Этот Андрей или Сергей сам был в Ухане. Все видел своими глазами...

– Собак свежевал?

– Каких еще собак! Он военный вирусолог! Человек с фактами на руках говорит! Вакцина будет убивать старых, больных, черных всяких, индусов – короче, всех бесполезных.

– Ну, а ты чего беспокоишься, ты же вроде не индус?

– Дурак! Мы с тобой старые! Что тебе непонятно?! Зачем мы им нужны? Укуют нас и все, через полгода – инсульт. Скончался от естественных причин. Это же ужас, Мирза! Это фашизм какой-то получается. Голова кругом идет! ...Ты наелся? Что-нибудь еще дать?

Мирза Халил поднялся из-за стола, взял стакан с недопитым чаем и направился к входной двери.

– Опять без маски? – сварливо спросила Сара.

– Во дворе можно.

Он вышел на террасу, сел в плетеное кресло, поставил стакан на пол и закурил. Полуденное солнце висело над самым центром двора. Пробиваясь сквозь слои паутины, свет его проецировался на цементные полы террасы то ли спирально закрученными цепочками ДНК, то ли китайским иероглифом.

– Ты что? – воскликнула Сара, глядя округлившимися глазами на почти докуренную сигарету у него в руках. Мирза Халил не ответил. – Когда это ты успел? Нет, этот человек точно чокнулся...

Она потеряно хлопнула в ладоши и попыталась вырвать у него сигарету. Мирза Халил молча отвел руку в сторону.

– Где ты это взял... Мирза! – чувствуя в ее голосе нотки отчаяния, он со вкусом затянулся в последний раз и бросил окурок на песок.

– Это уже просто безобразие! – верещала Сара. – Что это с тобой происходит? Ты же сдохнешь от этого раньше, чем от вируса...

Не обращая на нее внимания, он допил остывший чай.

– Ты принял лекарства? – надрывно спросила она. – Это точно «актовегин»! Не надо было мне его тебе давать! Сима предупреждала! У тебя, видимо, началась от него гиперхлоремия... Надо померить давление. Ты все время хочешь пить, так? Вот почему ты так вспотел! Завтра утром возвращаемся в город! Там все-таки безопаснее. Все! Я дура... Нет, сегодня и вернемся! Я сейчас позвоню...

– В город нельзя, – спокойно сказал Мирза Халил.

– Почему?

– Будут насильно вакцинировать. И чипировать. Здесь отсидимся.

– А тут, что, нет?

– Здесь не достанут, – отрезал Мирза Халил.

Сара испуганно посмотрела на брата.

– Здесь у нас лабиринт. Никто не пройдет. Ни заразные, ни врачи-вредители. Едой надо запастись. И главное – из лабиринта не выходить.

– Мирза...

– Будем кипятить воду или замораживать. Замораживать, по-моему, лучше.

– Ты серьезно?

– Не беспокойся, я тебя никому не дам вакцинировать. Забаррикадируемся так, что никакая ВОЗ, никакой министр здравоохранения нас отсюда не выкурят. Главное, меня слушай...

– Гиперхлоремия! – в отчаянии прикрыв рот руками, выпалила Сара.

3

О запрете выходить на улицу без SMS они узнали не из новостей.

Когда позвонил Эльмар, Сара разделяла курицу на кухонном столе. Судя по настроению, Эльмар был не сильно озабочен вынужденным заточением в гостинице и регулярно выпивал с Мурадовым и коллегой из Минздрава.

– Доигрались! – испуганно голосила Сара. – Что теперь будем делать!

Мирза Халил молча отобрал у нее телефон.

– ...как в тюрьме...

– Эльмар...

– ...все с ума сошли...

– Дядя, – пьяно кричал племянник в трубку, – дядя, жалко, тебя здесь нет! Хорошие ребята подогнали «Джек Дениэлс».

– ...проклятый Билл Гейтс... – стенала Сара.

– На здоровье.

– ...с голоду сдохнем! А лекарства как? Ой, мамочки...

– Не представляешь, как я рад тебя слышать! А то уже думали, у тебя и вправду крыша поехала...

– ...чтоб им эти мыши поперек горла встали...

– Дядя! Дядя, папа тут хочет чего-то сказать... передаю...

– Тоже мне – «папа»! – яростно фыркнула Сара, швыряя куски курицы в дуршлаг. – И не стыдно!

...Шатер получился, пожалуй что, слишком высоким. Распиливать половые доски и толстые стропила старой крыши было лень, так что сложил он их, как полу-

чилось, и когда огонь, наконец, занялся, разгорелся по-настоящему во всю силу, оранжевые языки его оказались чуть ли не бровень со вторым этажом. Поляхающее дерево гудело, стреляло вверх длинными снопами искр. И хотя костер он сложил на приличном расстоянии от дома, подтянул Мирза Халил поближе садовый шланг.

Солнце давно уже ушло к горизонту, расплылось там тонкой розовой полоской. На фоне темнеющего неба пламя становилось ярче, постепенно обретая объем и глубину, всасывая в себя зачумленный воздух. Снес Мирза Халил вниз плетеное кресло, сел, вытянул ноги.

– Сара! – позвал он сестру. – Сара!..

Она выскочила на веранду, ошалевшая спросонья, опухшая, цепляя на ходу на нос очки, заверещала:

– Пожар, Мирза, пожар! ...Что случилось?

– Воздух очищаю от заразы, – объяснил он. – Посидим у костра, как раньше с папой?

– Да что ты опять придумал? На полчаса только прилегла... Дом сожжешь!

– Поставь чайник.

...Стемнело, а они все чаевничали у догорающего костра. Вечер был теплый, но Сара все равно принесла пледы. Над паучьим тутовником взошел яркий Сириус.

– ...так сделаем, с утра пойдем в магазин, не арестуют же нас, в конце концов! Быстро пойдем и вернемся. Я составлю список. Мешок муки нужно взять. А вдруг там уже полиция, Мирза? Просто не знаю, что делать... SMS отправить? А возраст? У тебя сухости нет? Усталости? Слабости? Сима, дура, сказала, это гиперхлоремия, но по тебе так не скажешь... Бодрый. А я разваливаюсь на части.

Наклонившись вперед, он поворотил концом длинной палки янтарные угли:

– Давай картошку испечем.

– Детский сад какой-то!

– Можешь еще помидоров, если хочешь.

Сара с сомнением посмотрела на брата.

– Давай, давай! Неси. Приучайся жить просто, – усмехнулся Мирза Халил. – Перекусим, потом кое-что надо будет сделать. Поможешь.

– Что ты опять там придумал? – насторожилась Сара.

С печеною картошкой и помидорами доели они остатки курицы. Угли почти додогорели, затянулись серой патиной. Стала она было убирать тарелки, но Мирза Халил заговорщики остановил ее и повел к углу дома. Увязая шлепанцами в песке, Сара, следя за братом, ворчала вполголоса. Подошли они к соседской ограде. Не считая дальней лампочки над входной дверью, дом полоумного изобретателя стоял силуэтом, погруженный в плотную темень на фоне расцвеченного звездами неба. Запахнув жакет, Сара боязливо прижалась к Мирзе Халилу.

– ...у изобретателя там целый моток колючей проволоки. Он вон там. – Мирза Халил ткнул пальцем куда-то в сторону соседского двора. – Под навесом.

– Зачем тебе колючая проволока? – прошептала Сара, замирая от страха.

– Буду натягивать вокруг. Так надежнее.

– Обалдел, Мирза?

– Не спорь. Сама же говорила – будут всех чипировать силком.

– Я говорю, что люди говорят!

– Тише, Сара, тише! Не нужно привлекать внимания. Жалко, у нас ставней нет.

– Зачем?

– Не понимаешь? Чтобы не видели, что мы дома.

– Ой, Мирза!

– Придурку эта проволока уже не понадобится. И вакцина тоже. И чипировать его не будут. Придурок сейчас на Сириусе, вместе с моей собакой.

– На каком еще Сириусе?

- Собачья звезда. Видишь, которая самая яркая.
- Что ты болтаешь?
- Шучу. Все равно валяется там просто так, ржавеет.
- Да как ты ее возьмешь?
- Поможешь мне.
- А вдруг увидит кто-нибудь...
- Все на карантине.
- А вдруг!..

...Брат с сестрой долго тащили к ограде приставную лестницу. Сара пришлось даже вернуться в дом сменить шлепанцы на кроссовки. Напоследок Мирза Халил проверил карманы куртки: телефон и драные рукавицы, оставленные во дворе кем-то из рабочих, были на месте. Надел маску. Сара мелко дрожала. То ли от волнения, то ли от тянувшей с моря вечерней прохлады.

– Не ходи, я боюсь, – сказала она, сверкая в темноте стеклами очков. – Упадешь, Мирза! А вдруг там змеи. Эльмар видел змею прошлым летом...

– Не змей надо бояться, а китайцев с вирусологами, – назидательно сказал Мирза Халил, начиная осторожно карабкаться по лестнице, в которую мертвой хваткой вцепилась Сара. Лестница была длинная, ставить ее пришлось под острым углом, и поэтому подниматься было неудобно. По-обезьяньи полусогнувшись, он кряхтел, чуть задыхался, по всему, от печеної картошки его стало сильно пучить, но в конце концов он-таки благополучно добрался до края каменной ограды и, стараясь не слишком высываться, поглядел вниз на соседский участок. В неоновом свете мобильного заросли чертополоха и голубой колючки под стеной выглядели не слишком опасно. Он посветил дальше, в глубину участка.

– Что там? – замерая, спросила Сара. Мирза Халил обернулся через плечо:

– Ничего. Сейчас...

Потея от напряжения, он поднялся еще на две ступеньки выше, собрался и, одним движением перекинув левую ногу через ограду, оседлал ее.

– Ой, Мирза... – прошептала Сара, глядя на темную фигуру брата, мистическим всадником восседающего на стене на фоне чернильного неба. Мирза Халил перевел дух, обтер рукавом летней куртки вспотевший лоб. Живот распирало. С ограды стала видна узкая грунтовая дорога, справа колеёй отрезавшая дачи от заросшего пустыря.

– Ага, – сказал он, подставив раскрасневшееся лицо мягкому морскому бризу, – толкай!..

Сжимая коленями стену, полусогнувшись, он потащил лестницу вверх, в то время как Сара, упираясь кроссовками в стынивший песок, толкала ее снизу. Через минуту им удалось поднять ее до середины.

– Отпустай! – скомандовал Мирза Халил. Сара отпрянула назад, и он, используя край стены в качестве упора, стал опускать верх лестницы на соседскую территорию.

– Будь начеку! – тяжело дыша, предупредил он сестру. С хрустом заламывая пальцы, она кивнула в темноте.

Спускаться оказалось еще более неудобным, чем подниматься. От накопившихся газов уже кололо в боку.

На другой стороне, очертив светом телефона небольшой круг, он сообщил Саре вполголоса:

– На месте.

– Смотри под ноги, Мирза! – глухо откликнулась она из-за стены.

Не разгибаясь в полный рост, как траппер из романов Фенимора Купера, мучаясь животом, короткими перебежками двинулся Мирза Халил к навесу позади соседского дома. Приблизительно на половине пути, обозначенной дверью в ограде, выводящей на грунтовую дорогу, он споткнулся о какую-то железяку, которыми был

усеян весь участок, и чуть не упал, однако в конце концов благополучно добрался до навеса и, еще не отдошавшись, снова включил телефон. Огляделся. Помимо проволоки, здесь было еще много всякого подручного материала. В углу увидел среди про-чего деревянный ящик, доверху набитый каким-то барахлом. Мирза Халил подошел ближе. По виду ящик был тот самый, из которого покойный придурок доставал запчасти для климатической пушки. Сверху лежал помятый дымарь из нержавейки, каким отпугивают пчел пасечники, под ним – ржавая паяльная лампа, моток хорошей пеньковой веревки, большая стамеска.

– Ага! – довольно сказал Мирза Халил вслух и при этом подумал: «Пусть еще скажут спасибо, что от хлама избавляю».

Было удручающе тихо. Зачумленный дачный поселок, оцепенев, не издавал ни звука. Лишь осуждающие шелестел чертополох, волнуясь под бесшумным напором ночного бриза. Ориентируясь по отражению звезд в зарешеченном окне сбоку от на-веса, Мирза Халил поправил рукавицы и, поднатужившись, перевернулся моток с про-воловкой набок. Моток был тяжелый, колючий. О том, чтобы нести его в руках, не могло быть и речи. Включив телефон, он стал озираться по сторонам. За остовом стиральной машины «Вятка» он нашел то, что искал, – побитую строительную тачку с присохшими к корыту комьями цемента. Тачка была здесь и во время его прошлого визита.

Первым Мирза Халил погрузил в нее ящик. Сверху положил проволоку.

Разогнувшись, он расстегнул куртку, облизал высохшие под маской губы. Хотелось курить. Он даже нашупал было широкую пачку «Собрания» в нагрудном кармане, но, вспомнив об отраве в воздухе, отдернул руку. Тут ему вдруг показалось, что его издалека окликнули по имени. Затаив дыхание, он прислушался, и через секунду до него снова донесся голос Сары. «Как будто семимесячная!» – только успел он подумать со злостью, как в брюках заверещал мобильный.

– Что? – рявкнул он в трубку.

– Беги, Мирза! Там кто-то пришел...

За спиной в окне вспыхнул свет. Заметавшись, Мирза Халил нырнул к стене дома и, присев на корточки, весь замер, с волнением глядя на тачку, оказавшуюся прямо в центре желтого прямоугольника света, разрезанного черными силуэтами решеток.

– Мирза! Але!..

Он дал отбой, непослушными пальцами выключил звонок телефона и стал лихорадочно набирать Саре сообщение на ватсап.

В доме кто-то ходил, шлепая сланцами по рассохшемуся полу. Шаги были легкие, как будто даже детские. Сары больше не было слышно. Хлопнула дверца шифоньера, под тяжестью тела скрипнула кровать. Мирза Халил прикинулся, что если на корточках добраться до угла дома, можно будет, оставаясь все время в темноте, незамеченным добежать до ограды.

«Беги!!!» – выплыло сообщение на экран.

«Не могу. Увидят», – набрал в ответ Мирза Халил, морщась от колик в животе.

«Что делать?»

«Не знаю. Кто это?»

«Не знаю».

...Прижимаясь к стене плечом, стараясь почти не дышать, он чуть приподнялся и, преодолевая боль в коленях, засеменил вдоль внешнего подоконника, но, до-бравшись до конца, не удержался и искоса глянул с угла в незанавешенное окно. Увидел он небольшую спальню с синенькими свежими обоями, платяной шкаф в светло-коричневой полировке, сверху громоздились свернутые тюками одеяла, и двойную кровать. На кровати поверх покрывала, на котором была разбросана одежда, полулежала-полусидела, уткнувшись в мобильный, худенькая девица в

одном исподнем. Исподнее было такое тоненькое, такое несущественное, почти не оставлявшее места воображению, что у Мирзы Халила под маской невольно перехватило дыхание. Осветленные волосы падали ей на лицо, но он все равно безошибочно признал в ней кассиршу – свою невесту из чудного сна! Полусогнутые колени Мирзы Халила мелко дрожали от напряжения, лицо покрылось горячей испариной, невыносимо пучило, а он все не хотел оторваться взглядом от прелестной девицы. Наоборот! Стал даже тянуть шею вверх, чтобы разглядеть получше наиболее интересные детали, и даже чуть разогнулся, из-за чего, видимо, не удержал скопившиеся в нем газы, и они рванули наружу так громко, что соблазнительная кассирша в не-глиже испуганно вскинула голову. Мирза Халил нырнул вниз. Что делать? Девица вот-вот подойдет к окну, заметит груженую тачку, заметит его! Он прикрыл глаза: за дрожащими веками полыхали разноцветные искры.

...Когда в глубине дома зазвонил долгой трелью дверной звонок, сердце его едва не выпрыгнуло изо рта. Через минуту по звуку удаляющихся шагов он понял, что она вышла из комнаты.

В три шага добежал Мирза Халил до тележки, ухватился за рукоятки и рысцой, задыхаясь, напролом через колючие кусты покатил ее к ограде. Где-то на половине пути пришлось ему остановиться, отдохнуть, сердце колотилось так, что перед глазами вспыхивали и гасли фиолетовые искры. Резиновое колесо вязло в песке.

Самым тяжелым оказалось тащить ящик по лестнице вверх, и уже на самом краю ограды, потеряв баланс, он чуть не свалился.

– Сара!.. – свистящим шепотом звал он сестру, карабкаясь по ступеням. Но она не откликнулась.

...Оставив ящик на вершине ограды, он перебросил проволоку на другую сторону и, опять оседлав стену, глянул через плечо напоследок на соседский дом, в котором теперь светились почти все окна. Уже из последних сил Мирза Халил стал вытягивать лестницу.

...Криво улыбаясь пульсирующим звездам, он лежал, растянувшись на песке между лестницей и мотком колючей проволоки, без маски, чувствуя, как струйка горячей, вязкой слюны стекает из уголка рта ему на шею. Сириус, по изумрудным холмам которого скакал седой пудель, висел над ним, как цельный алмаз.

– Мирза! Мирза! – тормошила его перепуганная Сара, трясущимися руками выдавливая таблетки из облатки. – Нужно «скорую»! Положи под язык...

Он тяжело приподнялся на локтях:

– Ты куда убежала?

Сара потрогала его влажный лоб:

– Ой, Мирза, я чуть не обделалась от страха!

– А говорила, никого нет.

– Откуда я знала! Я что, на этой даче бываю вообще? А как свет увидела, прямо сердце остановилось! Представляешь, какой скандал! У меня сейчас реально трусы мокрые! Что ты смеешься? Дурак! Сделал из меня воровку на старости лет! Попробуй только кому-нибудь рассказать – отправлю тебя, клянусь Эльмаром! Вставай с песка, простудишься... Ты весь взмыленный, пойдем домой.

Уцепившись за ее руки, он поднялся. В ушах зашумело от прилившей к голове крови.

– ...побежала, как ненормальная, на полпути вспомнила, что маску не надела. Вернулась за маской, опять выскочила...

– Куда?

Поддерживая друг друга, они побрали к дому.

– Как куда? Тебя, дурака, спасать! Постучалась. Позвонила. А на улице темно, как в лесу, думаю, сейчас собаки налетят, вирус кругом, дышать боюсь, веришь? Думаю, вдруг полиция, заберут к черту...

– Так это ты к ним звонила? – удивился Мирза Халил.

– Я же тебе на ватсап написала! Не проверял, что ли? – она стала искать на телефоне. – Вот! «Отвлеку их. Беги». Я же говорю, ты из меня реальную воровку сделал! Позор какой! Симе расскажу – сдохнет! Девчонка открыла. Сначала стала спрашивать: «Кто? Зачем?» Видимо, тоже перепугалась. Знаешь, кто оказалась? Касирша из «Боллуга»! Помнишь, сидела там такая?

– Помню.

– Конечно, помнишь, у тебя же на светленьких глаз наметанный! Я представилась, такая-то такая, говорю, соседка, мы тут пожилые люди, застряли в карантине, выходить нельзя, нам за шестьдесят пять, можете, мол, по-соседски помочь продукты покупать. В общем, познакомились. Оказывается, она здесь уже четыре месяца живет.

– Снимает?

– Нет. Какая-то родственница придурка. Из района приехала. Он, кажется, был из Лерика. Не помнишь, какая башка у него была, как кастрюля. В общем, поговорили немного...

...Согласно Интернету, странное пересечение улиц на фотографии действительно напоминало китайский иероглиф. Мирза Халил-таки нашел его. Первая часть, похожая на ветку, обозначала «останки», вторая комбинация из двух латинских букв – склонившегося человека. Все вместе соответствовало слову *sí* – «смерть».

4

Как и предполагал Мирза Халил, в ящике изобретателя оказалось много занимательного. Помимо дымаря, который можно было использовать для очистки воздуха от заразы, попались ему капкан приличного размера, коробка с ружейными патронами «Барнаул» 7.62, набор мелких отверток, ошейник, пузырек с йодом, садовые ножницы, три висячих замка, банка фиолетовой гуашь, половина томика Блаватской «Тайная Доктрина», сплошь испещренная подчеркваниями и восклицательными знаками, блокнот со схемами и формулами, хирургический скальпель, пистолетный глушитель, микросхемы самых разных видов и размеров, транзисторы, книга «Электротехника» 1956 года издания, фарфоровая пастушка без головы, шиферные гвозди, оптический прицел, початая коробка стирального порошка «Барф», керамическая фигурка денежного кота, странный аппарат, вроде ультрафиолетового рефлектора Минина, но с прикрученными к нему дополнительным блоком и медным змеевиком, конец которого был врезан в консервную банку, заплесневевшая обложка журнала «Техника – молодежи» с изображением НЛО, казеиновый клей, скелет, по-видимому, воробья на подставке, закопченный раструб из незнакомого металла сантиметров 30 длиной, похожий на сопло ракеты, с изображением крошечного китайского флага, переписанное от руки стихотворение Османа Сарывелли «Не обижайся». Но самой главной находкой оказался запаянный под крышку двухлитровый баллон. Он был так плотно облеплен пылью, что содержимое его не было видно. Мирза Халил, сидевший в углу двора на перевернутом ведре, попробовал оттереть пыль пальцами, но сама поверхность стекла была липкой, маслянистой, покрыта чем-то вроде подсохшего солидола. И если бы не полуустертая надпись на крышке красной краской: «12-Апр, 1997 г. Не открывать!» – Мирза Халил, пожалуй что, выкинул бы баллон, не разбираясь. Он попытался соскрести солидол зубцом стамески, но жир на стекле был слишком плотный. Нехотя он сходил в дом, выпросил у Сары ветошь и тазик с теплой водой и вернулся к баллону. Выложив его на песок среди прочих артефактов из ящика, Мирза Халил стал оттирать стекло, и через некоторое время стало возможным заглянуть вовнутрь. В баллоне увидел он висящего в прозрачном растворе небольшое человокообразное существо с длинными тонкими конечностями и

непропорционально большой головой с раскосыми глазами. Гуманоид был голым, без всяких признаков пола, но с большим, хорошо обозначенным пупком, из которого торчали оборванные разноцветные провода. Длинные ступни его были обуты в оранжевые вьетнамки.

Тщательно смыв остатки жира, по запаху действительно напоминавшего солидол, насухо обтерев баллон, поставил Мирза Халил его на перевернутое ведро так, чтобы лучше попадал свет, и, нацепив очки, стал изучать гуманоида с разных ракурсов. Над фиолетовыми губами обнаружились у него черные усики, щетинистые кончики которых прикрывали мимические морщины вокруг рта. Редкий волос в мелких кудряшках покрывал лодыжки, а с левой стороны солидного пузика был заметен поперечный шрам как от аппендицита. Он осторожно встрихнул баллон: существо безвольно колыхнулось вместе с жидкостью.

– Ну, ни фига себе! – задумчиво почесывая заросший подбородок, проворчал Мирза Халил, глядя на то, как, раскинув тощие ноги, гуманоид безжизненно покачивается в пронизанном светом рассоле. – Только этого нам еще не хватало...

Подобрав с земли блокнотик изобретателя, стал он перелистывать слева направо жухлые странички, сплошь исписанные формулами и нечитаемыми клинописными закорючками, в надежде найти что-нибудь. И действительно, где-то ближе к середине наткнулся Мирза Халил на два неумелых карандашных наброска. На одном из них гуманоид был изображен, как и в баллоне, голым, с вьетнамками на ногах, на другом – в мешковатом скафандре. А еще через разворот, заполненный сплошной клинописью, большая часть которой была подчеркнута восклициательным красным цветом, нашел он изображение космического аппарата с характерными соплами. Сопла выглядели очень похожими на раструб из ящика.

Больше никаких рисунков, связанных с астронавтом-гуманоидом в блокноте, вроде, не было, зато имелись наброски каких-то сложных механизмов, растений, целой подводной лодки с выставленным перископом и реликтовой рыбы. Кроме того, ближе к концу на одной из страниц был наклеен вырезанный откуда-то Джыртдан с краткой подписью «Люлюшка», а на самой последней красовался Ататюрк в генеральской форме. Как искать ключ к зашифрованному тексту, Мирза Халил не знал и, безнадежно полистав блокнот еще немного, спрятал его в карман. Заглянул он еще раз в ящик, поковырялся в шурупах и болтах, наваленных по всему днищу, нашупал среди них миниатюрный шлем от скафандра. Как раз размером с теннисный мяч, как голова гуманоида. От золотистого визора остались одни зеркальные осколки, а сам шлем выглядел сильно обгоревшим. На пальцах Мирзы Халила остались следы маслянистой сажи.

Нужно было решать, где прятать баллон. В доме имелся небольшой чулан, выкроенный из части подвала, с земляным полом, темный, пахучий, но сухой. В нем Сара хранила соленья, компоты и всякую утварь. Что, если затолкать его куда-нибудь подальше на верхние полки до тех пор, пока не выйдет разгадать записи в блокноте. «Вот ведь, – подумал Мирза Халил суважением, – чокнутый-то чокнутой, а голова варила». Он вдруг забеспокоился, что выставил гуманоида на солнечный свет. Не зря же стекло было обмазано солидолом. А что, если он, как пиво, начнет на свету терять газ или что-то в этом роде. Торопливо обмотав баллон ветошью, убрал он его обратно в ящик.

Ключ от чулана висел на связке в прихожей. Когда он пришел за ним, Сара на кухне резала овощи и громко говорила по телефону. Судя по елейному тону, – с невесткой. С замком, однако, пришлось повозиться. В прорезь набился песок, и ключ все никак не проворачивался до конца, а когда уже дужка, наконец, с хрустом выскочила из запора, обратил Мирза Халил внимание на зависшее справа от болезненного кипариса, видимого из окна его спальни, аккуратное, хорошо очерченное облачко в форме большой рыбы. Приложил он ладонь козырьком к лицу.

– Все-таки следят, – сказал Мирза Халил сам себе под нос, вспоминая соседа-изобретателя. Рыба как будто подморгнула ему. – Что творится!

Поднял он баллон, обмотанный ветошью, tolknul рассохшуюся дверь и с порога, вывернув руку, стал шарить по стене в поисках выключателя. Из чулана неслышно укропом и землей. Над косяком двери, чуть покачиваясь, висела красивая треугольная паутина с солидным арахнидом в самом центре. Пальцы его наткнулись на выключатель, он щелкнул им, под потолком, ослепительно вспыхнув, взорвалась лампочка.

– Что ты здесь делаешь? – почти одновременно с этим спросила Сара, незаметно подобравшись сзади. Оборачиваясь на нее, Мирза Халил отступил, тара с гуманоидом выскользнула из ветоши и раскололась на пороге.

...Он бросился на колени, беспомощно глядя на то, как плотная зловонная жидкость растекается по песку грязной лужицей.

– Сара! Сара! – кричал в отчаянии. – Тащи тазик... тащи ведро... Что ты надела!

Сара, не понимая происходящего, инстинктивно заметалась, но было уже поздно: головастый гуманоид стал на глазах менять цвет с нежно-голубого на кровянисто-розовый, стал морщиться, на макушке его выступили пузыри, колыхнувшись, лопнуло пузико, наружу густой слизистой пастой вывалились цветные внутренности вперемешку с проводами...

– Выкидыш! – остолбенев, вопила Сара. – Усатый выкидыш...

Через минуту все было кончено. Все, что осталось от гуманоида, было темное зловонное пятно на песке, несколько проводков и оранжевые вьетнамки. Не обращая внимания на сестру, Мирза Халил подцепил один тапочек ключом, поднес ближе к глазам: на подошве крошечными буквами было отпечатано: Made in China.

...Соседку из «Боллуга» звали заковыристо – Гюдрятназ. И это очень не нравилось Мирзе Халилу.

– Что за имя, – сокрушался он, – откуда они это взяли? Дебилы...

– Тебе-то что? – пожимала плечами Сара. – Ты же ее не замуж берешь. Гюдрятназ так Гюдрятназ. Имя, конечно, идиотское. Но, между прочим, не хуже Шейлокчи. Если на то уж пошло, даже лучше. Нормальное деревенское имя. А чего ты ожидал? Офелию? Только из-за того, что она светленькая? Да? Мирза, предупреждаю тебя, я серьезно – не вздумай фокусничать! Она тебе во внучки годится! Предлагали же тебе нашу Севиль-ханым, что ты тогда уперся, как баран? Интеллигентная женщина, терапевт, внук в Праге учится, упакованная. Квартира на Баилово, дача... Между прочим, на пять лет нас младше. Сейчас сидел бы у нее под боком...

– Если возможно побрить Неймета – это мой слесарь из ЖЭКа – одно лицо. Может, он тоже терапевт, по совместительству.

– Ты посмотри на него! Ему срочно Катрин Денев подавай!

– Ну, не Неймета же!

После фиаско с гуманоидом Мирза Халил не разговаривал с сестрой полтора дня. За это время успел он растянуть колючую проволоку по ограде со стороны улицы, из-за чего дача стала выглядеть как пенитенциарное учреждение. Очень беспокоило Мирзу Халила отсутствие хоть какого-нибудь огнестрельного оружия на случай внезапного нападения оголодавших на карантине мародёров. А судя по новостям в Интернете, да и по телевизору, до конца эпидемии было еще далеко. Своеобразным напоминанием об этом служил теперь раз в день барражирующий по поселку полицейский микроавтобус, через громкоговоритель предупреждающий немногочисленных дачников и местных не покидать своих жилищ без соответствующего разрешения властей, а тех, кому, как Мирзе Халилу и Саре, было уже за 65, – не высываться на улицу совсем.

Гюдрятназ заходила утром перед работой за списком, а вечером приносила продукты. Заказывали впрок. Расплатившись и поболтав недолго с девушкой, брат и сестра обеззараживали упаковки с продуктами санитайзерами, а когда те кончились – уксусом, после чего только тащили их либо в дом, либо в злополучный чулан. При этом Сара ни под каким предлогом не оставляла Мирзу Халила один на один с продавщицей. И, надо сказать, правильно делала! Несмотря на диковинное имя, продавщица самым бессовестным образом стала сниться теперь ему почти каждую ночь. Сны были ошеломительные, сумбурные, с множеством покойных и живых персонажей, но почти всегда где-то в них, иногда только на втором плане, присутствовала она с ее девичьим голосом и внимательными светлыми глазами, от одного взгляда которых сердце Мирзы Халила сладко сжималось.

– Я говорю, как она не боится? Все-таки одна в доме, вокруг пустые дачи... – спрашивал он больше самого себя, чем Сару. – С улицы еще ладно, там хоть пара фонарей есть, а эта дверь дебильная, на море, – она же гнилая вся. Одним пинком открыть можно. Если ночью кто подберется, даже не заметит! Хоть бы сейфовую поставил, кретин...

– Да что ты прилип к ее заднице? Твое какое дело, спрашивается? – оторвалась от телефона Сара. – Клянусь, я заболею, он так переживать не будет! Обычная крестьянка, ни образования, ни мозгов! Да, хорошая девочка, воспитанная, ну и что? С чего это у тебя на старости лет все закипело? Ты представляешь, Симочка, прохода не дает девчонке! Да этой самой, которая из магазина... ага! Тут весь мир вверх ногами, а у этого одно на уме... Неделю назад он уже был почти овощ, ты же сама ви-дела, – а теперь у него рот не закрывается! Зачесалось у него...

– Я не в том смысле! – возмущался Мирза Халил без всякой надежды переубедить Сару.

– ...каждую ночь ставит перед домом капкан... Я тебе объясняю – настоящий капкан! Не веришь? Волчий! ...Откуда я знаю, нашел в подвале... Это ужас какой-то! В конце концов кому-то из нас он ногу сломает. Просто какая-то новая форма Аль-цигеймера! Это еще не все, ты думаешь, я чокнулась – он девчонке этой барана заказал! Живого! ...Откармливать собирается на случай голода! Где ты такое видела!

Слева от ворот выделил Мирза Халил место под небольшой парник, но, чтобы начать, нужно было достать хотя бы полмашины приличной земли. Дачная никуда не годилась. А пока собрал он во дворе подходящие для дела доски и потихоньку распиливал их в соответствии с размерами, найденными в Интернете на сайте: «Парник своими руками».

В среду под вечер, выписав на отдельный лист закорючки из блокнота изобретателя, Мирза Халил с удивлением обнаружил, что покойный использовал алфавит, состоящий из 89 и двух сомнительных знаков, которые то ли были просто неряшливо написаны, то ли были полноценными фонемами. Работа эта заняла много времени. Закорючки были мелкие, как кудряшки, похожие друг на друга, но все-таки отличались. Тайком от Сары набрал Мирза Халил Мурадова. Про гуманоида, само собой, рассказывать не стал: соврал, что разгадывает кроссворд. Доктор попросил время на раздумье, перезвонил минут через сорок и сообщил, что самым подходящим языком для алфавита из 91 буквы может быть только убыхский.

– Кто такие убыхи?

– Вроде абхазцев.

– В Грузии живут или в Дагестане?

– В Турции. Но на убыхском уже не говорят. Мертвый язык.

– Ага, – удивился Мирза Халил. – А можно найти словарь?

– Да на фига тебе убыхский? Там одних согласных 88 штук. Чтобы на нем говорить, во рту два языка надо иметь! И дополнительную гортань. Это же не выговорить...

Мирза Халил расстроился. Полез в телефон читать про убыхский язык. Сведения Мурадова подтвердились.

Долго еще после этого листал он в оба конца блокнот. Из написанных кириллицей было лишь уже упомянутое слово «люлюшка», три раза «пространственно-временной континуум» и неприличное «п...да» под едва заметным изображением соответствующего органа, пронзенного фиолетовой молнией. Рядом стояла длинная формула: $g = 6,67 \times 10^{-11} \text{ Н} \times \text{м}^2/\text{кг}^2 \times 7,5 \times 10^{22} \text{ кг} \div (1,75 \times 10^6 \text{ м})^2 \approx 16,335 \text{ Н} \cdot \text{м}^{-1} \approx 1,6 \text{ Н}/\text{кг} (\text{м}/\text{с}^2)$. Помучившись, Мирза Халил сфотографировал формулу так, чтобы в кадре не был виден скабрезный рисунок, и отправил его вместе с вопросительным знаком по ватсапу доктору.

От блокнота его оторвал звонок в дверь.

– Одевай маску, красавица твоя заявилась с продуктами! – сообщила Сара, выходя из кухни и обтирая на ходу руки полотенцем.

Дневная красавица из магазина пришла не одна. Отодвинув засов на воротах, увидел Мирза Халил чуть поодаль от нее знакомого круглоголового электрика. И все в той же вязаной шапочке. На веревке держал он годовалую палевую овечку.

– Ну что, братец, до Мешхеда доехал? – спросил Мирза Халил с ходу, усмехаясь, и приспустил маску. Тот, прищурившись, косолапо подошел на шаг ближе, всплеснув руками, подтащив за собой овечку.

– А я и не признал вас в этом! – хотел он было протянуть ладонь для приветствия, но тотчас и отдернул ее под строгим взглядом Сары за защитными очками. – Видно, разбогатеете!

– Ну, если разбогатею, отправлю тебя в Мешхед на самолете.

– Да я уже и не надеюсь! Видно, не ждут меня там. Как-нибудь уж здесь перекантуюсь...

Сара приняла у продавщицы пакет с заказами, достала из кошелька деньги. На фоне закатной располосицы, затопившей безлюдную зачумленную улицу, девушка, с ее выбившейся на лицо светлой прядью, выглядела еще более хрупкой и невинной.

– Ну, как знаешь, – сказал Мирза Халил так, как будто уже разбогател и как раз собирался заказывать билеты на Мешхед, – мое дело предложить. А заразы, братец, не боишься? Смотрю, ходишь без маски.

– Если маски нет, надо хотя бы марлей повязать, – ворчливо вступила в разговор Сара, инспектируя содержимое пакета.

– Это сестра моя, Сара, – представил ее Мирза Халил. – Доктор.

Электрик с достоинством кивнул:

– Очень приятно, Сара-ханым-доктор. Я Мешади Ильгар. Вот, брат ваш знает, электрик здешний. Если что починить...

– Сказано же, что маску всем носить надо, – продолжала ворчать Сара. – Если маски нет, скажи жене, пусть сошьет. Дело нехитрое. И сам заболеть можешь, и людей перезаражашь...

– Меня, доктор-ханым, вирус не возьмет, – уверенно ответил круглоголовый. – Я средство надежное знаю.

– А что ж нам не рассказываешь? Давай! – сказал Мирза Халил, опять переведя цепкий взгляд с овечки на продавщицу. Хлопнув медвяными глазами, девушка смущенно улыбнулась ему под маской.

– Расскажу. Средство простое, но помогает – на миллион процентов. Проверено, как говорится, на себе. Значит так, утром берешь теплой воды – литр, а кому полтора, это уже по вкусу. Потом хорошую головку чеснока. Ядреную. Зубчики аккуратно очищаешь и давишь их, чтобы как паста получилась. Можно в ступке растолочь или через мясорубку. Так даже лучше. Дальше эту пасту чесночную разводишь в воде, мешаешь хорошенъко, туда же ложечку масла подсолнечного для мягкости. Можно и две, но я проверял: две слишком жирно получается. Дальше берешь ве-

точку могильника. По правде сказать, про это средство мне наш имам рассказал, так у него в рецепте этого нет. А жена моя говорит, от могильника еще никому вреда не было. Он же ведь не только от сглаза, но и от болезни помогает. Значит, на огне веточку попалишь, и ее тоже в воду покрошишь. Туда же ложечку меда с верхом, и чтобы разошелся. Но мед надо брать хороший. От плохого больше вреда, чем пользы. Одно сырое яйцо туда. Не магазинное, а домашнее, из-под курицы, чтобы теплое еще. Ну, а в самый конец – шесть чайных ложек керосина. Только ни больше, ни меньше! Имам наш, Гаджи Роял, говорит, 76-ой бензин тоже годится, но керосин все-таки лучше. Он же натуральный...

– Да как же, братец, это пить можно? – возмутился Мирза Халил.

– А кто сказал, пить? – со знанием дела покачал головой электрик. – Пусть доктор-ханым меня извинит, тут это не пить, а совсем даже наоборот, так сказать. Этим всю систему промывать надо. Изнутри. И на голодный желудок...

– Так ты, что же, братец, клизу себе каждое утро ставишь?

– Обязательно! – сказал Мешади Ильгар. – И детям велел. И не болеем поэтому. Никакая зараза не пристает.

– Да какая зараза тебя возьмет! Ты себе просто кишечник раньше сожжешь, чем до тебя зараза доберется! – возмутилась Сара. – Вот люди!

– При всем уважении, доктор-ханым, – хитро прищурился электрик, – а масло на что? Масло внутренности бережет, смягчает. А промоешься – ох! как заново на свет родишься! Легкость такая...

– Ну, смотрю, братец, ты себе ни в чем не отказываешь! И яйцо, и масло, и мед – если стакан муки добавишь, пироги можешь печь!

Красавица прыснула, отвернулась в сторону.

– Это да! – согласился электрик. – Для здоровья ничего не жалко... Мед свояк из Лагича привез, шестьдесят манат отдал...

– Совсем с этим вирусом с ума сошли! – негодовала Сара.

– Одна проблема, дома нас шестеро, а уборная, извиняюсь, только одна.... Вот сейчас с сыном вторую роем...

– Ну, за рецепт спасибо. Как-нибудь попробуем. Только боюсь, продуктов на клизмы не напасемся. Нам же ведь выходить нельзя. Хорошо вот, девочка помогает.

– А вы только скажите, я вам и яйца свежие организую, и молоко, если надо. И керосин пожалуйста!

– Спасибо, братец, спасибо. Подумаем. Ты лучше скажи, почем овечку отдашь? Ты же за этим пришел?

– Так и есть! Людятназ сказала, соседи барабашка купить хотят... Откуда же я знал, что это вы! – Электрик достал из кармана знакомую связку ключей и, привычно выбрав один подлиннее, с наслаждением поковырял им в ухе. – Скажу вам, как своим, хорошую цену... Чтоб уже не торговаться.

– Я смотрю, ключей у тебя вроде больше стало. Нашел замки-то?

– Эх, – вздохнул электрик, обтирая кончик ключа о рукав куртки, – кто же их найти может! Я же говорю, не для того прятали, чтобы найти можно было. Имам наш говорит: ключи от рая – это намаз. Кто же спорит? Ключики, значит, имеются, а вот где эта дверь в рай, неизвестно. Так и хожу со связкой. Я уже искать бросил. А насчет ключей, это правильно заметили, каждый год только прибавляются проклятые! Двадцать восемь штук мне от отца досталось, а уже тридцать девять!

– Как же так?

– Так нахожу их постоянно! То дома, то во дворе. Один раз в курятнике даже! Найду, и на связку вешаю. Откуда берутся проклятые – поди знай! Так что этого дела у меня сколько хочешь! Зато ни одного замка. У имама спрашиваю, а он мне: «Иди отсюда, тебе голову продуло». Тут целый имам разобраться не может, а вы говорите, ищи замки! Загадка!

– Загадка, братец, загадка, – быстро согласился Мирза Халил. – Так почем, говоришь, овечку отдашь?

...На ватсап пришел, наконец, ответ от Мурадова: «Это формула ускорения свободного падения тела на Луне. От Сары на Луну бежать собрался?».

5

Мешади Ильгар по-соседски, но с учетом коронавирусной пандемии, сторговал барашка за 195 манатов, да еще и обещал подогнать два мешка местного комбикорма. Однако прежде, чем допустить животное на территорию, Сара произвела его радикальную дезинфекцию спреем российско-немецкого производства «Мелисептол Рапид». После этого очищенную от заразы овечку временно разместили на привязи на месте будущего парника. На ужин, в отсутствие комбикорма и силоса, ей была выдана миска сырого картофеля с буханкой давно черствого хлеба.

Утром, несмотря на дезинфекцию, овечка оказалась жива и здорова, и даже успела, к радости Мирзы Халила, добротно унавозить периметр.

– Сделаю пока навес, – сообщил он сестре за завтраком, давя ложкой лимон в стакане чая. – А к осени, дай Бог, сколочу сарайчик. Может, еще одного заведем.

– Я не поняла, ты что, здесь до осени сидеть собрался? – тревожно спросила Сара.

– А что ты думала, милая? Вирус еще пока только силу набирает. Вот в сентябре, говорят, вторая волна ударит, тогда и будет самое то! Сама же про испанский трипп фильм мне показывала... Надо, кстати, узнать у этого энтузиаста клизм, может, он и ружье какое-нибудь достать поможет.

Сара в отчаянии схватилась за голову. В порыве внезапной нежности Мирза Халил осторожно погладил ее по кудрявым локонам. Сара захныкала, противно, как в детстве.

– Не переживай, никакой Билл Гейтс сюда не сунется. Зачем мы ему сдались? А сунется – пожалеет... один Мешади Ильгар чего стоит!

Использовал Мирза Халил ошейник из ящика изобретателя. Овца в добротном светло-коричневом ошейнике стала выглядеть гораздо солиднее и, видимо, тоже ощущая это, при приближении Мирзы Халила больше не шарахалась испуганно в сторону. Доставая ошейник, наткнулся он опять на аппарат, напоминающий рефлектор. На корпусе консервной банки, в которую был впаян змеевик, обнаружил он полустертую надпись: «Азыхантроп (АЗ – 1А, прототип)». Мирза Халил заволновался. Ему вдруг показалось, что где-то на страницах блокнота ему уже попадался чертежик, в котором можно было угадать схематичное изображение рефлектора с прикрученным к нему блоком и змеевиком. А главное – внизу под чертежом было подчеркнутое дважды название неизвестного аппарата.

– Что-то меня в сон клонит, – сказала Сара, отложив телефон. – Ночью опять ворочалась... Тут так хорошо...

Над залитым солнцем двором не было ни единого облачка, и из глубины его, от оживших виноградников, тянуло приятной сладостью. Притулившись к ограде, жевал свою жвачку пасторальный барашек в ошейнике.

– Отдохни, – не отрываясь от блокнота, ответил Мирза Халил.

...На четвертой страничке после «Джыртдана» действительно красовался с трудом узнаваемый рефлектор Минина со всеми дополнительными причиндалами. Отдельно было представлено нутро консервной банки, внутри которой, если верить чертежу, сплошь истыканому неряшливыми пояснениями и цепочками физических формул, должно было происходить что-то невероятное, наподобие большого взрыва. Стрелочками были изображены закручивающиеся магнитные поля, в которых неслись потоки частиц. Название аппарата «Азыхантроп», записанное шифрованным

текстом, состояло аж из 20 знаков!

— Ага! — тихо, чтобы не разбудить задремавшую Сару, обрадовался Мирза Халил. — По два знака на один звук...

Разбил он слово на десять пар, выписал отдельными столбиками, а рядом с каждым двойным знаком указал соответствующий звук. Начало было как будто положено. Стал он выискивать похожие сочетания в больших кусках текста, однако очень скоро от напряжения разболелась у него голова. Сара чуть похрапывала в широкой тени от тутовника с пауками.

Отложив блокнот, взял он на колени «Азыхантропа». Еще раз оглядел внимательно. На рукоятке, прямо под металлическим блоком, находилась пластмассовая коробочка на двух шурупах. Отвинтил он их осторожно. Крышка отпала, внутри были вставлены две заметно окислившиеся батарейки АА. Недолго думая, тихонечко сходил он в дом, вынул из телевизионного пульта две такие же батарейки и, вернувшись обратно на веранду, вставил их в аппарат. Завинтил крышку на место. На блоке рядом с черным выключателем моргнула красная лампочка. Мирза Халил с сомнением почесался.

...Поднявшись с места, подошел он к краю веранды, на вытянутой руке направил рефлектор от себя в сторону двора и, почти готовый к любой неожиданности, нажал пальцем на выключатель. Щелкнул. Лампочка рядом моргнула зеленым. Потом синим. Следом легко завибрировала рукоятка «Азыхантропа», а еще через мгновение зашелестело по нарастающей внутри консервной банки, как будто быстрый порыв ветра захватил и, увлекая, потащил за собой сухие листья по асфальту. Пахнуло горько касторкой и еще, кажется, хлором. С ровным гудением стала накаливаться ультрафиолетовая лампа. От рефлектора потянуло теплом. Шелест в банке слился в устойчивый дребезжащий гул, и тут вдруг, к удивлению Мирзы Халила, не спереди, а с задней стороны абажура, из дюймовой металлической трубки в центре эbonитового цилиндра вырвался плотный ультрафиолетовый луч. Хорошо, что держал он прибор чуть наискосок! Луч лишь скользнул по его правому уху, но, увы, спроектировался на нижнюю часть лица Сары, мирно спящей позади него в кресле. Он инстинктивно дернул рукой, чтобы отвести луч в сторону, щелкнул кнопкой и осторожно опустил выключенный «Азыхантропа» на пол веранды. Медленно угасла ультрафиолетовая лампа.

— Что за вонь? — проснулась Сара. — Ты что-то опять поджег?

— Ничего, — быстро соврал он, с тревогой взглядываясь в лицо сестры. Выглядело оно как обычно. Ни ожогов, ни каких-либо других следов таинственного луча не было. Мирза Халил на всякий случай потрогал правое ухо.

— Воняет каким-то химикатом, — сказала она, надевая очки. — Чувствуешь?

— Наверное, с улицы. Иди умойся со сна...

— Может, баран твой завонял?

Он отрицательно помотал головой.

...После ужина ухо как будто бы стало зудеть. Не сильно, но Мирза Халил забеспокоился. Разглядывая в зеркале, обмазал его на всякий случай французским се-румом Сары.

В тот вечер удалось ему поболтать с красавицей из «Боллуга» дольше обычного: Сара зависла на телефоне с Эльмаром. В отсутствие ее надзорительного ока красавица оказалась смешливой и даже как будто чуть кокетливой. Выяснилось, к слову, что по гороскопу она самая, что ни на есть, Дева, что по вечерам она чаще скучает, смотрит подолгу ютуб и потому засыпает поздно, что ей очень нравится стиль певицы Ройа, но не нравится ее голос, и что сама она тоже поет и ждет приличного продюсера, чтобы начать выступать, а вируса не боится, потому что он убивает только пожилых. В первый раз за все это время спустила она с лица маску. Губы у нее были аккуратные, хорошо очерченные, как у фарфоровой пастушки.

Окрыленный разговором, прогуливаясь по двору с сигаретой в зубах, Мирза Халил все никак не мог отогнать назойливую мысль, что стоит ему только набраться смелости и перелезть через соседскую ограду, сможет он опять лицезреть магазинную красавицу с телефоном в руках в ее нехитрой спальне и, если повезет (а вечера стояли теплые), может быть, даже снова в неглиже! Поддаваясь искушению, несколько раз как бы невзначай подходил он к каменной стене в углу участка, приподнимаясь на цыпочки, воровато заглядывал в соседний двор и даже подтащил уже к ограде лестницу, но пока мучился экзистенциальным вопросом, лезть или не лезть, дилемма решилась сама собой: в кармане джинсов надрывно зазвонил мобильный. Покраснев лицом, словно его уже застукали с поличным, Мирза Халил торопливо ответил на звонок.

– Мирза, Мирза... знаешь, как я тебя люблю?.. – услышал он осипший от пьянства голос адвоката Ашумова. – Не знаешь? А все мои знают. Дети знают... Лиля знает... все, короче! Как отца! Ты же мне как отец... Чтоб я сдох!.. Чтобы мы все сдохли...

– Ашумов...

– Даже проститься по-человечески не сможем уже... – всхлипывал он. – Все! Кончилось...

– Ашумов!..

– В театре... занавеска... тушите свет! Приехали, Мирза! Капут! А там... что там? Ты же мудрый, всех учишь... Скажи!

– Ты обалдел, что ли, Ашумов? Как это тебе Лиля позволила так нажраться? Адвокат зарыдал в голос.

– Нету! Нету больше Лили моей! Нету... П-ф-ф-ф!.. Испарились...

– Что ты болтаешь?

– Один я, понимаешь, отец! Один! Сдохну на этой даче проклятой... ни детей не увижу, ни собаки, ни Лили... выгнали меня! Семьи лишили! Как отца нашего, Адама!..

– Из-за секретарши, что ли? – догадался Мирза Халил.

– Чтоб у нее на одном месте чирей выскоцил!.. – заголосил адвокат, захлебываясь слезами. – Чтобы два чирья...

Присев на перевернутое ведро, Мирза Халил стал смеяться, но тут адвокат зашептал горячо, быстро, сдержанно икая в короткие паузы:

– Слушай, слушай меня, отец! Не имею права говорить, но ты мне не чужой, если не попрощаемся – не будет мне покоя! Ты не веришь, а тот свет есть! Есть, есть!.. Там увидимся... Бог – он всех любит, мне сказали... всех простит... – он понизил голос так, что Мирза Халил уже с трудом разбирал слова. – ...Верная информация... никакого вируса нет... придумали... вранье! вранье!.. это чтобы не было хаоса... летит, значит, астероид... большой. Через несколько дней будет у нас. Брежется прямо в Землю... все расчеты есть... конец нам, Мирза! Американцы стреляли ракетами, стреляли – все зря. Крепкий астероид, называется ОРЭ2. Русские тоже стреляли. Промазали, как всегда. В Луну попали... НАСА стреляла – все равно бесполезно. Быстро летит... траектория у него близкая... полпланеты вымрет... поэтому карантин. Чтобы не паниковали... представь, что начнется, если узнают... размер астероида ровно четыре километра! Четыре! Косоглазые все предсказали...

Ашумов замолчал на мгновение, потом оглушительно и протяжно рыгнул в трубку:

– Мирза... четыре... четыре километра! Знаешь... по-китайски четыре – это «си». И так же у них пишется слово «смерть». Однаково!.. Понял? Никто не спасется! Как динозавры, вымрем... Только кто в бункерах отсидится. Правительство. Миллионеры... я спрашивал, свободных бункеров нет. Все заняты... – всхлипнул Ашумов и добавил:

– Самая секретная информация... не имел права говорить. Астероид уже видно,

ночью... яркий, сука... сам посмотри, если хочешь... Наши все в курсе. Всех предупредили.

– Наши, это кто? – осторожно спросил Мирза Халил.

– Наши там... – многозначительно икнул адвокат. – На Востоке... Тору читают день и ночь...

– Понятно.

– Готовятся. Я тоже. Со вчерашнего дня готов. Помылся... побрился... ногти постриг... башку под лезвие, чтобы чисто. Книгу на грудь положил... лежу на ковре... чистый и голый... жду.

– И водка рядом, – подсказал Мирза Халил.

– ...не берет уже, Мирза... со вторника... сегодня скотч допил 25-пятилетний... – бормотал Ашумов, очевидно засыпая. – Обидно, что этот баран прав оказался... Рафаил наш... который племянницу через простыню... там, говорит, зеленые поля. И главный, который на холме сидит, своих признает...

– Главный в шапочке?

– В шапочке, – подумав, согласился адвокат. – Встану на колени, буду ноги его целовать... чтобы простили за все...

– Тогда ты штаны все-таки надень, Ашумов. Нехорошо как-то перед начальством с голым задом. Хотя, как сказать... – но Ашумов уже не отвечал и только издалека был слышен его глухой, бульдожий храп. Мирза Халил дал отбой. Закурил еще одну сигарету, задумчиво глядя на то, что, по его предположениям, было Собачьей Звездой Сириусом. Показалось ему, что за эти несколько дней звезда стала как будто намного крупнее, ярче, ближе к земле, и даже как будто стал виден теперь чуть размытый шлейф позади, какой бывает только у комет и астероидов.

Проснулся Мирза Халил опять рано, и от неприятного суда. Что-то было все-таки не в порядке с ухом. Заспанно оглядел он комнату в нежных молочных сумерках, зевнул беззубо кипарису за окном и, поминай недобрый словом комаров, успевших открыть охотничий сезон, невзирая на пандемию, просунул руку под правую щеку чесаться. Тут и обнаружилась, что за ночь ухо почему-то обросло мягким шелковистым волосом. Отнял он голову от подушки, подергал пальцами новообразовавшуюся завитушку и бросился к зеркалу на двери платяного шкафа. Оглядев себя, Мирза Халил обомлел: над ухом торчала элегантная кисточка каштановых волос, как у какой-нибудь рыси. Левое ухо было в порядке.

– Ах ты, пи...раст! – прошамкал он в бешенстве, пробуя выдергивать индивидуальные волоски. Его вдруг охватила паника. Что, если рост волос лишь побочный эффект ультрафиолетового луча из проклятого устройства пи...раста-изобретателя! Кровь прилила к лицу Мирзы Халила, на лбу выступила горячая испарина. Может, радиация? Он бросился шарить по карманам брюк, нашел блокнот, перелистал его до нужной страницы с изображением «Азыхантропа» и, присев на край тахты, стал прыгать невидящим взглядом с закорючки на закорючку. Текст следовало расшифровать во что бы то ни стало! Мирза Халил надел очки, взял ручку. Используя уже разгаданные сочетания знаков, стал снова пытаться разобрать текст. Однако даже в тех случаях, когда все буквы были уже известны, на выходе получалась какая-то не читаемая и уж точно не воспроизводимая обычным речевым аппаратом галиматья, вроде «тхъара» или «нкъя». Короче, дело оказалось безнадежным.

Когда, наконец, устав мерить комнату нервными шагами, поплелся Мирза Халил в уборную по малой нужде (в пятый раз со вчерашнего вечера, что с учетом возможной аденоны было само по себе крайне неприятно), над соседской оградой под воробышьи гвалты уже взошло солнце и медной пуговицей висело чуть наискосок от окна. Невесело помочившись, полез Мирза Халил в ванную мыться, но прежде под корень сбрив отвратительную кисточку с уха.

Было все еще рано, Сара спала. Стараясь не шуметь, вышел Мирза Халил во двор. Паучье царство, усеянное сухими останками всякой летучей братии, выглядело жилым и процветающим. Довольные жизнью арахниды грелись в лучах утреннего солнца под монотонный перезвон колокольчика. Колокольчик с красным новогодним бантом к овечьему ошейнику приспособила Сара. При виде Мирзы Халила животное приветственно заблеяло.

Обойдя сваленные на песок доски для навеса, он прошел к мешку с комбикормом и, набрав его с горкой в совок, высыпал в ящик перед барабашком. Принес свежей воды. Фыркая, баран приступил к завтраку, не обращая внимания на Мирзу Халила, который по привычке старого собачника осторожно, по-хозяйски, гладил его кудрявый хребет.

— «Тхъара», — рискуя вставными зубами, выдавил из себя Мирза Халил, пытаясь воспроизвести слово из блокнота. Если расшифровка была правильной, а изобретатель действительно писал на убыхском, слово вполне могло оказаться реальным. Не то, чтобы он где-нибудь слышал убыхскую речь: согласно Википедии, язык этот вообще считался официально мертвым уже лет двадцать пять, просто обилие согласных и заднеязычных явно намекало на кавказскую природу его. Вопрос заключался в том, где взять убыхский словарь.

— Вот тебе, пожалуйста, — сказал он со злостью, обращаясь к невидимому Мешади Ильгару, — и ключ есть, и замок имеется, а попробуй, открай, так, чтобы язык не вывернуть!

Оставив животное в покое нагуливать вес, вернулся он на террасу, подобрал с пола треклятый «Азыхантроп», оглядел его осторожно еще раз во всех подробностях. Красный огонек рядом с выключателем сигнализировал о готовности к эксплуатации.

— Разберемся, — мрачно сказал Мирза Халил, направляясь с аппаратом к барабашке. Остановившись в трех шагах от него, он направил заднюю сторону абажура на животное и, держа аппарат наискосок на вытянутой руке, включил его. Произошло то же самое, что и при первом испытании: красный огонек сменился на зеленый, «Азыхантроп» мягко завибрировал, зашелестело в консервной банке, включилась и стала постепенно накаливаться главная лампа, через несколько секунд выползший из трубочки позади абажура луч окрасил в веселый ультрафиолетовый цвет макушку завтракающего животного. Как только в воздухе отчетливо запахло химикатами, Мирза Халил выключил аппарат. Барабашек, покончив с комбикормом, звякнул колокольчиком и уткнулся носом в охапку прессованного силоса.

...в доме так громко хлопнула дверь, что задребезжала посуда в буфете. Что-то упало из мебели. Истерично, без слов, кричала Сара. Роняя шлепанцы с босых ног, он ринулся на ее голос, но не успел — она уже выскочила на террасу — зареванная, ошалевшая, в однойочной рубашке.

С Сарой, конечно, получилось нехорошо. За ночь обросла она вокруг рта и на подбородке добротной, довольно густой щетиной такого же приблизительно цвета и качества, как рысья кисточка на ухе Мирзы Халила. С растительностью бедная Сара стала походить на не вполне определившегося с половой ориентацией ордынского воина.

— ...я теперь как Кончита Вурст, — всхлипывала она, пока Мирза Халил с сидящими на кончике носа очками обстригал маникюрными ножницами ей бороду на кухне.

— Мешаешь...

— ...так я и знала, что с надпочечниками что-то не так...

— Сара!..

— Гирсутизм... это один из первых признаков опухоли, ты понимаешь это?

– Сара, прекрати дергаться!.. Я сейчас порежу тебя, ножницы и так тупые...

– Помешай сироп. Пригорит.

Оставив ножницы, Мирза Халил послушно встал к плите помешивать сахар, то-пившийся в кастрюльке с медом и лимонным соком для депиляции.

– Я, наверное, умираю, Мирза... – печально сообщила она, закрыв лицо руками.

– Это рак, Мирза. Останешься ты один. Никому не нужный... Тоже ведь долго не пропадешь. Не протянешь, Мирза. Я знаю. Сын твой плевать хотел... Шейлочка только ждет не дождется. Скажу Эльмару, чтобы нас рядом похоронили...

– Не знаю, готово или нет. Пахнет хорошо, медом.

– И ведь не такие старые еще, скажи?.. Ой, мамочки, какое несчастье!.. Я умру, а Мурадов со своими блядями будет гулять по заграницам, разве это справедливо? Скажи мне! Предупреждаю тебя сразу, Мирза – если это рак, я лечиться не буду. Все эти операции, облучения, химия – ерунда все это! Пытка сплошная... Я смерти не боюсь, выпью чего-нибудь и все! Сразу, без мучений. Проверь, чтобы сахар весь растворялся...

– Вроде, растворяется.

– Если рак – сразу и себя, и тебя отправлю! – решительно сказала Сара, ощущая заросший подбородок.

– А меня-то зачем? – испрекренне удивился Мирза Халил, все еще сомневаясь, стоит ли рассказывать сестре про «Азыхантропа».

– Чтобы один не мучился. Так будет лучше...

Волос сходил с корнем на удивление легко.

6

Канистра была красная. Мирза Халил ходил кругом, щедро поливая корни туловища дерева бензином, плеснул толику его на паутину, злорадно наблюдая, как в панике целыми семействами высыпают отовсюду арахниды, отливающие на свету черным пластиковым глянцем. Достал какой-то необыкновенный коробок спичек с изображением ключа и только собрался подпалить к чертям паучье царство, как из самого центра дерева, разрывая в лохмотья паутину, высунулось землистого цвета еще более осунувшееся лицо изобретателя в медицинской маске.

– Гахраман? – удивился Мирза Халил

– Т-ш-ш-ш! – шикнул нервно изобретатель, выбираясь из паутинного кокона. – Нас слушают!

– Тебя же песком засыпало!

– Это они так думают. Стражи. А я здесь у вас в дереве прячусь. Тяжело, но что делать. Только ты ни в коем случае никому ни слова! Они тебя в миг уберут! ...Рыба там? – тревожно спросил он. Мирза Халил поднял голову. Уже не маскируясь под облако, гигантский Цеппелин висел над двором. В окнах рубки мелькали бородатые лица иранских стражей. По всему килю дирижабля тянулась золотом надпись «Тхара Цеппелин GmbH».

– Убыхский? – подмигнул изобретателю Мирза Халил.

– Я знал, что только ты догадаешься.

Вспомнив, что про убыхский подсказал ему Мурадов, Мирза Халил несколько смущился, но виду не подал:

– Умеют все-таки немцы делать...

– Это? – презрительно кивнул изобретатель в сторону дирижабля. – Дешевка! Мадэ ин чайна. Лонжероны через неделю отваливаются, и газ жрет так, что не напасешься...

Цеппелин громоздко, меся пропеллерами воздух, скрипя оснасткой, повернулся над двором градусов на 20.

– Быстро! – закричал Гахраман, доставая изнутри дерева зонт. – Сейчас начнут! Держи, быстро!

Перебивая друг друга, завывали, заревели сирены, оглушенный Мирза Халил поднял голову и вдруг увидел, что все небо над поселком усеяно ревущими дирижаблями.

– Сейчас начнут чипировать! – с трудом расслышал он Гахрамана. – Накройся зонтом!

– Так это они запустили вирус? Китайцы тут ни при чем?

– Конечно, они! Кто еще! – орал Гахраман. – Китайцы пытались помочь, отправили к нам космическую миссию...

Открылся люк в днище гондолы, из нее тучей полетели микрочипы, размером, пожалуй что, с ноготь. Мирза Халил накрылся зонтом, втянул голову в плечи, слушая, как энергично стучат в парусину дьявольские устройства. Падая под ноги, они начинали светиться зловещим неоновым светом, откуда-то из середины их вытягивались эластичные усики, с помощью которых они начинали медленно ползти по земле.

— Дави их! Дави! – бесновался изобретатель, подзадоривая Мирзу Халила, который, будто отплясывая пьяный голпак, яростно уничтожал отвратительных гадов, втаптывая их с хрустом в песок резиновыми подошвами кроссовок.

– Так ее, так ее, эту заразу!

...Продолжая сыпать микрочипами, Цеппелин грузно переплыл через ограду участка, поморгал жигулевским поворотником и, оглашая сиренами окрестности, двинулся вниз по улице к «Боллуг Маркету».

– Неужели ничего нельзя сделать? – кричал, задыхаясь, Мирза Халил.

– Поздно! Если бы ты вовремя расшифровал мой блокнот, еще была бы надежда. А теперь все, п...ец.

– Я... – Его охватила такое отчаяние, что запершило в горле.

– Ты не спас нас, сосед!

– Я пытался!

Гахраман покачал лохматой головой:

– Как говорится, обосрался по полной. Теперь тех, кто выживет, отправят в лагеря. Самый большой уже действует. В Масазыре. Там всех превратят в пещерных людей...

– Как это? – уже догадываясь, спросил в ужасе Мирза Халил.

– Суки все-таки украли чертежи моего «Азыхантропа»! 27 секунд облучения, и на клеточном уровне запускается процесс необратимой реверсивной эволюции. Долго объяснять. Короче, через 48 часов нормальный Хомо Сapiens превращается в питекантропа, а через сорок дней – в шимпанзе...

– Для чего ты, придурок, изобрел эту фигню! Кому это вообще в голову могло прийти? Да чтоб ты сгорел с этим деревом и своими изобретениями, шизофреник проклятый!.. Сожгу!..

Мирза Халил проснулся на собственный голос. Его била мелкая дрожь. Продолжая по инерции клясть давно покойного изобретателя, он резко сел на кровати, свесил босые ноги на прохладный пол. Из-за соседской ограды выглядывал тоненький, как волос, рожок новорожденного месяца.

– Нассу на могилу этого подонка... – прошамкал Мирза Халил, все никак не успокаиваясь. Во рту была злая горечь, как от касторки. Сверился он с мобильным на прикроватной тумбочке: четверть второго. Глотнув воды, он тяжело поднялся и с сигаретой подошел к полуоткрытыму окну. Закурил, дыхнув клубом дыма на неподвижный кипарис за оконной сеткой. Где-то недалеко завелись собаки. Упервшись локтями в подоконник, он перебирал в уме подробности дурацкого сна, когда темноту справа, где параллельно дачам шла дорога, полоснул внезапный двойной свет авто-

мобильных фар. Судя по звуку, машина двигалась медленно. И хотя в этом не было ничего необычного: дорога была грунтовая, в разъезженных колдобинах, и пользовались ею редко, — что-то сразу же насторожило Мирзу Халила. Не доехав до дачи, автомобиль остановился где-то рядом с соседской оградой. Заглушили двигатель, но свет фар еще какое-то время продолжал висеть справа в свежем ночном воздухе.

Подтащил он к окну венский стул, встал на него, перешел на подоконник, безуспешно пытаясь заглянуть через кромку стены, хлопнула дверца. Нарушая монотонное пение жаб в камышах за пустырем, кто-то вышел из машины и медленно подошел к ограде.

— Ах же ты! — развелся Мирза Халил, спрыгивая со стула на пол. Второпях натягивая джинсы, он уронил недокуренную сигарету на пол.

Прежде чем выскочить на веранду, он ткнул шваброй в капкан у входной двери. Капкан громко лязгнул, скав челюсти вокруг черенка.

— ...я же говорил...блядь... ружье нужно... — ругался он, мечась по веранде в поисках подходящего оружия. У ворот звякнул колокольчиком разбуженный шумом баран. На полу рядом с плетеным креслом лежал, подмигивая Мирзе Халилу красным глазком, «Азыхантроп».

...Он обежал вокруг дома к лестнице, которая так и стояла прислоненной к ограде с предыдущего вечера. Прятко вскарабкался по ней, зажав под мышкой аппарат. Уже сидя на стене, он услышал, как протяжно скрипя петлями, тяжело, до упора открылась рассохшаяся дверь в ограде. Неизвестный в чем-то белом и длинном, вроде санитарного халата, проскользнул во двор и воровато двинулся к дому. Сатанея от прилива адреналина, Мирза Халил спрыгнул вниз в невидимый чертополох. Ободрался. Чуть оглушенный падением, не обращая внимания на боль в щиколотках и коленях, побежал, ковыляя следом за санитаром.

— Стой! — кричал Мирза Халил, размахивая над головой «Азыхантропом». — Задрелью!

Неизвестный присел от неожиданности, поднял руки и обернулся. Плотный луч «Азыхантропа» лазерным прицелом уткнулся ему в копчик, пополз вверх по спине.

— Не убивай... не убивай... — заверещал санитар в ужасе, глядя через плечо на светящегося ультрафиолетом Мирзу Халила.

— Покажись!

Все еще не разгибаясь в полный рост, неизвестный волчком обернулся на месте. То, что Мирза Халил принял издали за санитарный халат, оказалось архалуком, надетым поверх черной рубахи без воротника.

— Что тебе здесь надо? — рявкнул Мирза Халил, направив луч на перепуганную физиономию неизвестного со спущенной на подбородок медицинской маской. Судя по экипировке, на засланного Билом Гейтсом санитара-вредителя он все-таки не тянул.

— Воровать пришел?

— Нет, нет! — запротестовал неизвестный, облизывая кончиком языка губы под жидкостью растительностью.

— А ну-ка, не ври! Быстро!

— Я поселковый имам... — скосил мужчина глаза на уставившийся ему в центр лба луч «Азыхантропа», — Гаджи Роял...

— Имам? И что ты здесь ночью делаешь, Роял? Инкира с Минкиром ищешь?

— Нет, аксакал, нет. Опусти ружье, прошу тебя, совсем ты меня ослепил...

— Считаю до трех! Раз... два...

— К девушке пришел, аксакал... — затараторил имам, — что непонятного? Ключ мне сама дала... Вот...

— Ах, ты! — вне себя от бешенства замахнулся «Азыхантропом» Мирза Халил.

— Аксакал... аксакал... — прикрывая голову руками, присел еще ниже имам. — Она же сама позвала... к ней полпосёлка ходит...

Мирза Халил обрушил на имама абажур. С треском разлетелась лампа, заискрило в рукоятке, священнослужитель, путаясь в складках архалука, рванул к двери в ограде, но Мирза Халил успел-таки дать ему приличного пинка под зад. Имам взмыл. От рукоятки разбитого «Азыхантропа» пулей отлетела консервная банка, бешено закрутилась на песке, выплевывая с шипением химический дым из змеевика...

– Шлюха она... – обиженно орал имам с улицы. – Весь поселок к ней ходит... участковый... хозяин «Боллуга», электрик Ильгар ходит! С сыновьями, между прочим!

...Оторвавшись от земли, продолжая дымить, банка взвилась вверх, повисла в воздухе на мгновение и с грохотом разорвалась. Фонтан разноцветных искр разукрасил ночное небо неожиданным праздничным салютом.

– Дядя, дядя... что случилось?

Мирза Халил обернулся на гейшу из «Боллуга», оценил красное шелковое кимоно с драконом, неуместный к ночи макияж и желтые платформы и сказал с горечью:

– Тыфу, «дядя»! И вируса, дура, не боится! – После чего, смачно плюнув в догорающие останки «Азыхантропа», побрел к ограде между участками.

«Интересно, – думал он, из последних сил перелезая через стену, – вырастет ли теперь у имама хвост?..»

На следующий день, пока еще спала Сара, принес он из кладовки красную канистру с бензином и сжег на фиг все паучье царство. Как и обещал.

Даже после того, как разрешили бульвар, метро и парикмахерские и стало возможным выходить из дома без SMS, Мирза Халил по-прежнему слышать не хотел о возвращении в город. Кроме бедной Сары, спешно эвакуированной в город, но, увы, так и не избавившейся от неприятной растительности на лице, уговаривал его отсидевший в карантине Эльмар, зазывал Мурадов, заклинали по скайпу сын с невесткой, Сима, Шербет Мамедович и даже соседка Эльза. Но он был непреклонен. Засадив полдвора всяким овощем, начинал он теперь каждый день с того, что, раскурив первую утреннюю сигаретку, прохаживался со шлангом между грядками, пока над дачным поселком всходило колючее июньское солнце.

– Чему радуются? – ворчал он, расчесывая пышную львиную гриву вокруг овечьей шеи. Оранжевая грива росла густо, а главное быстро, и по текстуре совсем не походила на овечью шерсть – уж больше на кошачью. Продолжавший снабжать Мирзу Халила комбикормом Мешади Ильгар предполагал, что метаморфоза с бараном, возможно, как-то связана с реальными львами, сбежавшими когда-то с дачи знаменитого дрессировщика Берберова в поселке, и окрестил барана Бонифацием в честь львенка из мультфильма.

– Рестораны, видите ли, заработали – великое дело! Придурки! Зараза-то не ушла никуда! Куда она уйдет, пока ее всю не вытравишь! А если и уйдет, рано или поздно какой-нибудь кретин опять сожрет летучую мышь, и все повторится!

Бонифаций согласно звякнул колокольчиком.

– Запомни, дорогой, между нормальной жизнью и концом света расстояние всего в одну летучую мышь. Тут и голову ломать не нужно!

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

СТИХИ

Мертвые души

«Упакованные»,
надушенные,
Ходят в городе
мертвые души.
Ходят-бродят
с лицами стертыми,
Тела – движутся,
души – мертвые.

Напомаженные,
ухоженные,
Однаковые,
похожие.
Ходят только в «Шанель»
и «Армани»,
Шелестят
пачки евро в кармане.

И считают:
они – когорта
Гомо сапиенс
первого сорта,
Дескать, люди мы
непростые...
Души мертвые,
глаза – пустые.

Карантин

Улицы пусты,
обнажены,
Словно
после атомной войны.
Мертвый город
под ослепшим небом,
И людей в нем –
вроде бы, и не было.
И, почуяв
времечко свое,
Над домами
кружит воронье.

Не оглядывайся...

**Не оглядывайся на события,
Что глядят тебе вслед
Из-за дней ушедших укрытия –
Это прошлое. Его нет.**

**Все, что было отлюблено, спето,
Отболело, кануло в Лету.
Все обиды, боли, печали
Отлетели в дальние дали.**

**Ну, а будущее – туманно,
В него взглядывать – неуместно.
Ожиданья всегда обманны,
Впереди всегда – неизвестность.**

**И прогноз на завтра напрасен –
Он реальностью вряд ли станет.
Только день сегодняшний ясен,
Только он тебя не обманет.**

Скрипач

**Музыка окутывает,
Обнимает,
Музыка опутывает,
Проникает
В душу, в сердце,
И бежит по венам,
Наполняя их
Горячей кровью,
И взлетает,
И парит над кровлей...
А скрипач
Смычком ведет по нервам,
Звуками взлетая
Выше, выше,
И смолкает
На высокой ноте,
Словно птица
В прерванном полете,
Что взлетела ввысь и –
Камнем вниз...
Музыка молчит,
Лишь тихо дышит,
Но затем –
Неведомый каприз! –
Снова льется
Солнечным потоком,
Наполняет
Светом до краев.**

Наполняет и –
Переполняет,
И волной кипучей
Подступает
Прямо к горлу,
Больше не вмещаешься
В сердце,
Льется через край,
Изливаясь из него
Слезами счастья...

Ах, скрипач,
Божественна игра,
Что в душе
Такие чувства будит,
Заставляя грезить нас
О чуде.

Вирус

Ах, как жили мы –
бесились с жиরу!
А теперь
кругом бушует вирус.
Развлекались,
ездили по миру...
Но теперь нельзя –
корона вирус.
В воздухе, в умах,
в телеэфире –
Вирус, вирус,
вирус, вирус, вирус!

Даже поэтическую
лиру
Заграбастал он –
корона вирус.
Налетел,
подобно ракетиру,
И поработил нас
злобный вирус.
Поклоняемся ему,
словно кумири:
Загляните
в каждую квартиру,
От прихожей
и до самого сортира
Все решает он –
корона вирус.

Где бы взять
такого эликсиру,
Чтобы излечил
корона вирус,
Чтоб сбежал,
подобно дезертиру,
Этот злющий гад –
корона вирус!

Жизнь

Меня ты была
и ласкала,
На острые бросала
скалы,
Свистела
пулей у виска,
И возносила
в облака,
И ласковым дождем
кропила,
Успех дарила
и – сводила
Все достижения
к нулю...
И все же
я
тебя
люблю!

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Хроники коронавируса

1-й день. 11 марта 2019 года Всемирной организацией здравоохранения, в просторечии ВОЗ, было объявлено о том, что человечество настигла новая чума, которая способна уничтожить если не весь род людской, так хотя бы половину невероятно расплодившихся людей. Имя новой чумы – коронавирус.

Самые буйные фантазии писателей, особенно тех, кто во всем видит знамения апокалипсиса, стали сбываться. То, с какой скоростью победоносный вирус шествовал по Земле, вполне оправдывало его царское название. Его можно было совершенно оправданно сравнить с известными всему людскому сообществу полководцами, в свое время захватившими и подчинившими своей власти огромные территории, населенные разными народами. Монгол Чингис хан, македонец Александр, француз Наполеон, турок Осман, перс Кир. А вот китаец, был ли среди китайцев завоеватель подстать перечисленным ненасытным полководцам? Во всяком случае, даже если и был, его не так часто вспоминают, как остальных. А теперь вот появился вирус, чья родина – Китай, а точнее китайская провинция Ухань. Все, кто никогда не слышал об этой провинции и вряд ли услышал бы до конца своих дней, теперь точно знают, что есть такая в Китае. Китайцев много. Их очень много. Вирус словно решил проделать эксперимент. Проверить, будут ли китайцы бороться с напастью или махнут рукой и позволят вирусу отправить в мир иной старых и больных? Оказалось, что китайцы жалеют даже своих старииков. Они трудолюбивы, послушны, выполняют любую работу аккуратно и качественно, при этом не особо жалуются на жизнь. Разве можно их сравнить с вечно недовольными ворчунами европейцами, которым все мало, все не так – с французами в желтых жилетах, сделавшими недовольство и выступления на главных площадях Парижа, а также других французских городов чем-то вроде национального спорта? Ни в коем случае. Китайцам такое в голову не придет. Даже не приснится. Много чего они придумали после начала эпидемии. Например, дроны с камерами, которые следят за улицами городов. Вот идет старая женщина, одна, рядом ни души. Улица пустынна. И вдруг слышит: «Гражданка, наденьте маску и живо идите домой, нечего слоняться по улице». Голос раздается сверху. Информация с дрона поступает на полицейский пункт слежения. Старушка поднимает голову к небу, пугается, начинает вспоминать Бога и архангелов, удивляется такому пристальному вниманию к своей особе. Полицейский доволен, ему весело. Напугал старую женщину. Или еще один пример, который европейцам сложно объяснить. Молодой человек, волонтер, без отдыха, без сна провел около 10 дней на санитарном пункте. И умер – не от гриппа, а от истощения, от усталости.

2-й день. В Иране началась кампания по оповещению населения о смертоносном гриппе. Некоторые муллы сначала на полном серьезе утверждали, что целование религиозных святынь способствует укреплению иммунитета и способно предохранить от заражения коварным вирусом. Песня эта не нова. Католики лечили наложением рук на больных. Царские особы, короли были по определению наделены такой способностью. В случае с вирусом врачи как раз предлагают мыть руки с мылом или протирать спиртовым раствором как можно чаще. И вообще ничего голыми руками не трогать, что привело к новому оригинальному способу приветствия. Если до

новой напасти люди здоровались, подавая друг другу руки, то теперь предлагают человеку касаться ногой (в обуви, естественно) ноги человека, с которым здороваешься. Иранцы больше других затронуты вирусом. Он настолько разбушевался, что даже столпы ислама перестали призывать к целованию реликвий и предложили отменить пятничные молитвы. Совершенно чрезвычайная мера. Как если бы нам, азербайджанцам, предложили отменить проведение гонок Формулы-1. Как известно, Иран – ближайший сосед Азербайджана. Наши южные регионы граничат с Ираном. То, что хождение наших граждан через границу в Иран и обратно является обычным делом, ни для кого не секрет. Секрет заключался в другом. Каким образом это бесконечное хождение никак не сказалось на здоровье наших граждан? Главный инфекционный врач гордо заявлял и даже клялся, что в нашей стране нет вируса и в помине. Он обходит наше государство стороной по той причине, что в нашей стране исключительная система здравоохранения, и вирус точно знает, что у нас ему нечего делать. И вот появилась информация, совершенно незамеченная обывателями и СМИ. Для выявления вируса необходимо наличие тестовых материалов. А вот их и не было в стране. А если невозможно сделать тест на коронавирус, следовательно, и самого вируса нет, или мы его в упор не видим.

6-й день. Коронавирус продолжает завоевывать новые территории. Никакие границы ему не помеха. А вот люди, возможно, вполне оправданно пытаются отгородиться от него, закрыв всех с подозрением на вирус в карантинах. Все жители Земли получили настоятельный совет от властей сидеть дома и без надобности не маршировать по улицам и площадям городов и сел. Италия, красавица Италия, подверглась особенно тяжелой атаке вируса, количество зараженных растет. Душераздирающие репортажи с опустевших площадей, музеев в изобилии транслируют в соцсетях. Изобретательные и жизнерадостные итальянцы нашли возможность прикрасить суровые будни заточения. Они стали создавать балконные оркестры. Люди, выходя на балконы, поют, играют и общаются подобным образом.

Многие страны закрыли границы, а во Франции, колыбели демократии, по приказу президента Макрона в преддверии объявления чрезвычайного положения вывели войска на улицы и площади городов. То, чего он не посмел сделать против желтых жилетов, сделал против вируса. Кто-то скажет, что это предлог?

Президент Трамп некоторое время довольно скептически относившийся к угрозе и не перестававший здороваться за руку, решил, что настало время серьезно подойти к возникшей проблеме и предупредить американцев об угрозе. Почти в это же время Борис Джонсон призвал британцев, совсем недавно освободившихся от европейского гнета, к бдительности. Советы, которые раздают специалисты, а также те, кто считает себя специалистом, разнообразны, как и прогнозы насчет того, сколько продлится пандемия. Именно так распространение вируса назвала ВОЗ.

В России, где любое событие находит свою интересную, часто необычную трактовку и такое же экстравагантное решение, и на этот раз нашли возможность нестандартно подойти к проблеме. Почти как иранцы. В Петербурге в Казанском соборе выставили мощи Иоанна Крестителя. Народ потянулся целовать святые мощи. На вопросы удивленных журналистов верующие разных возрастов высказывались приблизительно одинаково: «Все в руках Божьих». И коронавирус тоже. Если учесть тот факт, что президент Путин получил (осталась маленькая формальность – согласие народа на референдуме 22 апреля, в день рождения Ленина, а за этим дело не станет) возможность правления в качестве президента до конца своих дней, то понятно, что россияне верят Богу и своему президенту, а всякие там ВОЗы им не указ. Хотя замечу, что, посмотрев репортажи «Евроньюс» о целовании мощей в Петербурге, обратила внимание на женщину в платочек, старательно вытиравшую попрысканной дезинфицирующим раствором салфеткой стекло, закрывающее святые мощи, после каж-

дого целования. «На Бога надейся, а сам не плошай». Все-таки, наверное, вспомнили народную мудрость. Опять же, если угроза вируса пойдет на спад в России, можно говорить о Боге и о целительных мощах, опустив маленькую деталь –дезинфицирующий раствор.

9-й день. Ситуация продолжает осложняться. Все больше стран охвачено вирусом. Еще день назад одной из стран, на чьей территории не было зарегистрировано ни одного случая заболевания коронавирусом, была Гаити. И вот сегодня пришла грустная весть о том, что два случая были зарегистрированы и там, и принесли, вернее привезли вирус в райский край из Франции и Бельгии. Президент Гаити Жовенель Моиз не стал дожидаться развития событий, а сразу же объявил чрезвычайное положение со всеми вытекающими последствиями. Закрыты учебные заведения, предприятия, в стране введен комендантский час.

На просторах Интернета и в официальных СМИ довольно долго обсуждали выступление Бориса Джонсона, в котором он в непривычной для действующего политика откровенной форме высказался по поводу вируса. Он предположил, что так или иначе большая часть населения Великобритании заразится вирусом, независимо от предпринятых мер. Вследствие заражения самые слабые умрут, конечно, в первую очередь, больные и старые люди, а у здоровых появится иммунитет к коварному вирусу, и после выздоровления они уже не будут страдать от этого заболевания. Возможно, так, как Борис Джонсон, думают и другие люди, особенно молодые и здоровые, но, учитывая его должность премьер-министра, обязанного заботиться обо всех поданных страны, такая речь была обречена на порицание. И после реакции населения премьер скорректировал свое видение проблемы. Британцев заверили, что все необходимое для лечения страшной болезни в стране имеется, и будут приняты меры для того, чтобы как можно скорее победить эту напасть.

У вируса, как ни странно, оказалась положительная сторона, не особо радующая людей в данном контексте, однако не исключено, что в перспективе найдутся люди, которые отметят благотворное влияние коварной болезни на окружающую среду. В Китае за многие годы впервые очистилась атмосфера от диоксида азота. Процитирую информацию с местного сайта: «Эпидемия коронавируса помогла снизить уровень загрязнения воздуха в Китае. Об этом сообщило NASA. Агентство опубликовало соответствующие спутниковые снимки, на которых видно снижение уровня диоксида азота в воздухе».

«NASA отмечает, что в карантин были помещены миллионы людей, это крупнейшая подобная акция в истории человечества. «Это первый раз, когда я вижу столь существенное падение уровня диоксида азота на такой большой площади из-за конкретного события», – заявила исследователь качества воздуха в Центре космических полетов Годдарда (Goddard Space Flight Center) при NASA Фей Лю».

Получается, что человека в отношении планеты Земля можно сравнить с тем же вредоносным вирусом, отравляющим поверхность Земли, а также ее водные ресурсы и недра, истребляющим ее флору и фауну. В Пекине люди могут ходить сейчас без респираторов. Молодой человек поделился этой радостью: «Я смог заняться спортом в парке». В Венеции впервые за десятилетия вода стала прозрачной, чистой, резвятся стайки рыбок. Появились видео с дикими животными на опустевших улицах городов. Голодные обезьяны в Таиланде. И олень, любующийся интерьером собора в Италии.

У нас в Азербайджане, впрочем, как и в других местах планеты, слухи опережают события. В соцсетях появилась информация о том, что учебные заведения будут закрыты до конца учебного года. Кабинет министров и Министерство образования тут же дали опровержение, сообщив населению, что это фейковая новость, нельзя поддаваться панике, учебные заведения будут закрыты до 27 марта. И вот вчера по-

явились официальное сообщение того же Кабинета министров о том, что вынужденные каникулы продлены до 20 апреля. Безусловно, в данном случае очень сложно контролировать ситуацию. Еще одно сенсационное заявление президента, выделившего 1 миллиард манатов на борьбу с вирусом. Прекрасная инициатива, тем не менее, остаются неясными некоторые детали. Из какого источника деньги, и как они будут использоваться, каким ведомствам они будут выделены? Деньги, вероятнее всего, будут выделены из бюджета, а вот как их будут расходовать – извечный вопрос. Жители нашей страны с интересом следят за жизнью отечественных супербогачей. Не исключено, что после эпидемии их станет больше. А как ведут себя простые граждане? Жители города Баку, возможно, не слишком полагаясь на местную систему здравоохранения, сидят дома, закупают маски и продукты, общаются в соцсетях. Гуляя по пустынному Губернаторскому саду, невольно подслушала разговор по телефону мужчины, который, впрочем, говорил громко. Кроме меня, его некому было услышать. «Представляешь, в городе никого нет, как после бомбежки». А воздух стал чище, заметно.

12-й день. Надежда, совсем, как раньше безнадежность, приходит из Китая. В эпицентре заболевания – городе Ухань – не зарегистрировано ни одного нового случая заражения вирусом. Жизнь города возрождается. Китайцы торжественно чествовали врачей, главных бойцов фронта борьбы с вирусом. Официальные китайские лица обвиняют чиновников и президента США в том, что они назвали коронавирус китайским вирусом. В самом деле, президент Трамп, выступая в связи с обострением ситуации, упорно называл вирус китайским, замечу, что основания для названия вируса подобным образом имеются.

Случайно наткнулась на информацию, связанную с трагической ситуацией в Италии. Объяснения такому положению вещей, когда за один только вчерашний день погибли 800 человек, приводят разные. Легкомыслие жизнерадостных итальянцев, не способных к суровой дисциплине. Стареющее население прекрасной Италии. Некачественное медицинское обеспечение, недостаточное количество медиков, нехватка больниц и оборудования. Все это правда. Но... Как оказалось, индустрия моды, итальянские бренды, столь популярные не только в Италии, но и в Европе, да и по всему миру, наши модницы – не исключение, оказались в ведении китайцев. На севере Италии сосредоточены предприятия, выпускающие самые роскошные изделия: одежду, сумки, обувь.

«В мире моды бирка «Сделано в Италии» имеет особую ценность, поскольку ассоциируется с роскошью и статусом. Торговцы могут взимать более высокие цены на одежду, обувь, сумки и другие модные товары, произведенные в Италии, и это было востребовано некоторыми китайскими предпринимателями. В течение последних трех десятилетий все больше и больше китайских инвесторов покупали фабрики по производству текстиля и кожи в северной Италии, и они привлекали китайских рабочих для работы на этих фабриках. К 2010-у году, согласно сообщениям, в Прато, промышленном пригороде Флоренции, жили 60 тыс. китайцев. Для завоза новой иностранной рабочей силы в Италию были организованы беспосадочные рейсы между Китаем и Римом....» Информация взята из живого журнала Игоря Питерского.

Китайский вирус, сомнения почти исчерпаны.

Необходимо об этом сказать, хотя бы для того, чтобы снять с жизнерадостных итальянцев обвинения в чрезмерном легкомыслии.

Безусловно, сторонники политической корректности будут несогласны с таким названием вируса. Но иногда все же лучше назвать вещи своими именами, чтобы не потерять объективного взгляда на мир.

В Азербайджане президент объявил о том, что он отдает свою годовую зарплату в созданный Фонд борьбы с коронавирусом. Почти все тяжеловесы, будь то ор-

ганизации или просто олигархи, сочли такое заявление вызовом лично им и стали жертвовать в фонд довольно приличные суммы. Почему они не сделали этого до заявления президента? Сказать сложно. То ли им такая мысль в голову не приходила, то ли нельзя «поперед батьки в пекло лезть». Неизвестно. Но результат налицо. Один лишь министр здравоохранения не появился. Высказались многие чиновники, иногда весьма далекие от здравоохранения, но только не министр здравоохранения. Возможно, его поместили в карантин после того, как, оказав первую помощь первым заболевшим, он подхватил заразу.

Стали мыть и дезинфицировать улицы и дома. У нас блок тоже продезинфицировали, правда, после того как мой муж заплатил немного доблестным дезинфекторам. И самое главное: объявили о том, что гонки Формула-1 не будут проводиться в этом году в связи с чрезвычайной ситуацией во всем мире. Как мне показалось, это решение далось нашим властям тяжелее, чем японцам, объявившим о переносе на следующий год летней Олимпиады, или Папе римскому, решившему не устраивать проповеди при большом скоплении народа в Ватикане по случаю Пасхи.

Все в мире замерло.

14-й день. В Италии объявили о том, что пик заражения вирусом пройден. Новых случаев заражения стало меньше. Особо отметили, что 101-летний итальянец излечился от болезни, что вселяет надежду. В Италию послали помочь из России, из Кубы. Кубинские врачи, как оказалось, являются одними из самых профессиональных врачей в мире. Они побывали в 60 странах в момент, когда в этих странах разгорались смертельные эпидемии. Один из них, симпатичный кубинец, с гордостью рассказал, что они были одними из первых, кто боролся с Эболой. Факт, вызывающий удивление. Одна из бедных стран, почти все время своего существования находящаяся в изоляции и под санкциями, Куба смогла достичь таких успехов в здравоохранении, каких мы не видим у успешных западных стран. Парадокс.

Почти вся Европа сидит дома и с ужасом наблюдает за новостями, похожими на сводки с фронта. В Испании ситуация начинает напоминать итальянскую. В Британии Борис Джонсон развернулся на 180 градусов и стал призывать население оставаться дома. Британские проститутки потребовали у правительства финансовой помощи, ведь их работа предполагает непосредственный контакт с клиентами. Возможно, их требования удовлетворят. Вполне справедливо, на мой взгляд.

А вот мне, учителю, работающему по официальному контракту, вряд ли заплатит частная школа, хотя я не хожу на занятия не по своей вине, а просто потому, что все учебные заведения закрыты, причем во многих странах. Разница между нами и ними налицо, поэтому все олигархи стремятся жить в Англии, а не у нас, в Азербайджане.

В Штатах вирус набирает силу, самым зараженным городом на сегодняшний день считается Нью-Йорк. Миллиарды долларов не помогают. Видимо, для успешной войны с вирусом нужны не только деньги, но и другие ценности, такие, как у кубинцев.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттерриш обратился к лидерам стран Группы двадцати с призывом разработать совместный план «военного времени», чтобы победить в борьбе человечества с коронавирусом нового типа.

«Мы находимся в состоянии войны с вирусом, и мы не побеждаем», – признал генсек, указав на то, что за три месяца количество подтвержденных случаев заболевания достигло отметки в 100 тысяч.

У нас сегодня ситуация ухудшилась. Количество больных выросло на 29 человек, трое умерли. Люди, несмотря на объявленный карантин, продолжают гулять по бульвару, в Губернаторском саду, сама свидетель, каюсь. Все-таки южане не могут быть такими же дисциплинированными, как северные народы, возможно. Или просто

я пытаюсь подвести теоретическую базу под нашу любимую присказку «Неснә olmaz, darixma». Судя по развитию ситуации, в данном конкретном случае очень даже стоит беспокоиться. Как раз вечером пронаблюдала за тем, как в Зимнем парке под нашим балконом забрали бедолагу, лежавшего под кустом, что интересно, в маске. Три машины скорой помощи, две полицейские, два врача в полном медицинском обмундировании под руки повели горемычного, передвигавшегося с трудом и кашлявшего. Тут же появились двое подростков, один из них, естественно, все снимал на телефон. Полицейские с трудом отогнали глупых мальчишек. Дала себе слово завтра в самом деле «Evdə qalmaq», как того справедливо требуют компетентные органы. Да, на счет того, чтобы оставаться дома, появился еще один неочевидный аргумент. Власти выпустили из тюрем 200 заключенных, не уточнив, за что они сидели. При этом компетентные органы заверили общественность, что в пенитенциарных заведениях все здоровы. «Свежо предание, но верится с трудом». Это уже из русского фольклора.

18-й день. Пандемия охватывает все больше стран. Практически все страны мира постепенно погружаются в абсурдный мир пандемии. Реагируют многие страны похоже. Запирают границы, сажают своих граждан под домашний арест. Странный лозунг гуляет по Интернету: «Лежи на диване и смотри телевизор, спасай страну». Театр абсурда может получить новый импульс, просто наблюдая за новой реальностью. В Италии, где ситуация все еще остается тяжелой, умирает много людей в одиночестве, не имея возможности попрощаться с родными. Врачи заражаются и умирают, но не только от коронавируса, но и просто от усталости. Соцсети облетел снимок молодой красавицы итальянки, умершей от переутомления. Не хватает не только техники или масок, не хватает медперсонала. Папа римский Франциск выступил на пустой площади Святого Петра в Ватикане с обращением к Граду и миру, Urbet Orbi, он помолился за завершение пандемии. Папа римский прочитал отрывок из Евангелия от святого Марка об Иисусе Христе и его учениках, которые попали в бурю, перебираясь через море. «Всех нас застала врасплох неожиданная и яростная буря, и все мы вдруг заметили, что находимся в одной лодке, одинаково хрупкие и растерянные.... Очень легко узнать себя в этом рассказе», – сказал он, обращаясь к верующим. Он привел слова Иисуса: «Что же вы так боязливы? Неужели у вас нет веры?» Папа римский, Франциск, как и полагается главному католическому иерарху, рассчитывает на помощь Бога. Тем не менее, проповедь провел не как обычно – перед заполненной людьми, приехавшими со всего света, площадью, а один на один с распятием. Также пресс-служба Ватикана объявила, что все пасхальные службы пройдут без присутствия верующих. Вполне разумное решение.

Испания, похоже, идет по тому же пути, что и Италия. Все больше зараженных. На сегодняшний день самое большое количество зараженных в США. Особенно в Нью-Йорке. Россия, несмотря на собственную непростую ситуацию, тем не менее, регулярно показывает кадры из Нью-Йорка. Невозможно не почувствовать некоего злорадства в подаче информации. Трамп был готов ввести ЧС, но у него не получилось, поскольку даже такой президент, с замашками диктатора, как Трамп, не может единолично принимать важные решения. Несколько стран отказалось следовать общим рекомендациям ВОЗ. Швеция, Швейцария (частично на карантине), Беларусь не ввели карантин. Каковы будут результаты, мы увидим, если выживем.

Интересная тенденция наблюдается в странах Африки. В частности, в Мадагаскаре. Сельское население, уехавшее в столицу, в Антананариву, в поисках работы, возвращается в сельскую местность. В городе, где закрываются предприятия, государственные и частные, нет работы, а значит, и нечем заплатить за аренду жилья и нет денег, чтобы купить продукты. Молодая девушка, дававшая интервью французскому каналу TV5, рассказала, что она и ее знакомые возвращаются в родные деревни, потому что там не придется платить за жилье, и там можно найти еду, они

будут сажать рис, традиционную культуру. Люди идут пешком; правительство запретило автотранспорт между населенными пунктами. Душераздирающую историю рассказал пара из Габона. Они пришли в мэрию, чтобы зарегистрировать брак и получить разрешение на свадьбу. Количество приглашенных ограничили до 20 человек из-за пандемии. Они живут вместе уже 20 лет, у них 5 детей, и они решили узаконить свои отношения. На следующий день, когда, казалось бы, вопрос был решен и разрешение получено, правительство объявило строгий карантин, мэрию закрыли. Паре не удалось пожениться, но они не теряют надежды когда-нибудь это сделать.

У нас количество зараженных растет, хотя цифры невысокие. Некоторые наши соотечественники за рубежом утверждают, что цифры, озвученные нашим правительством о количестве зараженных и умерших от пандемии, далеки от истины. Проверить это невозможно. Традиция лжи – наша советская традиция, а если учесть восточный менталитет, способный приукрасить любую действительность, если от этого можно получить выгоду, то, вероятно, они правы. На улицы Баку вывели военных из войск МВД. Видимо, для устрашения бесстрашных граждан, продолжающих гулять по улицам. Парки и бульвар закрыли для посетителей. «Гулять» можно только до магазина и обратно. Всем гражданам, которым исполнилось 65 лет, грозит штраф в 200 манатов, если они нарушают карантин и выйдут на улицу. Впрочем, сделали исключение для наших престарелых меджлисменов. Их считают небожителями, которым не страшны наши земные вирусы? Или, как сказала Нигяр ханым, моя хорошая знакомая, они пытаются молодильными яблочками. Учитывая тот факт, что в наше время Интернета и соцсетей информация распространяется довольно быстро, мы узнаем, так ли это.

21-й день. Сводки с фронта пандемии коронавируса становятся все страшнее. Сегодня, 1 апреля, ВОЗ объявила, что в мире умерли 43.000 человек. Весь мир охвачен кризисом, одним из самых серьезных с окончания второй мировой войны. Сколько людей еще погибнет, и какая будет экономическая ситуация после того, как вирус исчезнет, никто из экспертов не берется прогнозировать. О том, кого или что спасать, идет дискуссия. Спасать людей, наплевав на экономику? Либо спасать экономику, не особо беспокоясь о людях? Оба подхода имеют своих сторонников. Те, кто предлагает спасать людей, закрывая границы, предприятия, запирая людей в квартирах, устанавливая тотальный контроль над передвижением людей, говорят о том, что если большинство населения вымрет, то, естественно, и экономика не только пострадает, но вообще может умереть вместе с людьми. А те, кто предлагает не особенно переживать за распространение вируса, обосновывают свою теорию тем, что в случае коллапса экономики люди потом умрут от голода и от других болезней, в том числе от психических заболеваний. В частности, президент Белоруссии совершенно определенно высказался по этому поводу. В Беларуси нет карантина, рецепт Лукашенко: водка, сауна и полевые работы.

В Туркменистане президент Гурбангулы Бердымухамедов запретил гражданам республики не то что обсуждать тему пандемии, а подошел к вопросу более радикально, запретил использовать в речи и в СМИ слово «коронавирус». Президент посоветовал гражданам защищаться от вирусов народным средством – дымом гармалы. «Наши мудрые предки твердо следовали традиции: окуривание дымом гармалы во время важных событий, будь то переезд в новый дом, женитьба, а также когда возникали инфекционные заболевания», – сказал он (цитируется по РИА «Новости»). И он не оригинален. В соцсетях активно обсуждался рецепт напитка, в котором смешаны имбирь, лимон и мед. Такая активная виртуальная реклама способствовала росту цен на имбирь. Тот же рецепт хвалила женщина из Мадагаскара, продававшая имбирь и лимоны на улицах Антананариву. В Тунисе люди выходят на улицы, выступая против строгого режима карантина. «Мы умрем от голода, если еще несколько

дней не будем работать».

Радио BBC вспомнило об эпидемии испанского гриппа, «испанки», которая охватила мир около ста лет назад.

В поисках ответа на этот вопрос американские ученые обратились к событиям столетней давности, до боли напоминающим сегодняшние. Большой карантин – не новость: мир сидел на нем ровно сто лет назад, когда по планете гулял смертоносный грипп, известный как «испанка». Он унес 50 миллионов жизней; почти каждый третий житель планеты переболел, каждый десятый заразившийся умер. Как и сейчас, в 1918 году ответом стали самоизоляция, маски, закрытые лавки и заводы. Как и сейчас, кто-то ввел карантин раньше, кто-то выжидал.

Позже выяснилось: выиграли те, кто спасал население, а не экономику. Сначала всем было одинаково плохо, но вот возвращение к норме после гриппа оказалось быстрее в тех местах, где сразу ввели карантин, ограничили физические контакты и подтянули гигиену. «В городах, где были приняты меры решительные и неотложные, спад деловой активности оказался не глубже, чем в других. Зато по окончании пандемии они росли быстрее», – поделились предварительными итогами своих изысканий экономисты американского Центробанка (ФРС) и Массачусетского технологического института (MIT).

Каждый день возникают все новые вопросы о том, каким образом можно заранькоиться. Самые разные теории о невообразимых возможностях вируса, страшного монстра, поражающего любого беспечного. Даже открывать окна некоторые граждане опасаются из-за боязни, что вирус из атмосферы запрыгнет в квартиру или дом-крепость. Ученые успокоили встревоженное человечество; у вируса таких способностей нет. В Азербайджане ввели новые ограничения. Через три дня для того, чтобы выйти из дома даже в аптеку или магазин, нужно будет отправить SMS-сообщение на объявленный номер, и только получив разрешение соответствующих органов, можно будет выйти из дома в маске и перчатках. Сегодня, идя в магазин, мы, я и муж, наблюдали интересную картину. У аптеки «Чебурашка» – толпа людей. Как и следовало ожидать, в случае ажиотажа никакой дистанции в 1,5 метра не соблюдалось, при том, что двое или трое спортивного вида военных находились рядом с толпой. Мое предположение, что люди стоят за масками, подтвердилось. Правда, никто из этих людей не подумал о том, что в подобной толпе легко можно подцепить вирус.

24-й день. У нас ввели строгий режим карантина. Что это значит? Если вы хотите выйти из дома, то есть всего три причины, обозначенные как необходимые: 1. Продуктовый магазин, аптека. 2. Больница, клиника. 3. Похороны близких людей. Нужно послать SMS на определенный номер и потом подождать некоторое время разрешения. По каким причинам могут не дать разрешения, пока неясно. Впрочем, неясно не только это, но многое еще и других неувязок, которые, очевидно, усложняют и без того непростую жизнь. Количество зараженных увеличивается в геометрической прогрессии. В мире уже более миллиона зараженных. В Азербайджане на сегодня новых 78 зараженных. Как пел когда-то, уже очень давно, Андрей Мironов: «Кто на новенькомого?» Аллахшукюр Пашазаде, шейх мусульман Кавказа, сегодня объявил о том, как будут хоронить мусульман, умерших от коронавируса. Подробностей пока не огласил, рассказал в общих чертах, что без религиозного ритуала мусульманин не останется. Вероятно, будет предложен перечень «религиозных услуг» и, соответственно, прейскурант на них.

Почти у каждой страны есть свои особенности в подходе к страшной эпидемии. В Голландии решили, что вводить жесткие меры не стоит. Пусть большая часть населения переболеет, и тогда у людей выработается иммунитет, и не случится повторного заражения людей, как может случиться с теми, кто сейчас находится в условиях строгого карантина. В Голландии рекомендуют людям придерживаться

определенных правил. Не более того.

На Филиппинах президент Родриго Дутерте разрешил полиции стрелять на поражение в случае несоблюдения гражданами страны режима карантина: «Стреляйте, если есть угроза вашей жизни».

В Израиле, где гражданам, особенно тем, что поселились на палестинских землях, привыкли жить в чрезвычайной ситуации, не так сложно подчиниться новым требованиям. Но сегодня проблемы у израильтян возникают с ортодоксами. Это свой, особый мир. Они живут в своих кварталах и общаются между собой. Они пытаются жить так же, как когда-то жили их предки. У настоящих ортодоксов нет ни радио, ни телевизоров, не говоря уже о такой диковинке, как Интернет или мобильные телефоны. Для них меры карантина бессмысленны. Как сказал один из этих колоритных ортодоксов, с пейсами, в черном, в особенной шляпе, полицейскому, пытавшемуся объяснить, что в стране введен карантин: «Ничего с нами не случится. Все в руках Бога!» Они продолжают собираться на молитвы. А все новости узнают из сообщений, развешанных на специальном стенде в центре квартала. Полицейские пытаются по мере возможностей закрыть доступ в религиозные кварталы. Насколько им это удастся, и какова будет смертность в этих кварталах, мы, возможно, если выживем, увидим.

Жители Беларуси удивили тех, кто выступает против карантина. Президент Лукашенко не ввел карантин. Так вот, белорусские граждане обратились в ВОЗ с требованием ввести режим карантина. Людям не угодишь.

28-й день. Британского премьера Бориса Джонсона поместили в больницу Сент-Томас, в палату интенсивной терапии, после 7 дней самоизоляции дома, где он находился, надеясь на легкую форму заболевания коронавирусом. Однако вирус рассудил по-своему. Британцы под влиянием панических сообщений о всемогущем вирусе и его различных возможностях распространяться разгромили сегодня несколько башен 5Gмобильной связи. Почему они решили, что эти башни являются переносчиками вирусной инфекции, остается только гадать. Возможно, также, как и ученые, предположившие, что коронавирус – живой вирус, так и британцы решили, что башни, способные передавать сигналы на большие расстояния, также могут передавать сигналы не только от людей, но и от живого вируса. Королева обратилась к британцам с призывом быть послушными и следовать рекомендациям врачей. Она отметила, что с подобной сложной ситуацией Британия сталкивалась только во время II мировой войны. Почему она сделала такое сравнение? Неужели все так плохо? Королева за все время своего правления обращалась к нации всего пять раз. Это обращение было пятым. Принц Чарльз выздоровел, переболев короной.

Фантазии на тему вируса цветут, совсем как деревья весной. Их закрытые в домах люди могут наблюдать из окон, с балконов или если им выпадет шанс выйти на свет Божий. Правда еще не все попали под режим карантина. В Киншасе в Демократической Республике Конго в бедном квартале города женщина, пекущая хлеб и бриоши и продающая их каждый день на рынке, продолжает заниматься своим делом как ни в чем не бывало. На ней нет маски, и на вопрос журналиста, не боится ли она подхватить коронавирус и заразить им своих покупателей, она отвечает: «Это болезнь богатых, тех, кто путешествует по Европе, вот в их кварталах им нужно бояться, а бедным, тем, кто и так сидит по домам, не надо носить маски и предохраняться. Я не боюсь этой заразы». Хоть какое-то утешение для бедных. Кто-то скажет, весьма эфемерное и ненаучное.

В США на сегодня самое большое количество заразившихся вирусом. Объявили о том, что крупнейший в мире готический собор Иоанна Богослова в Нью-Йорке превратят в госпиталь для больных, зараженных страшным вирусом. Предполагают разместить там приблизительно 200 больных. Настоятель собора: «В прежние века

соборы всегда использовались подобным образом. Так что это не что-то необычное для соборов, но для нас – новый опыт». Бог в помощь.

В Узбекистане, где у граждан менталитет, родственный нашему, генеральная прокуратура попросила граждан вести дневники своих контактов и передвижений на период карантина. Пока только попросила. Любопытно, будут ли граждане Узбекистана вести дневники? И хватит ли сотрудникам прокуратуры терпения и времени изучать дневники всех граждан? Не исключаю, что найдутся шутники, подробно излагающие свой маршрут по двухкомнатной квартире с выходом на балкон.

У нас страсти по поводу SMS-сообщений для выхода из дома утихают. Муж послал сообщение, чтобы пойти в магазин, и через минуту получил разрешение. Признаюсь, я ожидала более захватывающей интриги. Все обыденно. Вопрос с медицинскими масками решается. В Сумгайите открыли завод, который будет шить маски. Чиновник из Министерства экономики не упустил возможности указать пальцем на США как на хулигана, забирающего у других стран сшитые все тем же Китаем для них маски. А мы будем шить сами. И никто у нас не посмеет их забрать, если только сами не подарим, как, например, маски, которые мы подарили Венгрии.

Есть хорошие новости. В Испании и Италии рост зараженных и умерших замедлился.

31-й день. США вышли на первое место по числу умерших от коронавируса в мире, обогнав Италию. В стране зарегистрировано свыше 19,6 тысячи смертей, свидетельствуют данные университета Джонса Хопкинса.

США также лидируют в мире по числу зараженных – 500 594 человека, выздоровели 29 223. В Италии коронавирусом заразились 147 577 человек, вылечились 30 455. Вот такие данные из прессы. Мелани Трамп появилась на публике в маске, чтобы убедить американцев в пользе этого средства защиты. Президент Трамп пока не смог преодолеть своего отвращения и испортить свой имидж ношением маски.

В Италии, несмотря на не очень радужную ситуацию, итальянцы остаются позитивными итальянцами, и это радует. Мне кажется, что оптимизм в любой ситуации способен творить чудеса. Приведу заметку с азербайджанского сайта Minval.az: «В итальянской коммуне Кастано-Примо под Миланом в зараженной коронавирусом Ломбардии полицейские разоблачили группу пенсионеров, которые игнорировали карантин и тайно собирались в лесу играть в карты, пишет Milanola Repubblica. Нарушителями оказались местные жители в возрасте от 65 до 72 лет. Пенсионеры сообщали домочадцам, что идут за покупками или за ежедневной газетой, а сами отправлялись в ближайший лес, где играли в карты. Пенсионеров выдал итальянский темперамент. Во время игры они часто скорились и кричали друг на друга. Их крики услышали местные жители и сообщили полиции и мэру, которые и застукали в уединенном месте шесть человек без медицинских масок. По словам мэра Джузеппе Пиньяцелло, он сначала разозлился из-за того, что пенсионеры вели себя столь безответственно. «Затем я подумал, что если бы не было так грустно, то это было бы очень смешно», – отметил Пиньяцелло.

Нарушителей не стали штрафовать. Их доставили по домам и строго-настрого наказали близким следить за ними и не выпускать из дома без особой необходимости».

И опять Китай, где все началось.

Согласно данным всех трёх операторов сотовой связи Китая, ещё в декабре количество активных номеров росло, однако в 2020 году резко уменьшилось. Деактивация 21 млн. номеров сотовой связи в Китае в эти дни наводит на размышления. Выдвигают разные версии, но вот одна из этих гипотез: «Возможно, у кого-то из трудовых мигрантов могло быть два номера сотовой связи. Один – в родном городе, второй – по месту работы. И в феврале они могли закрыть один из них, поскольку не

смогли вернуться на работу... В настоящее время у нас нет точных данных. Но даже если бы лишь 10% номеров были деактивированы по причине смерти от коронавируса, то это уже 2 миллиона человек», – цитирует предположения эксперта по Китаю Тан Цзинюань издание The Epoch Times. Шокирующее заявление, очень схожее с заявлениями любителей теорий заговора.

В Азербайджане выясняют, кто из безработных имеет право на пособие в 190 манатов. Сумма, признаюсь, небольшая, в переводе на доллары около 110 долларов. Прожить на нее месяц одному человеку сложно. Если не платить за коммунальные услуги, то на хлеб, чай и кефир может хватить. Проблема в том, что только один человек из семьи, неважно, сколько в ней членов, может получить пособие. Конечно, в социальных сетях люди спорят, шутят и возмущаются. Сайт социальной службы, на котором нужно зарегистрироваться, чтобы получить пособие, обрушился от количества звонков. Никакой сайт не может выдержать такого количества безработных, жаждущих получить хоть какое-то пособие.

36-й день. (16 апреля). Более двух миллионов зараженных коронавирусом по всему миру. Тем не менее, некоторые европейские страны осторожно делают благоприятные прогнозы и планируют постепенно выходить из режима карантина. Ангела Меркель порадовала своих сограждан, объявив, что на следующей неделе некоторые магазины открываются, и школьники начнутходить в школы. Пресловутый пик пандемии пройден, плато заражений вирусом в Германии достигнуто и идет спад. Порадуемся за немцев. Они, наверное, все делали правильно.

В России объявлен суровый карантин. Мама поехала в загородный дом брата. Я рада этому обстоятельству. Моя мама с братом в комфортных условиях, и воздух за городом там не сравнить с московским.

Система получения разрешений для того, чтобы выйти из дома, похожа на нашу. А может, и суровее. В магазин можно пойти всего два раза в неделю. На всех российских каналах обсуждают вирус. Вновь разгулялись экстрасенсы, колдуны, ясновидящие. Появился Кашировский. Казалось бы, после стольких разоблачений кто будет его воспринимать всерьез? Тем не менее, он вновь востребован. Экстрасенсы делают прогнозы, вспоминают Вангу, колдуны продают заговоры онлайн.

Грядет русская ортодоксальная Пасха, и в России есть опасность, что верующие захотят пойти в церкви, чтобы послушать службу, освятить куличи. Патриарх призвал верующих не посещать церкви в этот период пандемии. Несколько дней назад прошла католическая Пасха, и Папа Франциск провел службу в пустом соборе святого Петра в Ватикане. В ход пошли современные технические средства: камеры, мониторы, микрофоны. Католики всего мира могли посмотреть службу в эфире и убедиться в том, что верующие послушали призыв Папы римского не подвергать себя опасности и остались дома. Если вспомнить о том, что недавно Папа Франциск резко высказался против голосовых месседжей в мобильной связи, то ясно, что данная ситуация диктует свои правила.

В Испании ситуация улучшилась, и есть надежда, что скоро закончится так называемая «самоизоляция», по сути карантин. Педро Альмодовар, живущий в центре Мадрида, стал писать дневник своего пребывания на карантине. Кроме своих эмоций и чувств, связанных с нахождением в течение относительно длительного времени в замкнутом пространстве, он вспомнил об интересных событиях своей жизни, не связанных непосредственно с карантином. Вспомнил о церемонии «Оскара» в 1989 году, после которой к нему позвонила Мадонна. Интересно читать о подробностях жизни великого режиссера и его не остывшей негативной реакции на использование Мадонной кадров, сделанных на вечеринке в ее честь, организованной режиссером. Она использовала кадры с Альмодоваром и Бандерасом без разрешения режиссера в фильме «В постели с Мадонной». Вот что он написал: «Мадонна обращалась с нами

(с ним и Бандерасом) как с болванами – однажды я должен был об этом рассказать – и даже не спросила разрешения на использование наших изображений в своем фильме. Кроме того, меня она дублировала: видимо, мой английский оказался не таким уж хорошим. Должна была случиться эта пандемия, чтобы все узнали, каким на самом деле был тот ужин».

В США президент Трамп объявил о стабилизации ситуации с пандемией. Вчера он заявил об отказе США вносить свой денежный вклад в ВОЗ. Причиной он назвал плохую работу ВОЗ, а также неоправданное доверие со стороны ВОЗ к информации из Китая по коронавирусу. В то время, как другие страны, такие, как Сингапур, к примеру, сообщали о передаче вируса от человека к человеку, Китай, а за ним и ВОЗ утверждали обратное. Решение Трампа вызвало ожидаемую реакцию в мире. «Не самый лучший момент для выяснения отношений», – приблизительно так отреагировал Антонио Гуттереш, генеральный секретарь ООН. На еженедельной пресс-конференции вчера, в среду, Трамп пригрозил приостановить деятельность Конгресса, отказывающегося утвердить кандидатуры президента на ключевые посты. У Белого дома есть такое право, но им ни разу не воспользовался ни один американский президент.

А вот страны Южной Америки выдвинулись на первые страницы прессы. Количества зараженных там превысило 10.000 человек. Наиболее уязвимые страны: Бразилия, Эквадор, Чили. Все ужасы американских триллеров – трупы, гробы, сделанные из подручных материалов, люди, потерявшие всякую надежду на помочь – в прямом эфире.

Сегодня с утра муж, просматривая информацию у нас, в Азербайджане, сообщил мне печальную новость: умер Рафик Алиев, народный артист республики. Кроме того, что он был хорошим человеком, талантливым актером и режиссером, он еще был мужем Шафаг, моей подруги. Она в трауре. Плачет. Горюет. Умер он не от коронавируса, а от онкологического заболевания.

Пандемия у нас, вроде, идет на спад. Тем не менее, разговоры о продлении карантина продолжаются.

40-й день (20 апреля). В мире более двух с половиной миллионов зараженных. Умерли 165.234 человека. Истерика по поводу вируса все так же актуальна. Страны ведут себя по-разному. Однако общая тенденция сохраняется. Без перерыва на обед новостные ленты транслируют информацию о пандемии.

В Дании открывают школы. В Испании смягчают условия, сегодня возобновили работу заводы. Строгие ограничения оставлены во Франции. В Берлине вышли на митинг, не соблюдая дистанцию. Законопослушные немцы возмущаются карантином.

В США, как в одном из самых свободолюбивых государств, разные штаты ведут себя по-разному. В Нью-Йорке строгости сохраняются, а вот во Флориде, где установилась теплая погода, люди массово вышли на пляжи. Наши американские родственники в Калифорнии соблюдают рекомендации врачей.

Складывается парадоксальная ситуация в отношении прав человека. Большинство людей, безумно напуганных пандемией, готовы делегировать государству все свои гражданские права, согласиться на мобильный поводок, когда передвижение всех граждан отслеживаются. В государствах, где диктатура, – привычное состояние для общества, все происходит почти безболезненно. Люди привыкли жить в режиме подчинения. Яркий пример – Китай и Гонконг. В Китае отслеживают всех и вся, и мало кто может возмутиться. В Гонконге сегодня нет ни одного зараженного вирусом, хотя ограничительные меры, введенные в Гонконге, совсем не такие драконовские, как в Китае. Намного гибче. Только власти Китая воспользовались ситуацией, чтобы перейти в наступление на оппозицию. Арестованы 14 человек, в основном, это люди, активно выступавшие на митинге 18 августа 2019 года. Среди

них – правозащитники. Наши оппозиционеры также отметили эту тенденцию – наступление на активных оппозиционеров. С введением строгих мер появилась возможность разнообразить стандартные обвинения в хулиганстве, торговле наркотиками. Сегодня можно предъявить обвинение в нарушении карантина.

Вчера, 19 апреля, праздновали православную христианскую Пасху. В большинстве стран священники призывали свою паству не посещать храмы, молиться дома. Так все и происходило. Я посмотрела по телевизору очень интересную традиционную церемонию сошествия на землю Благодатного огня. Огонь сходит в канун православной Пасхи уже более двух тысяч лет. Во всяком случае, так утверждают церковники. Прямую трансляцию вели из храма Гроба Господня в Иерусалиме. Трансляцию ведут не первый год. В этом году в храме присутствовали несколько священников разных конфессий и не было многотысячной толпы паломников. Можно было услышать греческое церковное песнопение. Мне эта музыка очень напомнила вос точную музыку, и мое воображение позволило увидеть некоторое сходство с мусульманским азаном. И самое поразительное – это увидеть, как Иерусалимский патриарх передает 4 факела с огнем (факелы – связки из 33 свечей по числу прожитых Христом лет) из круглых окошек Кувуклия, так называется часовня, возведенная над гробом Христа. Уверена, что не я одна задала себе вопрос: откуда взялся огонь? Впрочем, у верующих, тех, кто безоговорочно верит во все, что говорят церковники, такой вопрос не возникнет. Похоже, также сегодня обстоит дело с коронавирусом. На мой взгляд. Сказали: сидите дома, не высывайтесь, потому что вирус жестоко накажет – сидим.

У нас сегодня заразились 38 человек, 79 человек выздоровели. Слухи о продлении карантина подтвердились. Президент Алиев еще 18 апреля объявил о продлении карантина до 4 мая. Обещали открыть школы 4 мая. Как будут развиваться события, возможно, увидим.

44-й день (24 апреля).Сегодня начался мусульманский праздник Рамадан. Коронавирус строго следит за тем, чтобы люди не забывали о том, что они смертны и, как говорил Булгаков, иногда «внезапно смертны». По этой причине мусульманские верослужители призывают мусульман оставаться дома и не посещать мечети. Закрыты Мекка, Медина и Аль-Акса. Пост соблюдать в условиях карантина проще бедным, у них нет особых соблазнов. Впрочем, они и без Рамадана в основном постятся.

Управление мусульман Кавказа издало фетву о начале священного месяца Рамазан. У нас его называют Рамазан. Сам праздник в этом году празднуют 24 апреля, а начало поста придется на 25 апреля, окончание – на 24 мая.

Причем соблюдать его следует с учетом требований карантина:

– накрывать стол для вечернего ифтара (разговения) можно только в кругу семьи,

– собираясь в мечетях для намаза – неприемлемо.

«Неприемлемо». Так написано в фетве. Коротко и ясно.

Давно замечено, что во времена бедствий люди надеются на чудо. А чуда, как правило, ждут от Всевышнего. Даже современные, образованные люди, в обычное время не верящие ни в Бога, ни в черта, становятся чувствительными к проявлениям необъяснимых явлений. Некоторые, особо эмоциональные и внушаемые, начинают верить в Бога, зачастую впадая в крайность, как любой неофит. Мы наблюдали возвращение в религию массы народа после развода СССР. Как известно многим, а особенно тем, кто жил в СССР, атеизм преподавали в советских вузах наряду с марксизмом-ленинизмом. Большинство населения были атеистами по определению. И тем любопытнее было наблюдать, как после того, как гигантское государство распалось, разлетелось, словно лоскутное одеяло на лоскуты-республики, те, кто раньше кричал, что Бога нет, первыми пошли в церкви и мечети поклониться Всевышнему.

А сейчас считается хорошим тоном заявлять о том, сколько раз ты молишься, как соблюдаешь пост. В Азербайджане присказка *Inshallah* (даст Бог) употребляется почти перед каждым предложением. Везде. В речи ведущего телевизионной передачи или в выступлении меджлисмена, не важно. Главное – произнести магическую формулу, и все поймут, что вы правоверный мусульманин и вам можно верить. Правило хорошего тона, если хотите. Однажды в автобусе мне не удалось сдержаться, и я сказала, что думаю по этому поводу. Симпатичный подросток разговаривал со своим другом о школьных делах, но каждый раз, прежде чем сказать что-либо вполне невинное, он прибавлял *Quran haqqi* (Клянусь Кораном!) Я повернулась и спросила о том, неужели он думает, что друг ему не поверит, если он не прибавит заветной клятвы к своим словам? Надо было видеть удивление мальчика, вероятно, в первый раз в жизни услышавшего подобный вопрос. Он ответил, что все так говорят. На мое заявление о том, что он не старая бабуля, клянущаяся при всяком удобном и неудобном случае, мальчик улыбнулся. Задумался.

Вернемся к главному сюжету – коронавирусу. Сегодня у нас заразились 44 человека, 54 выздоровели. Динамика радует. Объявили о смягчении карантинного режима с 27 апреля. Разрешили торговать другими товарами, не только едой. Главное – разрешили продажу золота, других украшений и ломбард. Актуально. В ломбард понесут украшения, чтобы купить еды. А вот кто побежит покупать золото и бриллианты в ювелирный магазин? Возможно, и такие найдутся. Сразу после объявления о смягчении карантина выступил премьер-министр Асадов и заявил, что в случае увеличения числа заразившихся карантинный режим может быть вновь усилен. Расслабляться нельзя.

Что происходит в других странах? Китай заявил о дополнительном взносе в 30 миллионов долларов в ВОЗ, а в общем эта цифра с учетом прежнего взноса составит 50 миллионов долларов, после того, как США отказались платить. Показательный маневр.

В Бразилии, в городе Манаус копают огромное количество могил. На сегодняшний день зафиксировано около 3000 умерших от вируса. Настоящий триллер. Тем не менее, президент Болсонару настроен на снятие строгих мер для того, чтобы поддержать людей, занятых в малом бизнесе и таким образом содержащих свои семьи. В Рио-де-Жанейро проходят марши несогласных с карантином.

В Сирии, в провинции Идлиб, в лагерях для беженцев ситуация взрывоопасная, учитывая скученность и отсутствие нормальных условий для проживания. Люди стали возвращаться к себе домой, в разрушенные войной дома. Сейчас военные действия приостановлены после переговоров между Москвой и Анкарой, и беженцы потихоньку возвращаются. На данный момент не зарегистрировано ни одного случая заражения коронавирусом в провинции Идлиб. Правда, возможно, там не проводили тестирования. На фоне пандемии произошло знаменательное событие. В городе Кобленце, в Германии, в четверг, 23 апреля, открылся уникальный процесс. На скамье подсудимых – двое бывших сотрудников сирийских спецслужб, обвиняемых в пытках и убийствах. Это первый в мире суд над экс-представителями режима Башара Асада по делу о преступлениях против человечности. Они обвиняются в причастности к убийству 58 человек в пытках 4000 людей. Страшная статистика. Башар Асад, врач по профессии, офтальмолог, создал режим, с которым коронавирусу трудно соперничать в кровожадности.

А в это время в Японии мэр японского города Осака Итиро Мацуи призвал мужчин делать покупки вместо женщин во время пандемии, потому что у них это получается быстрее, передает CNN. По логике мэра, мужчины не склонны раздумывать над тем, какой продукт выбрать. Хватают то, что им попадается на глаза, в то время как женщины будут искать продукт, оптимальный по цене и качеству, что займет больше времени и приведет к присутствию большего числа покупателей в магази-

нах. Интересная логика у мэра. По опыту могу сказать, что я не склонна проводить исследования в магазине и довольно быстро делаю покупки.

Конца и края пандемии пока не видно. Окончательная победа над коварным противником еще впереди. Муж уехал на смену на терминал на целый месяц. За время, что мы провели вдвоем на карантине, я как будто вновь оказалась в начале нашего союза. И сегодня скучаю по нему. Удивительно, через столько лет оказалось, что я могу сильно скучать по мужу. Спасибо карантину!

48-й день (28 апреля). В мире более 3 миллионов заразившихся коронавирусом, 213 человек умерли. Во всяком случае, такую информацию передают СМИ. Возникает чувство, что чем больше цифра, чем мрачнее будущее, тем больше мир поворачивается в сторону сильных мира сего. Словно ждут мессию, способного освободить человечество от напасти. С Трампом согласился Макрон о том, что ВОЗ надо реформировать. О полной ликвидации этой организации речь не идет, хотя у Трампа была такая идея. По его мнению, ВОЗ не распространяла вовремя информацию о способности вируса передаваться от животного к человеку, и это способствовало возникновению пандемии. Где правда, а где ложь, разобраться сложно, тем более, что вариации на тему возникновения вируса продолжают будоражить умы. Люк Монтанье, Нобелевский лауреат в области медицины в 2008 году (*Professeur Luc Montagnier, prix Nobel de Médecineen 2008*), утверждает, что вирус Covid-19 искусственного происхождения. Профессор полагает, что произошла утечка из лаборатории в Ухане, где на основе коронавируса пытались найти вакцину от СПИДА.

В мире устали от карантина. Борис Джонсон через две недели после болезни выступил и обнадежил британцев. Пик заболеваний, по его словам, пройден. Правительство решает, как граждане будут выходить из карантина. В Италии глава правительства Джузеппе Конте объявил о смягчении режима, о возобновлении деятельности всех промышленных предприятий с 4 мая, а также итальянцы откроют оптовую торговлю. Хотя он предупредил, что меры предосторожности должны соблюдаться, риск роста заражаемости еще сохраняется. Похожая ситуация во Франции. Премьер-министр Эдуар Филипп предлагает отпустить французов на волю с 11 мая. Нашлись противники предложения премьер-министра, заявившие о слишком раннем выходе из карантина. В Швейцарии стали открывать магазины. Одними из первых открыли магазины для мастеровых, где продают всякие инструменты, а также садоводческие лавки. Власти полагают, что люди прежде всего пойдут заниматься обустройством своих участков, садов. У нас в Азербайджане тоже открывают магазины, но другого профиля. Ювелирные магазины и ломбарды. Сегодня в нашей «трубе», как я называю подземный переход у Зимнего парка, многие магазинчики открылись. Один из продавцов на вопрос коллеги: «Yoruldun evdə qalmaqdan?», не раздумывая, ответил: «Yemək lazımdır». Потихоньку выпускают «самоизолированных». Сегодня заразились 39 человек, а выздоровели 59. В Африке, в Сенегале количество больных увеличивается достаточно быстро. Надежда на то, что в жарком климате вирус не живет, не оправдывается.

Еще одна сенсация соперничает в эти дни с коронавирусом – возможная смерть Ким Чен Ына, главы Северной Кореи. Как и следовало ожидать, информация поступает из неофициальных источников. Международная пресса заинтересовалась его здоровьем после того, как он не явился 15 апреля на празднование дня рождения своего деда – Ким Ир Сена. Этот день в Южной Корее называют Днем Солнца. Несложно догадаться, кто выступает в роли Солнца. Пишут об операции на сердце. Трудность операции заключалась в том, что больной страдает диабетом и ожирением. Северо-корейский лидер весит 127 кг. Из еды и напитков предпочитает стейки, фуа-гра и французское шампанское. Любопытную подробность операции отметили журналисты. Врач, проводивший операцию по стентированию, учился в Китае. Опыт-

ный, грамотный врач, другой не мог бы получить доступ к телу диктатора, был напуган до такой степени, что руки у него тряслись, и это стало причиной неудачной операции. Сегодня даже показали видео похорон диктатора. Ролик, длящийся около пяти минут, имитировал эфир Корейского Центрального телевидения. На фоне Кымсусанского дворца Солнца (усыпальницы предыдущих лидеров страны – Ким Чен Ира и Ким Ир Сена) красовался заголовок: «Наш любимый верховный лидер товарищ Ким Чен Ын скончался». Ролик в первую очередь был распространен в Южной Корее. Министерство безопасности КНДР уже начало расследование с целью выяснить, кто создал ролик и каким образом он попал в страну.

Как будут развиваться дальнейшие события, ждут ли нас после пандемии еще и голод, потоп, пожары и нашествие саранчи? Не могу согласиться с таким прогнозом и не хочу. Напишем для нас всех более благоприятный сценарий. Озоновая дыра над Землей закрылась, значит, будем жить.

53-й день (4 мая). Вчера объявили о продлении карантина до 31 мая у нас. Сказать, что новость ошеломила, нельзя, все были готовы к такому решению. Разговоры о плато, кажется, постепенно начинают затихать. Устали. В мире более 3,5 миллиона зараженных, 249.712 умерли, 1.144.454 выздоровели. Куда идет вирус и какой еще ждать напасти от коронованного разбойника, никто не знает. Ученые, медики пытаются делать прогнозы и давать объяснения, но создается впечатление, что они и сами не очень верят в то, о чем говорят. Сингапурские ученые (на сегодняшний день они затмили британских) сделали прогноз по странам: когда разные страны начнут выходить из карантина. Азербайджан удостоился почетного места; обещали открыть страну к началу июня. Правда, предыдущий их прогноз не оправдался, и они продлили сроки выхода из карантина для разных стран. Европа постепенно начинает выплывать из мрачного периода. Открываются маленькие кафе, парикмахерские. В Люксембурге открыли лицей для старшеклассников. Учеников младших классов пока оставили дома. Объясняют такую политику тем, что маленькие дети менее дисциплинированы и им сложнее подчиняться особым условиям: соблюдать дистанцию, носить маски. В Париже владельцы небольшого магазина, продающего африканские ткани, шьют маски и раздают их бесплатно жителям квартала. Приехавшие когда-то из Сенегала, они помнят о том, что такое помочь в трудное время. Ну, и маски любопытные. Разноцветные, веселенькие. Европа объявила о сборе средств в мире в Фонд для борьбы с коронавирусом. Об этом заявили руководители Евросоюза. Брюссель предполагает собрать 7,5 миллиарда евро по телефону (сбор по телевизору) для создания вакцины. Франция, в частности, внесла 500 миллионов евро. Многие страны отклинулись, блистая своим отсутствием Трампа.

Вчера президент Трамп выступал на Fox News. Название передачи – «Америка возвращается к работе». Не страдая ложной скромностью, заявил, что если бы не его решительные действия, то число жертв могло приблизиться к миллионной отметке. Он обнадежил граждан Америки, заявив, что вакцина будет создана до конца года.

Еще одна новость, провоцирующая то, что в детективах называется *suspense*. Слово можно отдаленно перевести как напряжение, интрига. Да, настоящая интрига с фейковым видео, разоблачением перебежчика. Догадались, что речь идет о звезде Северной Кореи Ким Чен Ыне? Он появился на экране такой же упитанный, деловой и вполне здоровый на вид, как и раньше. Поехал с группой товарищай открывать завод по производству удобрений. Южнокорейским доброжелателям, распространившим известие о безвременной кончине вождя Северной Кореи, пришлось извиняться. Кадры с Ким Чен Ыном любопытны, как всегда. Вся его свита стоит и заглядывает в рот вождю, ожидая наставлений. Он сидит за небольшом столом, курит (а курит он один), стряхивает пепел в пепельницу и что-то излагает. А говорили,

умер. Вот что значит fakenews.

В России кривая волны заражений ползет вверх. Премьер-министр Мишустин заразился вирусом, но, как докладывают СМИ, продолжает работать на самоизоляции. Скоро, наверное, создадут глоссарий – словарь, в котором будут объяснять термины, придуманные в связи с пандемией. Например, самоизоляция. Ужасное слово. Мне так кажется. Очень близко к самоубийству.

Наши пожилые люди 65+, которым запретили выходить на улицы, тихо тоскуют, но не исключено, что скоро начнут выражать свое недовольство более радикальным способом. В соцсетях, в фейсбуке появляются возвзвания от замученных неволей стариков. Если учесть, что пожилые людят долгое время жили в Союзе и привыкли выполнять наказы партии и правительства, то можно себе представить, в каком они состоянии, раз стали возмущаться.

А я сегодня прогулялась в очередной раз в магазин. Смешно сказать, походы в магазин стали радостным событием. Прошла мимо памятника Самеду Вургуну, не удержанась, сфотографировала поэта в ограждении. Гражданам нельзя гулять в парках. А Самед Вургун самоизолировался. Ну, он хотя бы на свежем воздухе.

58-й день (9 мая). 9 мая – День Победы над фашистами, отмечаемый в странах СНГ. В Европе и в большинстве других стран победу отмечают 8 мая. Президент Макрон под Триумфальной аркой собрал своих предшественников. Присутствовали Оланд и Саркози и несколько других официальных лиц. Как объявил ведущий, *en petit comité* на русский можно перевести как «в узком кругу». Учитывая давление коронавируса, вполне объяснимая ситуация. В России, где собирались устроить грандиозный парад в этом году, как это делали в прошлые годы, все по той же причине, по причине пандемии, ограничились выступлением любимого президента по телевизору. Вновь отличился Батька Лукашенко, совершенно проигнорировавший страшного вирусного дракона. Он устроил белорусам военный парад. Ему отдавали честь проходившие перед трибуной войска. В общем, в лучших традициях Советского Союза, на зависть друзьям-соседям. И что интересно, дистанцию не соблюдали. Как ее соблюдать на военном параде? И масок никто не надел.

Сегодня в Баку заработало метро. Условия работы особенные, карантинные, а это значит, надо ходить в масках и соблюдать дистанцию. Мне сложно представить, как можно в метро соблюдать дистанцию, однако проверять свои предположения не буду. Три дня назад утром, я еще спала, позвонила моя школьная подруга, Шафига. После того, как она мне сказала, откуда звонит, я тут же проснулась окончательно. Она звонила из клиники, где находится около двух недель. А причина все та же: коварный вирус. Около 10 дней, по ее словам, она почти не приходила в сознание. Ее подключили к ИВЛ. Сегодня все знают, что это значит – Аппарат Искусственной Вентиляции Легких. И только теперь потихоньку выкарабкивается из болезни. В клинику попали вместе с ней несколько членов ее семьи, в том числе дочь, сын и внуки. По словам Шафиги, их заразили врачи, лечившие ее теперь уже покойного мужа от онкологии. Дети поправились быстро, а вот Шафига и ее доченька еще в больнице. Так что коронавирус – не выдумка ВОЗ, а вполне реальная угроза.

Заразившихся по всему миру на сегодня 3.77 миллиона человек, 265 тысяч скончались с начала пандемии.

В Штатах, несмотря на большое количество заразившихся и умерших, Трамп представил план поэтапного снятия карантина. Безработица в США резко возросла, что неудивительно. По мнению экспертов, приблизилась за месяц к уровню безработицы в период Великой депрессии.

Наши вражеские соседи гнут свою линию, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. По количеству зараженных и умерших от коронавируса Армения обогнала нашу страну. Тем не менее, премьер-министр Армении Пашинян отправился в

Гарабах, как пишут армянские источники, отмечать тройной праздник. Победу в Великой Отечественной войне, «освобождение Шуши» и «День формирования армии Гарабаха». Sans commentaire. Без комментариев. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

В Азербайджане сегодня назвали рекордную цифру заразившихся – 143 человека, утешает, что 44 выздоровели. Вспомнили о пике эпидемии, понадеялись на то, что пик пройден и дальше «все будет хорошо», как когда-то говорил мой муж в самые критические моменты нашей совместной жизни. Все действительно приходило в норму, однако не всегда благодаря его заслугам.

На таком апокалиптическом фоне проходят аресты влиятельных чиновников, обвиняемых в коррупции. Начали с Иджра, с глав исполнительной власти. Имишлинского главу зовут Вильям Гаджиев. Родители, называя ребенка Вильямом, надеялись на его творческую судьбу. Возможно. Как не вспомнить Вильяма Шекспира. Вильям Гаджиев оказался не творческой личностью, а простым коррупционером, которого, как написал один из наших популярных сайтов, привели в зал суда в наручниках. Для устрашения других коррупционеров, наверное. А дальше больше. Задержали замминистра культуры, а также нескольких влиятельных чиновников. В числе арестованных – глава департамента по охране объектов исторического наследия Закир Султанов. И его тоже привели в зал суда «в наручниках». Слабое утешение для бакинцев, да и для жителей других городов Азербайджана, Гянджи, например, где с разрешения этого чиновника уничтожили много исторических зданий. Перечислять все не буду. Назову лишь один дом с атлантами. Наша гордость и память, уничтоженная Закиром Султановым. События развиваются стремительно, почти с той же скоростью, с какой растет число зараженных коронавирусом. Может, вирус решил очистить не только воздух? Риторический вопрос. Как писал Ленский перед дуэлью с Онегиным: «Что день грядущий мне готовит?» Надеюсь, увидим.

63-й день (14 мая) Цифра заразившихся во всем мире продолжает расти. Это понятно, потому что тех, кто выздоровел, не исключают из общей цифры. Американский университет Johns Hopkins, расположенный в Балтиморе, в режиме реального времени дает информацию по COVID-2019. Согласно этой информации, сегодня в мире зараженных коронавирусом 4.387.438, из них 298.372 умерли. Если посмотреть на кривую пандемии, то приходится согласиться с мыслью, что окончания этой заразы пока не видно. Кривая идет вверх. Лидируют США, где больше всего заразившихся. За Штатами следом идет Россия. Некоторые эксперты зло шутят, что Россия наконец хоть в чем-то догоняет Америку. Шутка дурного вкуса. Впрочем, если учесть, сколько яда вылили российские официальные пропагандисты на США и другие западные страны, также и в период пандемии, то черный юмор объясним. Иммунолог, отвечающий за пандемию в Белом доме, Anthony Fauci, призвал к осторожности во избежание нового всплеска заболевания. Его слова идут вразрез с идеями Дональда Трампа, оригинала во многих вопросах.

В Ухани, откуда прилетела черная летучая мышь вирусной пандемии, вновь обнаружили 6 заразившихся и решили не мелочиться, а проверить все население города на вирус. А это 11 миллионов человек.

Люди находятся под двойным, а некоторые – тройным прессом. Болезнь, отсутствие средств на жизнь, а в некоторых странах под предлогом пандемии уже-сточились политические репрессии.

30000 мексиканских сельскохозяйственных рабочих получили разрешение и отправляются на работу в Канаду, чтобы помочь канадским фермерам собрать урожай и обеспечить свои семьи. Угроза заражения вирусом не останавливает людей; умереть можно и от голода. Европейские страны потихоньку открывают границы, чтобы спасти туризм. Во Франции Мон Сен Мишель, одна из самых посещаемых достопри-

мечательностей, открылась для туристов. Там, где раньше наблюдали мощный поток туристов, сегодня видим в репортаже тоненький ручеек, текущий только в одном направлении. Люди не должны идти навстречу друг другу. Все равно это радость для тех, кто там оказался.

Репрессии, словно ужаленные вирусом, стали жестче. В Марокко представили проект закона, запрещающий бойкот товаров. Такая форма протesta успешно применялась благодаря социальным сетям. Товары, чья цена, по мнению марокканцев, неоправданно завышена, бойкотировались потребителями. Воспользовавшись карантином, власти решили провести закон, запрещающий бойкот. Текст закона не был опубликован. Однако один из популярных блогеров раздобыл и опубликовал его. Под нажимом общества власти вынуждены были отложить принятие закона до окончания чрезвычайного положения. Люди надеются, что смогут заблокировать дискриминационный закон.

Отменили Каннский фестиваль. Грустно. Не была я в Каннах, ни на фестивале Каннском. Все равно жаль, что отменили. 3 раза за всю историю Фестиваля такое случилось. Придумали онлайн-платформу, где профессионалы смогут посмотреть фильмы, попавшие в фестивальную программу.

У нас сегодня 121 заразившийся и 44 выздоровевших. Послабления для людей 65+ так и не дождались. Моя соседка, которой 85 лет, но ее все равно не назовешь старушкой, а скорее дамой в возрасте, ждет не дождется, когда же наконец она сможет гулять. С ужасом рассказала мне случай, когда мужчину 70 лет, шедшего в аптеку под домом, остановил полицейский и оштрафовал на 100 манатов. «Для меня, — сказала моя соседка, — это не такая большая сумма (у нее неплохая пенсия), но я считаю такое отношение к старым людям несправедливым». И я с ней совершенно согласна.

Удивительные события, связанные с разоблачением коррупционеров, продолжаются. Идет атака на министра культуры Абульфаза Гараева. Один из оппозиционеров вспомнил о том, что японские чиновники в случае подозрения на нечестный поступок заканчивали жизнь самоубийством, делали себе харакири. Он добавил, что министр, вероятно, не прибегнет к такому обелению своей чести. Это к лучшему. Трибун партии власти Сиявуш Новрузов призвал министра уйти в отставку и покаяться. Если принять во внимание, что народ даже в пандемию требует «хлеба и зрелиц», то мне кажется, при нехватке хлеба, зрелица должны быть более масштабными и впечатляющими, что мы и видим сегодня.

67-й день (18 мая). Ура! Карантин снимают. С сегодняшнего дня разрешения, чтобы выйти из дома, уже не требуется. Все могут гулять. Молодые и старые. Парки открываются. Тема коронавируса актуальности еще не потеряла, но я надеюсь, что домашний арест закончился. Почти все страны мира возвращаются к жизни. И мы в том числе. Радуюсь!

Гризли

Путевой этюд

Никогда Гульджан не думала, что она поедет в Канаду. Конечно, ей, как всякой любознательной женщине, очень хотелось путешествовать. Увидеть своими глазами чужие страны. Поглазеть на красоты природы, подивиться нравам других, отличных от нее людей. И вот такая удача! Она в Канаде с мужем, в дружной семье дочери. Любуется невероятной красотой здешних мест. Небольшой городок, похожий на открытку, Банф, национальный заповедник в провинции Альберта.

В первое время ей казалось, что она задыхается. С чистым, прозрачным, льющимся, словно кристальный ручей, воздухом, не спрятаны ее легкие, привыкшие к пахнувшему нефтью воздуху Баку. Она вертела головой, чтобы ничего не упустить из неземной красоты. Теперь она знала, как выглядит небесная красота. Подобное чувство у нее было в юности, когда она приехала в Гарабах и удивлялась тому, как в одном краю природа может соединить воедино столько чудес. Вот и в Банфе все казалось нереальным, постановочным. Скалистые горы, озера, похожие на сапфиры, небрежно разбросанные гениальным художником так, что получился неповторимый узор. Единственное, что могло несколько испортить впечатление – толпы туристов со всех стран мира. Гульджан с удивлением отметила, что в основном туристы – взрослые, если не сказать пожилые люди, не утратившие радости жизни, наоборот, казалось, что они наверстывают упущенное в молодости. Много азиатов, подтянутых, позитивных, одетых в спортивную одежду. Пары держатся за руки, как юные влюбленные.

На родине Гульджан встретить пожилых людей, прогуливающихся, держась за руки, сложно. А тем более невозможно представить, чтобы старики (так их называют в Баку) могли идти в поход, взбираться на горы, гулять по лесу, кататься на велосипедах, байдарках, лошадях. Да мало ли как можно развлечься на природе. Оказалось, что все перечисленное могут делать не только полные сил энергичные молодые люди, но и вполне себе старики. Однажды поднимаясь на вершину горы, Гульджан, отстав от мужа, села на камень отдохнуть. Люди в спортивной одежде, кроссовках шли в обоих направлениях: одни поднимались на вершину, а другие спускались. Женщина в очередной раз поругала себя за легкомыслие: вместо спортивной обуви она надела открытые сандалии, что не облегчало, а осложняло подъем. Сандалии скользили, в них набивались камешки. Почти все проходящие мимо здоровались. Такой там этикет. Мужчина, бодрый и веселый, спускавшийся с вершины, проходя мимо Гульджан, вдруг повернулся к ней и задорно спросил: «You are waiting for me?» Гульджан от неожиданности ничего не ответила, улыбнулась и покачала отрицательно головой. После реплики незнакомого мужчины у нее поднялось настроение, она вскочила и устремилась вперед.

Одна прогулка запечатлелась у нее в памяти, подобно четкому фотографическому снимку. С утра в будний день дочь с маленьким сыном, Гульджан с мужем погрузились в машину и поехали к озеру с загадочным названием Two Jack, Два Джека. Дочь вела машину, и Гульджан, всю жизнь мечтавшая сесть за руль, но так и не сделавшая этого, с гордостью смотрела на свою умницу и красавицу доченьку. Услышав название озера, женщина подумала, что, возможно, два озера соединились в одно и по этой причине их так назвали. Оказалось, что она права лишь наполовину. Действительно два водных бассейна – один был рукотворным, а другой естественным, соединились в одно озеро. Но назвали это озеро в честь двух Джеков.

Еще одна особенность, удивившая Гульджан. В парках, созданных природой и лишь немного обустроенных людьми, стоят деревянные скамьи, на их спинках написано имя, в честь кого поставили скамью. Обычно люди, желающие напомнить всем о своих дорогих ушедших, устанавливают за свой счет такие скамьи. Вот и озеро назвали в память о двух Джеках, работавших здесь, на озере.

В тот день погода выдалась отменной. Солнечное безветренное утро. Впрочем, ветры в Банфе дули редко. Высокие горы, обрамленные облаками, похожими на кудрявых барабашков; вода в озере прозрачная, бирюзовая. Туристы ходят вдоль озера, фотографируют себя и природу. Дочь, держа за руку маленького сына, спустилась прямо к озеру, Гульджан сняла башмаки, закатала штаны брюк и пошла по воде. Озерная вода прозрачная и холодная. Муж шел позади. Идиллическая картина. Молодая женщина, ребенок, и взрослая пара в райском уголке. Гульджан знала, что в

Канаде и, в частности, в Банфе живут не только люди, но и звери. Много разных диких зверей. Среди них есть опасные звери, такие, как медведь гризли. Специальная служба, которая следит за парками, лесами, зверями, внимательно наблюдает за тем, в каком месте появляются звери и как сделать так, чтобы ни люди, ни животные не пострадали. Обычно место, где заметили медведя, койота, волка, ограждают специальными флагами и не советует людям посещать эту зону. В Банфе Гульджан впервые увидела мосты, построенные специально для животных. Мосты располагаются над дорогами, усажены деревьями, чтобы зверям было удобно переходить автомобильную дорогу, не подвергая риску ни себя, ни людей. И таких мостов довольно много.

Дочь предложила пойти дальше по лесу по тропе, проложенной для людей. Они шли по тропе, маленький мальчик держал за руку свою маму. Они прошли мимо беседки. Увидели туристический трейлер. Рядом с машиной женщина и мужчина о чем-то возбужденно спорили. Внезапно послышался вой сирены. Мужчина повернулся в сторону семейства и громко сказал: «Bear». После заявления он потянул женщину за руку. Они быстренько погрузились в трейлер, и большая машина стала отъезжать.

Гульджан с удивлением смотрела на то, как в спешке выруливает машина. Первый порыв – спрятаться и, главное, спрятать дочь и малыша. Вероятно, о том же подумали туристы с трейлера. Только им не хватило доброты предложить убежище семье с маленьким ребенком. Инстинкт самосохранения, такой же, как и у зверей, возможно, еще сильнее. Вой сирены приближался. И вдруг она увидела громадного медведя гризли, мчавшегося с невообразимой скоростью. Он промчался мимо них, а за ним летела машина с включенной сиреной. Парковая служба оказалась на высоте. Малыш от страха залез под стол беседки и попросил у матери яблоко. На что она, смеясь, ответила: «Нет, дорогой, мой! Яблока тебе не дам. Медведи любят яблоки. Запах яблока может его привлечь». Состояние шока еще некоторое время переживала вся семья. После происшествия, закончившегося, к счастью, благополучно, дочь рассказала забавный эпизод, приключившийся с японской туристкой. Правда это или байка, трудно сказать, но местные жители уверены в том, что правда.

Все туристы, за небольшим исключением, обожают фотографироваться, что не удивительно. Память и хвастовство движут ими. Группа японских туристов, увидев у обочины дороги двух резвящихся медведей-подростков, захотела сфотографироваться на их фоне. Почему-то они решили, что медведи в хорошем настроении, и ничего людям не грозит. Шофер послушно остановил автобус, туристы вышли из него, приблизились к медведям и стали позировать. Пока делали несколько кадров, один из медведей подошел к туристам и легонько лапой поправил шляпу одной из женщин. Всех туристов как ветром сдуло. Они быстренько погрузились в автобус, оставив территорию победителям-медведям.

Услышав историю, Гульджан сразу же задала себе вопрос: смогла бы она рискнуть и пойти позировать на фоне медведя, пусть даже небольшого, для эффектного фото? Ей не пришлось долго раздумывать. Ответ был готов. Ни за что она не стала бы рисковать жизнью ради сомнительного удовольствия похвастаться показной смелостью. Почему тогда японцы, известные своей рациональностью, решилась на такой легкомысленный поступок? Лишь одно объяснение показалось ей правдоподобным. Туристы всех национальностей, попав в незнакомую обстановку, превращаются в неразумных любопытных детей, которым все любопытно и кажется доступным. Они забывают об опасности.

После встречи с медведем всем захотелось побыстрее попасть домой. Рассказали о происшествии мужу дочери, пришедшему с работы. Обсудили, как нужно себя вести при встрече с диким опасным зверем. Никаких рецептов не нашли, и не могли найти.

Гюльджан вспомнила о фильме, за который Ди Каприо, наконец, наградили Оскаром. «Выживший», так называется фильм. Снимали его в местечке рядом с Банфом. Гюльджан смотрела фильм и долгое время находилась под его впечатлением. Погодинок Ди Каприо с гризли, совершенно безумная, страшная сцена, возможная только в кино. Ей так показалось. В реальной жизни с гризли лучше не встречаться. Или залезть высоко на дерево. Убежать от него тоже не получится, он развивает скорость до 60 километров в час. Не исключено, что медведь будет в хорошем настроении, повернется и уйдет или проскачет мимо, как это случилось с Гюльджан и ее семьей.

Уезжая в Баку, она долго давала наставления дочери, живущей в Канаде, о том, какой надо быть осторожной и внимательной. Как оказалось, встретиться с медведем, правда, не с гризли, можно и у нее на родине. Как-то Гюльджан ехала в троллейбусе, предвкушая премьерный показ азербайджанского фильма, получившего награду на международном фестивале. Лето. Жарко. Гюльджан в открытом ярком платье. После прохладной Канады и соответствующей одежды приятно покрасоваться в нарядном платье. Она села на переднее свободное сиденье. Напротив, расположились две женщины в темных одеждах, с платочками на головах. Они вели успешный разговор между собой, чуть громче, чем того требовало личное общение. Невольно Гюльджан прислушалась.

«Bu yay mən məşəyə getmişdim moruqqun. İsmayıllıda. Tək deyildim. Oğlumda mənimlə gedti. Moruqu tapdıq. Başladığ dərməyə. Birdən gulağıma səs gəldi. Oğlum səs gələn tərəfə baxdı. Mən də üzümü çevirib, baxdım. Sənçə kimi gördüm?» Женщина сделала драматическую паузу, внимательно посмотрела на собеседницу, потом на Гюльджан. Убедилась в том, что эффект достигнут, слушатели с нетерпением ждут продолжения истории. «Heç ağlıma da gəlməzdi ki kəndin yaxınlığında ayl gəzir. Döndüm daşa. Yeriyə bilmirdim. Oğlum mənə baxıb, yavaşça golumdan tutub, asta asta məni dardı kəndə tərəf. Amma özü aysiya baxırdı. Ona kürəyini göstərmədi. Yani, xəbər verdi ki, ondan gorxmur. Biz asta asta çıxdıq aradan». Гюльджан не стала вмешиваться в разговор, хотя ей очень хотелось рассказать о своем опыте.

Через некоторое время она увидела в прессе еще одно напоминание о медведе. Бурый медведь появился на главной улице Шеки. По словам журналиста, медведь пришел к людям за помощью. На голове у зверя замечены следы дроби. Удивительно, медведь, пострадавший от человека, все же пришел к людям. Может быть, знакомый медведь убедил его, что среди людей встречаются не только коварные убийцы, но и вполне приличные существа, которые могут помочь?

Не знаю, но хочется надеяться, что люди перестанут убивать не только соплеменников, но и зверей, своих собратьев по планете.

ТИМУР АЛИБАЛАЕВ

ПОЕЗДА В НОЧИ

* * *

...И поездá в ночи –
классический нуар,
и музыкантов трёп в бессонном тамбуре –
как трогательно-стар репертуар:
о том, какая осень в Санта Барбаре,
о том, что все былое – призрак тут,
а будущее, несомненно, – тайна.
Так спи с актрисами, мой друг,
непризнанными и
умеренно вульгарными.
И выбери себе просторный дом
с цветами и большими окнами,
в котором тени, павшие на пол,
однажды станут для тебя дорогами.
И заведи себе друзей, в кругу
которых ты, как в тихой гавани,
смог бы поверить во вселенскую игру,
засомневавшись как-то утром в Дарвине
и следствиях логических задач,
рождающих основы для теории...
А ты один в кольце из неудач
стоишь лицом к пустой аудитории.

* * *

В больших городах одиночество
дышит в висок,
и сидит на проводах птичья стая,
не чувствуя ток –
так и я тебя давно не чувствую, Бог...
Только ветер в окно –
этот грустный фристайл.
Я порою в толпе до того одинок,
что сравняться со мной может
(может, но вряд ли)
лишь у бара курящий, в лохмотьях пророк.
Кнок-кнок, старина Дилан –
я ведь тоже когда-то мог
стучаться в чужие квартиры,
не запирая своей на замок.

Расскажи, из каких я был создан кровей?..
И от того ли во мне эти фобии, вэй¹?..
А однажды мы превратимся,
забыв гравитацию,
в летучих голландцев и воздушных змеев.
И в этом вся странность моего с тобой бытия:
по вертикали двигаться,
как ферзь со стратегией пешки,
и просыпаться среди ночи
от собственного вытья,
а после бежать на балкон
и закуривать в спешке.

Мама, я знаю практически все,
что связано с болью,
перепробовав все анестетики и опиаты.
И пока эстетика где-то внутри меня
рок-н-роллит,
я разлагаюсь фактически на цитаты.
И вместо зрачков теперь –
лунные кратеры,
и вместо друзей –
список «просто знакомых»...
Так пусть идут НА все ваши диктаторы –
в небе моем правят только вороны!..

* * *

Обычно, когда ты уходишь под утро,
вслед тебе тропические дожди
льют свое бесконечное «подожди».
И летят к тебе с неба, без парашютов,
последним маршрутом
осеннего неба вожди.
Так приходит сентябрь на встречу
в мокром пальто,
чтоб листва ложилась валетом
на твои побледневшие плечи,
и молчание делалось частью речи
в доме с наотмашь закрытым окном.
А за ним –
лишь закат, длиною в шоссе,
на которое Бог опрокинул
«Мартини-Розё»,
и вместо признаний длинных эссе
он шлет тебе танец ворон.
Он шлет тебе песни цыганских ночей
под скрипку –
качель виртуального сада...
И пусть стаи статных отборных грачей
тебе станут гонцами
моего личного ада!..

¹ Вэй (ой-вэй) – идиоматическое выражение на идиш, выражющее огорчение, разочарование, досаду

* * *

С высоты парящих над головой пирамид
хриплым голосом Фрэнка Синатры
я спою о глаз твоих
переполненном амфитеатре
и о коже твоей цвета знойных корид.
Я шагал через ад под чечетку цикады,
я пил с дьяволом на спор
и с богом курил,
изливал душу бáрменам, официантам –
все о том, как я сильно тебя любил.
Знаешь, девочка,
сколько проклятий и порч
мне судьба нагадала на картах?..
Оттого уходил я с цыганами в ночь
и встречал вместе с ними закаты.
Ведь дорога мне – брат,
и дом – старый порт
(а не шумные стриты «большого» Арбата).
Оттого и в наследство оставили мне –
гул дождей, тишину листопада,
рифы черных морей,
паруса кораблей
маяка две седые полоски...
Оттого ли ты смотришь в глаза мои, как
бледный ангел
со стен Третьяковских?..

* * *

**Представь, что твой город
однажды смоет волной,
не оставив ни адреса,
ни почтовой марки...
Оттого твои волосы пахнут соленой водой,
и на стенах в твоем доме –
пустые рамки,
и под черной твоей фатой
распускаются губ твоих красные маки...**

Представь, что твой город
однажды стерло войной,
и нам навстречу по газонам
движутся танки.
Я спасу тебя от беды,
я возьму тебя под луной —
если ты обещаешь спасти меня самого
от атаки бешеной паники.
И пускай в небе звезды,
одетые в белые фраки,
освещают тебе ночную дорогу домой,

где прижились сто лет одиночества Маркеса.

Циферблат на стене,

тучи куполом над головами,

и сто лет тишины Мураками

нарушают только скрипучий паркет

и летящих ракет журавлиные стаи...

Я дарил тебе горизонт на рассвете

и серых «бетонок» букет –

это все, что тебе я однажды оставлю...

Это все изотрется, как старый вельвет,

солнце выключит свет,

только звезды здесь ярче не станут.

Так представь:

в твоем городе падает снег,

блудный снег заполярного края,

что сумел обойти мель и засуху рек,

чтоб капелью войти в сердце Кая.

* * *

А у Бога не было никаких планов:

грустно пела Нино под фоно,

утекая в минор.

И плескались глаза,

будто два океана,

и крутились рулетки в пустом казино.

Это все не по правилам, мама:

мою жизнь загубили брюнетки с вином...

Эхо актовых залов, пустой коридор.

И мой личный ужастик глядит с виньетки,

и разгулявшаяся кардиограмма

мне на ленте настойчиво пишет:

«ERROR».

А у Бога не было никаких планов...

В гостиничном номере гул телеэкрана.

И тела, что сплетались в ковровый узор,

после жгли эту ночь на двоих, не зная,

с чего начать разговор.

Это все не по правилам, карма,

когда хочется заорать

на весь штат и каньон,

и бежать от людей до последнего шрама,

и зализывать раны,

будто дикий койот...

А у Бога нет и не было никаких планов –
на тех, кто уходит и предает.

РАФИК АСКЕРОВ

НАДЕЖДА

Есть люди, людская молва о которых опережает их должность и занимаемое положение в обществе. Авторитет их как специалиста зарабатывается не сиюминутным результатом, а годами. Требуется время, чтобы тебя признали, доверяли и прислушивались к твоему профессиональному мнению.

Некоторое время назад ко мне обратились близкие мне люди за содействием по поводу одного медицинского вопроса. «Почему именно к нему?», – поинтересовался я. «У нас много других специалистов». Ответ был краткий: «Мы ему верим». Подумал, для больного главное – вера врачу, которому он вверяет свою судьбу. Отпираться мне уже было нельзя. Я позвонил, представился. Узнали. Назначили день и время встречи.

В назначенный час переступил порог его кабинета. «Какими судьбами?», – приветливо встретил он меня. Я изложил суть своей просьбы. «Вопросов нет, пусть сдаст анализы и приходит через день».

Затем наш разговор перешел на общие темы. Я огляделся: небольшой кабинет, на стене красочная картина «Нью-Йорк, Центральный Парк». Заметив, что я рассматриваю картину, сказал: «Это память о Нью-Йорке. А затем, высунув ногу в гипсе из-под стола: «А это память о переломе, когда спускался с гор на лыжах». Я удивленно спросил: «А как операции? Работа?». «Все в порядке. Придумал подставку-опору для большой ноги, поэтомуправляюсь». Затем немного подумав, добавил: «Главное для хирурга – это голова, а затем руки. Так что, все о'кей», – закончил он на английском.

Знакомьтесь, профессор отделения опухолей головы и шеи Национального Онкологического Центра, ректор Бакинского филиала Первого Московского Государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, доктор медицинских наук, профессор Азиз Джамилевич Алиев.

Эта встреча произвела на меня впечатление. Четкость, конкретность в разговоре, самоотверженность в работе, свои профессиональные обязанности ставит выше всего – «нужно – надо». Тем более, когда от своевременной медицинской помощи зависит судьба больного. Может, поэтому сломанная нога для него – вторична, а страдания больного первичны.

Много думал-передумал. Как воспитываются эти люди, как формируется их характер, что для них долг врача, клятва Гиппократа? Словом, присматривался, пытаясь разобраться с этой личностью, узнать его ближе.

Спустя некоторое время позвонил, попросил о встрече.

Я пришел в кабинет. На двери маленькая табличка: «Профессор». Та же картина, скромное убранство, маленький книжный шкаф, два-три стула. Главный Он, который приветливо улыбается и вступает в разговор: «С чего начнем?».

Когда я рассказывал, мне казалось, что его мысли были не здесь. Внезапно он встал, извинился: «Я на минутку, посмотрю больного». Через некоторое время пришел: «Слава Богу, состояние стабильное. Опухоль прорастала в вену и пришлое реэцировать вену, чтобы радикально удалить опухоль. Сейчас все спокойно, стабильно и самое главное хороший прогноз на будущее. Хирургия – это непредсказуемое творчество».

Тревога, забота – вот главное. Сомнения и желание сделать лучше, аккуратнее, помочь пациенту, тем самым вернуть к здоровой полноценной жизни. В онкохирургии промедление смерти подобно, чем раньше сделаешь операцию, тем лучше результат. Вот «ахиллесова пятка» онкозаболеваний. Чем раньше, тем лучше. Главное ранняя диагностика. Сегодня в нашей специальности многие вопросы решаемы. Это топический диагноз и решительные действия. Правда, здесь всегда нужно помнить, что смелость не должна превышать умелость. Постоянное наблюдение и уход, правильное назначение лечение, тогда есть перспектива и результат.

«Извините, спешу», – неожиданно завершил беседу Азиз Джамилевич: «Продолжим в следующий раз».

Первая встреча с Азиз Джамилевичем явно не удалась. Ему было не до меня. Не удалось его растормошить, разузнать, понять его суть. Что там внутри? Что движет им? Что первое, что второе для него? Пришлось довольствоваться тем, что узнал. Но у меня было ощущение, что ни он, ни я не были готовы к полноценной беседе, к откровению. Договорились, что встретимся еще раз.

Спустя некоторое время встреча состоялась. К этой встрече я основательно подготовился. Покопался в библиотеке, опросил людей, которые непосредственно работали и работают с профессором, его знакомых, словом, всех, кого мог «достать». Постепенно вырисовывался портрет молодого, энергичного ученого-хирурга, представителя нового, молодого поколения ученых, взращенного в лучших мировых клиниках и работающего с современными технологиями и страстно желающего передать свои знания и опыт своему народу. С этой точки зрения он был мне интересен. Врач-хирург, ученый-профессор, будущее нашей отечественной медицины.

Я внимательно слушал, а затем, прервав его, задал вопрос: «Азиз Джамилевич, для чего вам все это нужно?» «Что именно?», – он явно не понял вопрос. Я продолжил: «Вот этот темп работы, бесконечное волнение, операции, симпозиумы, конференции, а став ректором престижного ВУЗа – организация учебного процесса. Вы, получив медицинское образование в США и проработав там некоторое время, уже могли бы обеспечить себе безбедную жизнь. Врач-онколог, профессор, вы давно бы были миллионером и жили бы себе припеваючи. Где логика?». Мои вопросы и логика суждений явно носили провокационный характер, а цель – «растормошить» своего собеседника.

Немного подумав, Азиз Джамилевич ответил: «Не хлебом единым сыт человек. Думаю, вам знакома эта поговорка. Есть вещи, которые выше, чем материальное обогащение. Мне лично намного милее мой родной Баку, улица Азиза Алиева, бывшая Зевина, где я провел свое детство, кривые улочки и закоулки старой крепости, нежели сверкающие витринами Пятая Авеню или Бродвей. Кроме того, я, учась в Нью-Йорке, знал, что мое место в Баку. И все, что я познал, приобрел – знания, профессиональный опыт, должно быть отдано моему народу. У каждого есть свои нравственные принципы, своя мораль. Пусть это звучит высокопарно. Но это так. Счастье – это служить своему народу, своей родине. Но не по принуждению, а по зову души и сердца. Если этого некоторые не сделали, то это на их совести. Пусть будут успешны и счастливы там, за рубежом. Но никогда, никогда не забывают родину. Не случайно, родину называют матерью, как синонимы».

Многие остались, а он приехал, чтобы служить своему народу. Вот суть каждого достойного человека, патриота своей родины. И Азиз Джамилевич это делает каждый день, каждую минуту, оказывая квалифицированную медицинскую помощь. Он спешит. Делает все быстро, но не торопится. Весь день крутится как белка в колесе. Постоянно совершенствуясь сам, он тянет за собой молодежь – учеников. Это новый уровень и современный подход к лечению.

Так пожелаем ему успехов в его стремлении и удачи в реализации этих благородных целей! Он на переднем крае дорожит временем.

«Устаете? Уменьшите «обороты» своей деятельности», – сказал я.

«Не могу. Нравится. Я в своей стихии. Столько лет учебы и работы в зарубежных клиниках, а теперь, когда наступило время реализации своих знаний и опыта на родине, жить рационально, держа руку на своем пульсе, это не для меня. Надо по принципу «или-или». Тем более, когда ты видишь ежедневно десятки больных, которые ждут, просят и надеются на тебя. Тут забудешь о своем отдыке, о своих заботах, все уходит на второй план. А во главу угла ставится пациент, который ждет от тебя непосредственной помощи. Хочу сказать, я не аскет. Ничто человеческое мне не чуждо. Поэтому те редкие и небольшие возможности, которые представляются для отдыха, я особенно ценю и получаю удовольствие на сто процентов. Работа и труд – вот главные качества, которые совершенствовали человека, делая его социально полезным для людей, родины».

Сплетни, собрания ему претят, человек, который занят своим делом – ему не до сплетен. Нет предела совершенству, когда ты занимаешься любимым делом.

«О чём мечтаете?».

Немного подумав, он ответил: «Всегда мечтал работать под руководством Джамиля Азизовича Алиева, генерального директора Национального онкологического центра, который создал современный центр. Благодаря поддержке Президента Ильхама Алиева и Первого вице-президента Мехрибан ханум Алиевой в центре созданы самые лучшие условия для лечения онкологических больных. Построенный онкологический центр может считаться гордостью республики. Поверьте, я был в центрах разных стран, но мало где видел подобное. Мы не стоим на месте, адвигаемся вперед в двух направлениях, современная медицинская техника и постоянное повышение квалификации специалистов. Мечтаю, чтобы выпускники Бакинского филиала Сеченовского университета были бы классными специалистами и прославили бы отечественную медицину на дальних рубежах, и мы гордились бы этими именами. Словом, мечтать не зазорно. Главное – реализовать мечты, адля этого нужно время и много труда».

Будучи ректором, я пытаюсь донести до студентов, что им необходимо постоянно совершенствовать уровень медицинских знаний. Внедрение в практическую медицину новых достижений и максимально использовать их в своей врачебной деятельности. Чтобы стать настоящим врачом, нельзя ограничиться только тем, чему учит университет в целом, а необходимо еще самостоятельно пройти нелегкий путь сложной внутренней работы над собой, путь самовоспитания. Врач должен быть широко образованным человеком, знать прикладные науки, искусство, литературу. Нужно помнить, что особенность профессии врача предполагает, кроме собственных забот и переживаний, испытывать тревогу за страдания людей, нуждающихся в его помощи.

Профессор Азиз Джамилевич человек конкретный. Ценит время. Поэтому в разговоре со мной почти телеграфный язык – конкретный вопрос – лаконичный ответ. Словом, «медицинский протокол», где точно определена тактика врача, ни вправо, ни влево. Наверное, это правильно. Точный диагноз, набор средств, лекарств, лечение и, главное, конечный результат.

Послесловие:

Вот уже не одно поколение семьи Азиза Мамедкеримовича Алиева служит на ниве здравоохранения. Их знают и почитают: Тамерлан Алиев, Зарифа Алиева, Джамиль Алиев, Лязифа Алиева и др. И сегодня продолжателем их доброго имени, благородной миссии является профессор Алиев Азиз Джамилевич, который сохраняя достойные традиции семьи, успешно делает свое дело и высоко несет знамя отечественной медицины и здравоохранения. Доброго пути и успехов ему!

А в заключение небольшое интервью с профессором Азизом Джамилевичем Алиевым:

К чему вы стремились всю жизнь? – Стать хирургом и продолжить семейную династию врачей.

Вы счастливы? – Да.

Довольны ли вы прожитой жизнью? – Конечно.

Что вы больше всего цените в людях? – Честность, открытость, порядочность.

Что бы вы желали иметь? – Что имею, мне достаточно.

Как вы относитесь к красивым женщинам? – С интересом.

Что может вас разозлить? – Резонерство, сплетни.

Если можно было начать все с начала, по какому пути вы бы пошли? – По тому же пути.

Можете ли вы прощать врагов? – Если предательство нет, ошибку да.

Когда за столом на торжествах говорят вам: «Вы гений» верите ли вы им? – Нет.

Что думаете о коллективе в целом? – Это единый организм, работающий слаженно.

А что думает коллектив о вас? – Лучше спросить у них.

О чем мечтаете? – Мечтал в молодости быть хирургом, а сейчас оперирую.

Что любите читать? – Исторические романы. К сожалению, времени не остается для художественной литературы. В основном это официальные доклады и медицинская литература.

Что не любите читать из литературы? – Пустые детективы, страшилки.

Зависть, знакомо ли вам это чувство? – Нет, белая зависть к уникальным операциям, к новым способам лечения.

Как вы относитесь к деньгам, богатству? – Спокойно.

Ваши дети пошли или не пошли по вашим стопам? – Они еще школьники, время покажет, но надеюсь, что станут врачами.

Как вы смотрите в будущее? – С оптимизмом.

Были ли ошибки? – Наверное, были.

Что главное для молодых? – Вера, высокая цель, стремление двигаться вперед

Что формирует гражданина, человека? – Чувство долга перед Родиной.

Когда вы были счастливы? – Когда самостоятельно успешно сделал первую операцию.

Что вы больше всего цените в мужчинах? – Мужество.

А в женщинах? – Красоту и доброжелательность.

Что вы цените в друзьях? – Преданность.

Главный стимул жизни? – Интерес к работе и забота о семье.

Кого вы больше всего любите на свете? – Семью, родителей.

Если бы вы могли выбрать, кем бы вы стали в будущей жизни? – Врачом-хирургом.

Наибольшая ценность, которой вы обладаете? – Упорство и труд в достижении профессионального мастерства.

Ваш девиз? – Справедливость и честность всегда и во всем.

ИРИНА ПЕРЕСАДА

МАРЬЯМ

Повесть

Часть 1

Бабушка была для Марьям всем. И мамой, и папой, и подружкой, и воспитательницей. Но самое главное, от бабушки всегда исходило такое необыкновенное тепло, что Марьям словно таяла, когда прижималась к ней. А бабушка обнимала её обеими руками, и они замирали в блаженстве. Марьям несколько раз проверяла, не высокая ли температура у бабушки, что она так замечательно греет. Она подходила к печке и вытягивала руки, чтобы найти расстояние, на котором начинала чувствовать тепло. Потом на этом же расстоянии подходила к бабушке, также вытягивала руки, но тепла, как от печки, не было. Марьям даже ощупывала бабушку, чтобы найти место, где она нагревается. Бабушка не была горячей, но когда Марьям снова прижималась к ней, тепло появлялось, обволакивало её, и снова наступало блаженство. Когда девочка поделилась с бабушкой своими наблюдениями, та рассмеялась и объяснила:

– Гызым (дочка, азерб.), это любовь так греет. Я так люблю тебя, что любовь моя тебя греет и защищает.

– А моя любовь защищает тебя, – отвечала Марьям, и у бабушки появлялись слёзы.

Молодую женщину, которая жила вместе с ними, Марьям называла Саной, хотя та требовала, чтобы девочка называла её мамой. Где-то внутри себя Марьям чувствовала, что мама – это родное и близкое, почти как бабушка. А Сане была злой, холодной и всегда кричала. Иногда Марьям спрашивала у бабушки, почему Сане живет вместе с ними? Ведь она совсем другая и не похожа на них с бабушкой. Бабушка отвечала:

– А где ей жить, гызым? Она же моя дочь.

– А почему ты такая добрая, а она такая злая?

– Клиентов мало. Она злится поэтому, а злая кому нужна? Клиентам нужны ласковые да умелые, а мать твоя колючая, как ёж. Да и каждого клиента, как получит деньги, готова разорвать на части. Кто ж к ней второй раз придёт?

– Когда я вырасту, я буду ласковая да умелая с клиентами, и они будут мне денег много давать. Да, ненЕ (бабушка, азерб.)?

Бабушка испуганно восклицала:

– Нет-нет, что ты! Убереги Аллах! Ты умница, выучишься, хорошую работу найдешь, хорошего мужа выберешь.

Марьям не понимала, кто такие клиенты, но чувствовала, что её жизнь зависит от них. Иногда Сане приходила домой весёлая, приносила много хорошей еды, бутылку вина и фанту для Марьям. Они все вместе сидели за столом, ели-пили, взрослые смеялись, а Марьям потягивала свою фанту и мысленно просила Аллаха, про которого бабушка говорила, что он всё может, почаше давать Сане клиентов и устраивать им такие чудесные вечера.

В их небольшом посёлке была всего одна школа. Бабушка хотела бы, чтобы Марьям училась в самой лучшей городской школе, но поняла, что не потянет каждый день возить девочку в город и привозить обратно. Она посадила внучку напротив себя и, внимательно глядя ей в глаза, сказала:

— Гызым, я не могу отправить тебя учиться в самую лучшую школу, у меня не получается. Но ты сможешь стать самой лучшей ученицей в обыкновенной школе. У тебя получится, я знаю.

— Да, нене, я сделаю, не волнуйся, — беззаботно ответила шестилетняя Марьям.

— Можно, я пойду во двор, меня девочки ждут.

Марьям училась с удовольствием, ей всё давалось легко. Друзей и подружек у неё было много, она занималась гимнастикой и рисованием. Все своё свободное время бабушка отдавала Марьям, ей очень хотелось, чтобы способная девочка выросла грамотной и получила хорошее образование. Бабушка вместе с Марьям смотрела турецкие каналы, и вскоре девочка овладела турецким языком, тем более, что он был очень схож с её родным. Марьям прекрасно говорила на русском, а в школе с удовольствием учила английский.

Где-то в классе третьем Марьям начала ходить в школу и возвращаться домой вместе с мальчиком из соседнего двора. Амир был на класс старше неё, тоже любил учиться, много читал и всегда по дороге рассказывал что-то интересное. Через какое-то время они уже не представляли себя друг без друга, и это было чистое детское чувство. Как-то Марьям пригласила его домой после школы. Бабушка собиралась делать кутабы с зеленью и девочке захотелось угостить друга. Бабушка встретила их ласково, сытно накормила. Потом за чаем она подробно расспрашивала Амира о его семье, родителях, братьях-сестрах. Марьям очень понравилось вот так чинно сидеть за столом и любоваться на двух самых близких ей людей, которые спокойно и мирно разговаривают. Кажется, в этот момент она поняла, что означает слово «счастье», а когда Амир ушёл, от души поблагодарила бабушку и похвалила её стряпню. Та долго сидела молча, а потом сказала.

— Гызым, нелёгкая у тебя будет жизнь. Он очень хороший мальчик, но...

Марьям не стала ничего уточнять, потому что в груди у неё летали бабочки, смешно щекотали её своими крылышками, и она боялась их спугнуть.

Перед началом девятого класса Амир поделился с Марьям, что поступил в Исламскую школу, где будет изучать Коран и арабский язык. Он давно мечтал стать историком, а интересовало его буквально всё – от древнего мира до современности.

— Понимаешь, Маша, – он так на русский лад звал её, – это турецкая школа, она бесплатная. А если я проявлю себя, то меня могут пригласить в Стамбул в университет. Это такой шанс! Денег на учёбу у нас в семье нет, а это – и образование, и проживание – всё бесплатно, да ещё и стипендию дадут!

В этот миг Марьям поняла, что им грозит расставание. Странная тёмная волна вдруг захлестнула её, в ушах зазвенело, и, если бы Амир не поддержал её, она бы упала на асфальт.

— Что с тобой, Маша? Что с тобой?

Она пыталась посмотреть ему в глаза, но вокруг всё плыло, двигаясь в ритме какого-то бесшумного вальса.

***

Амир в Исламской школе учился блестяще, он хотел заработать поездку и учёбу в Турции, но мысль о Марьям ни на день не отпускала его. Каждое утро он провожал её в школу, а потом садился в автобус и ехал к себе на занятия, благо начинались они на час позже. К тому времени оба они прекрасно понимали, чем занимается мать Марьям. Она снимала квартиру неподалёку, где и принимала клиентов. Четыре года

назад она родила мальчика, которого отдала матери, как когда-то отдала Марьям. Она не хотела рожать второго, но клиент, от которого она по неосторожности забеременела, неожиданно предложил оставить ребёнка:

– Мне нравится заниматься любовью с беременной женщиной, кайф совсем другой. – Саня грубо послала его и уже собралась на аборт, как он неожиданно приносит большую сумму денег. – Это на будущее для ребёнка, а за каждый раз я буду платить тебе втрое больше. Но учти, как только родишь – я исчезаю, так что не трать деньги понапрасну сейчас.

Сана подумала, посоветовалась с матерью и оставила ребёнка. На те деньги, что она заработала во время беременности, мать сделала пристройку к их домику и неплохой ремонт. Денег оказалось достаточно, так как отец ребёнка приводил к Сане и своим друзьям попробовать «беременного кайфа». Они хорошо платили, но требовали, чтобы проститутка не смела им отказывать ни в каких причудах. Несколько уж Саня не хотела ребёнка, но и она порой опасалась за здоровье малыша после всех их утех. Мальчик, однако, родился красивым и во всех отношениях здоровым. Но по мере того, как он подрастал, бабушка стала отмечать его угрюмость, неразговорчивость, а в некоторых случаях даже жестокость. Отец его сдерживал слово – исчез в тот день, когда сын появился на свет. Его друзья ещё приходили некоторое время по старой памяти, но Саня быстро отвадила их, чтобы никто не напоминал ей о жестоких играх во время беременности.

Ни Саня, ни сердобольная бабушка, ни Марьям не полюбили этого красивого русоволосого малыша, только Марьям иногда жалела его, помня, как в детстве её саму любила и дарила ей тепло родная бабушка. А у этого ребёнка не было никого, кому бы он был нужен. В такие моменты Марьям охватывали чувства вины и раскаяния, она обнимала мальчика, начинала целовать и тискать его, приговаривая добрые слова, а он в ответ изворачивался и больно щипал её.

***

После того, как Марьям окончила девятый класс, Саня потребовала, чтобы дочь «занялась делом»:

– Хватит мой хлеб есть, я в твоём возрасте уже приносила деньги и кормила свою мать. Ты помнишь, – обратилась она к матери, – как ты выгнала меня на работу? Нашла старого пердуна и неплохо продала ему мою девственность. А потом он требовал, чтобы я жила только с ним, а меня выворачивало, как только он входил в комнату. А ты все деньги забирала себе, мне даже конфет никогда не покупала, хотя я ещё ребёнком была – четырнадцать лет! Теперь пусть твоя любимая внученька тоже работает. Мне самой ей клиента найти или ты снова постараешься?

Бабушка спорила с дочерью, но Марьям понимала, что рано или поздно это должно случиться. Ей было страшно даже представить весь грядущий кошмар, ведь она всей душой принадлежала только Амиру. «Я убью себя, если мать попробует сделать это», – в безысходности решила она, однако в глубине души не желала смиряться. Девушка постоянно думала и искала выход, и однажды, устав от такого беспрерывного внутреннего напряжения и не в силах уже таить его в себе, она рассказала всё любимому. Преодолевая стыд и боль, она посмотрела ему в глаза и спросила:

– Что нам делать? Что мне делать?

– Завтра я приду к вам, – помолчав, сказал парень, потом развернулся и ушёл.

– Нене, – заговорила Марьям с бабушкой. – Завтра Амир придёт к нам. Я ему всё рассказала.

– Вай, Аллах! – закрыла рот рукой бабушка. – Какой стыд! А зачем он придёт?

– Не знаю. Он не сказал.

– Ну, позвони, спроси!

– Не могу. И не буду, – добавила Марьям. – Мать позови.

– Что вы задумали, гызым? Зачем тебе мать?

– Я не знаю, что он скажет, но чувствую, что мать нужна будет.

На следующий день к приходу Амира мать и бабушка молча сидели за накрытым к чаю столом. Когда раздался дверной звонок, Марьям вскочила и бросилась к двери, но бабушка резко остановила её:

– Я сама открою.

Из прихожей раздался её приторно-ласковый голос.

– Заходи, дорогой! Давно ты у нас не был, мы как раз чай пьём.

В комнату они зашли одновременно – спокойная бабушка и красный от волнения парень. Бабушка усадила его за стол, налила чаю, положила кизилового варенья. Амир сел, помолчал и, волнуясь и торопясь, начал:

– Я люблю Марьям. И она меня любит. Мы любим друг друга. Я хочу, чтобы она стала моей женой. Я прошу её руки ...и вашего согласия. Я поговорил со своим учителем в школе, он мулла, и он согласен заключить кябин (религиозная регистрация брака). А это, – он вытащил из кармана свёрток, – деньги. Выкуп за невесту. Вы же хотели его получить...

Амир, покраснев ещё больше, подвинул свёрток к Сане. Та в возмущении открыла было рот, но её опередила бабушка. Она встала со стула, крепко сжала плечо дочери и ответила Амиру:

– Сынок, это так неожиданно. Вы ещё учитесь в школе, ты хочешь ехать в Турцию, и тут женитьба... Как это всё сложить? А где жить будете? А что твоя мать скажет? – отец у Амира давно умер.

– Мы обручимся и заключим кябин. Марьям будет моей невестой. Жить она будет у вас, а я буду давать деньги. Это, – он кивнул на свёрток, – я заработал сам, переводами. У меня к языкам способности. Откладывал понемногу на Турцию. Я ещё матери помогаю. Я перевожу, а младший брат на мойке машин после школы подрабатывает... Я не хочу, чтобы Марьям работала, – он снова покраснел, потом поднял голову и посмотрел на Сану, – так, как вы... Извините...

Сана попыталась резко подняться, но мать властно удержала её на месте.

– Да, сынок, это не самая лучшая работа. Я всё время мечтала для Марьям о другой работе, она умная девочка и достойна большего. Я знаю, что с тобой она не пропадёт. Завтра мы скажем тебе ответ. А это, – теперь бабушка кивнула на свёрток с деньгами, – забери.

– Нет, – покачал головой Амир, – это – наша гарантия. Спасибо за чай. Завтра я зайду за ответом.

Парень встал из-за стола и вышел. Марьям бросилась за ним, догнала в прихожей и зарыдала у него на груди. Он ласково гладил её по голове и тихо приговаривал:

– У нас всё образуется, Маша, я люблю тебя. Аллах всегда на стороне любящих...

***

После окончания школы Амира, как он и мечтал, пригласили учиться в Турцию, в Стамбульский университет. Все расходы за обучение и проживание Исламская школа, где он был самым лучшим учеником, взяла на себя.

Перед ним открывалась новая жизнь, но он сожалел, что рядом ещё долго не будет его Марьям.

– Маша, не плачь, – говорил он ей, уезжая, – тебе остался учиться год. Я сберу деньги за это время, и ты тоже приедешь учиться в Стамбул. Когда ты станешь совершеннолетней, мы заключим и официальный брак. Думаю, твоя мать не будет возражать.

– Моя мать, наверное, не будет, но твоя не любит меня. Я для неё всего лишь дочь проститутки, а ты достоин лучшего...

– Маша, я буду тебе писать каждый день. А когда сможем купить компьютеры, будем и переговариваться каждый день. Помни, что перед Аллахом мы – муж и жена, и никто не сможет этого изменить.

Миниатюра художника Габиля Гуламова
скажи кому-нибудь другому, – стала кричать женщина. – Забудь моего сына навсегда! У него уже есть достойная девушка!

Дверь с громким стуком захлопнулась перед носом у Марьям. Она стояла, словно вся оплётанная, держась руками за грудь, откуда рвалось наружу обиженное сердце. Она медленно спустилась по ступеням и побрела по улицам посёлка. Мысли и чувства спрессовались внутри в колючий тугой шар, пытавшийся разорвать ей грудь. Неожиданно девушка подняла от земли глаза и увидела вывеску «ПОЧТА». Повинувшись какому-то десятому чувству, она толкнула дверь и вошла. Навстречу ей шёл почтальон. Увидев Марьям, он расплылся в улыбке:

Амир уехал и исчез. Сначала Марьям спокойно ждала его писем, потом стала волноваться, потом постоянная тревога за него не отпускала её ни днем, ни ночью. Как-то утром перед школой она набралась храбрости и пошла в дом «свекрухи», как бабушка называла мать Амира. Та открыла дверь и, загородив проход, надменно спросила:

– Чего тебе?

– Здравствуйте! Я не получаю от Амира никаких вестей. С ним всё в порядке?

– Слава Богу, всё в порядке. А каких вестей ты ждёшь? Почему он должен писать тебе? Амир умный мальчик, он рад, что наконец избавился от тебя и вашей ... семейства, – женщина употребила грязное слово, и у Марьям затряслись губы.

– Почему вы меня ненавидите? Я вам ничего плохого не сделала, я – жена Амира перед Аллахом, хотя он даже пальцем до меня не дотронулся за всё это время. Дайте мне его адрес.

– Ах, какая девственница нашлась! Эти сказки рассказали кому-нибудь другому, – стала кричать женщина. – Забудь моего сына навсегда!

– Красавица, сегодня сама за почтой пришла? – радостно воскликнул он, но скорбное лицо девушки испугало его. – С бабушкой что-то случилось? Заболела?

– Нет, – стараясь взять себя в руки, ответила Марьям, – двойку получила.

– Что такое двойка, когда такой парень любит тебя, почти каждый день пишет! – облегчённо выдохнул мужчина. – Вот сегодняшнее письмо. Сама возьми, пусть бабушка уж не приходит.

Марьям медленно протянула руку, взяла конверт, надписанный родной рукой, и застыла. Сквозь туман обиды, боли и тревоги постепенно стала проявляться правда.

– Вы больше не беспокойтесь, я сама буду заходить. Пусть и бабушка отдохнёт, у неё столько хлопот с моим братиком.

– Да они всегда вместе и приходят, когда на прогулку идут. Какой красивый у тебя брат! Да ты и сама – принцесса! – почтальон откровенно залюбовался Марьям. Невысокая, с ладной фигуркой, чёрными непослушными волосами, ореолом обрамлявшими её голову, она явно производила впечатление. Но самым необыкновенным в ней были глаза. Огромные, почти круглые, полуприкрытые тяжёлыми веками с длинными ресницами, они притягивали и словно что-то обещали. Девушка сама ещё не понимала всей своей привлекательности и манкости. Она кивнула почтальону, развернулась и вышла. Конверт жёг ей руки, однако открыть его не было сил – Марьям боялась встретиться с тем, о чём сказала свекруха: у Амира есть другая... Но когда она, присев на скамейку в сквере, всё же прочитала письмо, тревога отпустила её. Амир её любил, он ласково пенял на её молчание, думая, что она перегружена учёбой и не имеет времени отвечать на письма. Он с юмором описывал свой учебный день, своих друзей и преподавателей. Это письмо было продолжением его рассказа о жизни в другой стране. Рассказ начался в его письмах много дней назад, но был, увы, ей недоступен... Марьям возвращалась домой со смешанным двойственным чувством – она вновь обрела любимого и столкнулась с предательством родного человека – обожаемой бабушки...

– Отдай мои письма, – это были её первые слова, когда она вошла домой. По её лицу бабушка поняла, что девушка всё знает.

– Гызыым, это всё для твоего же блага...

– Отдай мои письма!

– Мы хотели как лучше, ты же понимаешь, что вы не пара...

– Отдай мои письма!

– Мы живём сейчас, кто знает, что будет завтра, вы молодые, ещё десять раз полюбите...

– Никогда! Отдай мои письма!

– У меня их нет.

– Принеси.

– Их уже нет, – ответила бабушка, и в этот момент братик подбежал к стенной печке, обогревавшейся газовым пламенем, и стал указывать на железную дверцу – там!

Марьям с надеждой рванулась к печке, распахнула её и увидела лишь груду пепла...

– Ты читала? – по отвернувшемуся лицу бабушки она поняла, что та читала все письма. – И мать тоже?

– Нет! – залопотал братишко. – Нене читала и плакала, и делала костёр в печке.

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Это не твои письма. Это тайна, говорить нельзя... Да, нене?

– Да, это правда, – ответила женщина, погладив голову ребёнка. – Это была тайна... Теперь уже нет...

– У тебя есть деньги, которые Амир давал для меня. Дай мне их.

– Зачем?

– Мне нужны деньги. Срочно. Принеси.

– Ты наделаешь глупостей, зачем тебе деньги?

– Самую большую глупость уже наделала ты. Это даже не глупость, это преступление, – сказала Марьям. Потом, что-то вспомнив, спросила: – Ты сказала «мы хотели как лучше», кто «мы»?

– Я и его мать.

– О, да тут групповуха... Принеси деньги. Я знаю, где они лежат, но ты должна дать их мне сама. Принеси.

Бабушка вышла из комнаты, а спустя несколько минут вернулась с бумажным пакетом. Марьям взяла его и, не разворачивая, сунула в школьный рюкзачок. Потом собрала кое-какие свои вещи, учебники, взяла паспорт и пошла к входной двери.

– Ты куда?

– Не знаю пока, но меня не ищи. Я не вернусь. – Потом, помолчав, добавила:

– Это очень больно, когда твою душу рвут на части, а когда это делает родной человек – просто невыносимо.

Девушка вышла из дома, прошла метров сто и задумалась – а куда идти? Потом, приняв решение, направилась в сторону своей школы. Подойдя, она взглянула на часы и удивилась – только одиннадцать утра! А для неё прошла целая жизнь – с обманом, оскорблением, потерей, приобретением, предательством и бегством из дома. В школе мирно шли уроки, когда Марьям зашла в кабинет директрисы. Она поздоровалась и радостно защебетала:

– Меня приняли в российский лицей! Я так долго добивалась, они всё не хотели брать, тем более бесплатно, но вы же знаете меня! Я добилась! Такое сочинение на русском написала, они ахнули! И остальные экзамены выдержала, не важно, что уже два месяца с начала учебного года прошло. Взяли по какой-то там бесплатной квоте, правда, на год ниже. Но это ничего, я за год два пройду, вы же знаете, я способная! Я зашла за документами.

– Поздравляю, девочка! А почему одна пришла? А где бабушка?

– Брат приболел, она с ним сидит, а мне уже сегодня нужно бумаги отнести, а завтра – прямо в класс!

Директриса знала Марьям с первого класса, это была умная, способная девочка, помимо школы она занималась танцами и посещала драматическую студию в соседнем посёлке. Женщина и не подозревала, что актёрские навыки, приобретённые в этой студии, позволили Марьям так убедительно сыграть радость от выдуманного приёма в лицей. Она выдала девочке все необходимые бумаги, и та, радостно обняв её и поцеловав, выпорхнула из кабинета. В дверях обернулась:

– Я ещё никому не говорила, вы – первая! Подружкам сама вечером скажу, ладно?

***

Пройдя через весь посёлок, Марьям вышла к окраине. Мимо проезжал автобус, тот, на котором Амир ездил в свою Исламскую школу. Девушка махнула рукой, автобус остановился, и она легко запрыгнула в него. Людей практически не было, Марьям села к окну и глубоко задумалась – что делать дальше? За окном мелькали знакомые картины пригорода, а через несколько остановок она увидела школу Амира. Вот где можно найти помощь! Здесь работал тот самый учитель – мулла, который заключил кябин между ними. Она нашла его и чистосердечно всё рассказала. Мужчина долго убеждал девушку вернуться домой, но Марьям наотрез отказалась. Тогда он помог ей снять комнату у одной своей дальней родственницы – милой старушки, которая жила одна в центре города и нуждалась в общении. Ася хала (тётя, азерб.) сразу понравилась Марьям. Будучи в солидном возрасте, она была быстра в движе-

ниях, обладала ясным умом и хорошим чувством юмора. Дети её, сын и дочь, ещё в начале девяностых перебрались в Европу, нашли работу и прижились на чужой земле. А внуки уже выросли на этой земле, приняли её за родную, мыслили и чувствовали как европейцы. Ася хала с мужем остались на родине, чтобы, как они говорили, было кому ухаживать за родными могилами. Вскоре в печальном ряду этих могил прибавилась и могила Ибрагим бея, её мужа, служившего доцентом в нефтяном институте. Ася хала преподавала английский в школе, но ушла с работы и стала заниматься репетиторством – готовить абитуриентов. Деньги это занятие давало неплохие, однако когда дети стали ежемесячно поддерживать её финансово, она перестала «пахать» с утра до ночи, и лишь изредка, для удовольствия, занималась языком с каким-нибудь особо способным школьником.

– Теперь я могу выбирать, кому дарить свои знания, – смеясь, говорила она, – и это так приятно!

Они с Марьям быстро нашли общий язык. Девочка честно рассказала ей всю историю, не умолчав и о занятии своей матери. Женщина лишь вздохнула и изрекла:

– Дети за родителей не отвечают. А вот бабушка твоя хотела как лучше, а получилось как всегда, – процитировала она российского премьера и добавила, – хрено ново получилось. Но тебе, детка, нужно окончить школу – иначе невозможно будет поступить в университет. Есть у тебя какие-то документы?

Марьям показала ей все бумаги из школы. Ася хала довольно кивала, изучая её отметки.

– Да ты у нас почти отличница! Молодец. Я помогу тебе устроиться в городскую школу, у меня остались хорошие связи. Так, запоминай легенду. Ты – моя внучатая племянница, то есть внучка моего брата. Жила в районе. В последний школьный год семья отправила тебя учиться в Баку, чтобы уж ты наверняка поступила в университет, куда стремишься с пелёнок. Нормально? Устраивает такая история?

– Да, устраивает, – Марьям смотрела на старушку широко раскрытыми, удивлёнными глазами, почувствовав в ней молодую авантюрную душу. Потом, помявшись, перешла к деликатному вопросу. – А теперь договоримся о деньгах. Мне учитель сказал, сколько я должна платить вам за комнату. У меня есть деньги, – девушка достала пакет с деньгами, а потом рассказала, откуда у неё деньги.

– Детка, мне не нужны твои деньги, живи так. В доме хоть будет живая душа, мне веселее.

– Нет, так неправильно. Вам нужно взять деньги, иначе мы нарушим закон Баланса.

– Что?

– Закон Баланса. Мне Амир рассказывал, что есть такой закон. Сколько ты получаешь, столько ты должна отдать, возможно, чуть больше. А если не отдаёшь, то это всё равно, как если ты переедаешь – начинает тошнить. С другой стороны, чувствовать себя должником неприятно, хочется выйти из этого положения.

– Как интересно! Я не знала, как это называется, хотя, в принципе, я согласна. А что, отдавать нужно только деньгами?

– Нет, – девочка серьёзно покачала головой, – можно услугой, можно работой, можно заботой. По-разному. Поэтому я прошу вас, возьмите деньги за комнату.

– Хорошо, – подумав, ответила женщина. – Тогда договоримся так. Я тебе комнату, ты мне деньги, я согласна. Это во-первых. Во-вторых, я тебя кормлю, а ты убираешь квартиру, а то мне тяжело уже.

– Да о чём вы говорите! – воскликнула Марьям. – Я и так всё уберу, не нужно меня кормить!

– Нет, детка, тогда мы нарушим закон Баланса. И потом, я люблю готовить, готовлю вкусно, и мне очень приятно, когда хвалят мою стряпню и восхищаются ею, а потом хвалят меня и тоже восхищаются, – Ася хала подмигнула Марьям и та рас-

смеялась. – Ну, согласна?

– Хорошо, согласна, – кивнула Марьям. Потом, покраснев, спросила: – Мне учитель дал номер телефона, по которому я могу найти Амира. А можно я сообщу ему ваш телефон, чтобы он сам мне звонил?

– Да без проблем! Запоминай, – она продиктовала свой номер и лукаво добавила, – сегодня можешь сама ему позвонить. Потом заплатишь за международный телефонный звонок, чтобы не нарушать закон Баланса.

Устроившись в своей небольшой, но очень уютной комнатке, выходившей окнами в тихий тенистый двор, Марьям позвонила Амиру. Услышав родной голос, девочка расплакалась, и единственное, что смогла повторять, было: «Это ты? Я люблю тебя! Амир, это ты? Скажи, это ты?» Она не стала рассказывать подробности о своих злоключениях, обещав написать письмо. Только просила не сообщать ничего ни своей, ни её семье. Амир согласился и ещё пообещал звонить ей как можно чаще.

Ася хала договорилась в одной из городских школ, и Марьям уже через два дня пошла в новый класс. Её приняли равнодушно, скорее, её просто не заметили в давно сложившемся коллективе. Впрочем, Марьям это устраивало, она не хотела заводить новых подружек, чтобы не рассказывать правды о себе, но и не врать. Она прикинулась застенчивой серой мышкой, ни с кем не разговаривала, а если к ней обращались, отвечала односложно, опустив глаза. Правда, когда её однажды вызвали к доске, она ответила грамотно, обстоятельно, высказав своё понимание какого-то сложного исторического вопроса. Учитель, молодой симпатичный мужчина, удивлённо выслушал новенькую и в восторге воскликнул:

– Блестяще! Отлично!

Марьям опустила глаза, неподдельно покраснев и от его внимания, и от того, что весь класс пристально уставился на неё, районскую девчонку, неожиданно получившую похвалу скромного на признание историка. Для себя Марьям решила больше не высываться, бытьтише воды и ниже травы.

Где-то через неделю самостоятельной городской жизни Марьям позвонила бабушке из телефона-автомата.

– Это я, – ответила она на «аллё-ё-ё», произнесённое мягким любимым голосом. – У меня всё в порядке. Я учусь. Меня не ищи, не найдёшь. Я сама буду звонить, – и, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

Потом она вытерла слёзы, покатившиеся из глаз, глубоко вздохнула и сказала сама себе:

– Не реви. Что сделано, то сделано. Иди дальше и не оборачивайся.

Марьям действительно разорвала все связи с людьми из своей прежней жизни. Она не звонила старым школьным подружкам, зная, что они могут всё выболтать бабушке или матери, но и не заводила новых. Ей было непросто разбираться в сложностях городской жизни и только квартирная хозяйка, мудрая Ася хала, поддерживала её и помогала. Она сочувствовала девочке, видя её тоску по близким, но никогда не жалела, понимая, что именно жалость делает человека слабее и неустойчивей.

***

Вскоре после начала учёбы девочка задумалась о деньгах. На первое время их должно было хватить, а что делать потом? Марьям понимала, что в первый год студенчества Амиру сложно найти подработку, чтобы помочь ей, и она решила устроиться на работу. Только куда пойти работать девочке в семнадцать лет? В официантки? В посудомойки? В уборщицы? В продавщицы? Марьям походила по городу, присматриваясь, где работает молодёжь. Вариант с продавщицей ей понравился, если учесть, что в дорогих бутиках, которые открывались по городу, особенной загру-

женности у продавщиц не было. Они лишь стояли и улыбались – так, по крайней мере, показалось Марьям. Выбрав небольшой, но очень респектабельный магазин мужской одежды с красивым названием «Michele Buzogni», Марьям зашла внутрь. Девушка-продавщица небрежно спросила:

– Тебе чего?

– Работу ищу.

– Ты себя в зеркало видела? Волосы торчат, сразу видно, из района приехала! Кто тебя в такой магазин возьмёт? Иди уж в продовольственный или в «Макдональдс».

– А сюда берут только таких прилизанных болонок, как ты?

В этот момент в торговый зал вошёл хозяин и услышал её последнюю фразу.

– Девушка, вы работу ищете?

– Да.

– Уборщицей пойдёте?

– Нет. Продавщицей, – и Марьям улыбнулась, вспомнив, как руководительница драматической студии говорила, что у неё необыкновенно обаятельная улыбка. Кажется, подействовало.

– А что вы можете?

– Ничего, – честно призналась девушка. – Но я учусь очень быстро. И я языки знаю – русский, турецкий, английский и немного арабский.

– О, арабский! А где вы его учили? – переходя на арабский спросил хозяин магазина.

– В школе, на факультативе, – бойко ответила на том же языке Марьям, посчитав неуместным рассказывать о том, что с ней занимался Амир. – Думаю, что поговорить с покупателями смогу.

– Неплохо. А почему вы не учите, если у вас такие способности?

– Я учусь, поэтому работать смогу только после обеда.

Продавщица фыркнула и процедила сквозь зубы:

– Она ещё условия ставит!

Но хозяину Марьям понравилась, и он продолжил разговор на турецком.

– Знаешь, я возьму тебя на месяц с испытательным сроком... Платить не буду, но буду учить всем премудростям торговли мужской одеждой.

Марьям покачала плечами и, принимая игру, ответила на английском:

– Мне нужны деньги, а не испытательный срок. Придётся поискать работу в другом месте.

– О, да ты гордое создание!

– Нет, – девушка перешла на русский, – мне действительно нужны деньги.

Хозяин засмеялся.

– Этого языка я не знаю. Но ты меня заинтересовала. Сколько тебе лет?

– Скоро будет восемнадцать, – соврала Марьям.

– Я не могу взять несовершеннолетнюю, – огорчился мужчина.

– А вы рискните, отказаться всегда сможете.

Так она оказалась в магазине мужской одежды. Ася хала сначала была против того, чтобы Марьям работала.

– Тебе всё внимание нужно направить на учёбу, не распыляться и достойно окончить школу, – настаивала она.

– Возможно, это правильно для обычной девочки, но моя история совсем другая. Сейчас идут первые серьёзные испытания в моей жизни, неужели вам понравится, если я сложу лапки и провалю их?

– Да, но... – на этом аргументы у женщины закончились. Ей нравилась целестремлённость девушки, её невинная любовь и нравственная чистота. Она знала, что Господь испытывает всех по-разному и в разном возрасте. Для неё самой самым

серьёзным испытанием был даже не отъезд детей, а смерть мужа. За сорок лет супружеской жизни они настолько сроднились, что, похоронив мужа, женщина словно лишилась половины себя самой и потом мучительно восстанавливала свою утраченную целостность. Только тогда она поняла, что прежняя её жизнь была простой и счастливой, наполненной больше светлыми событиями, чем тёмными моментами. Поэтому Ася хала хоть и нехотя, но согласилась с решением девушки. Правда, она поставила условие:

— Я тебя прошу, не стой у витрины. А то люди увидят и скажут, что я заставляю внучку работать, стыда не оберёшься!

Марьям действительно пришлось многому учиться в магазине. Она и не подозревала, что у классического мужского костюма столько разновидностей — только пиджак мог быть однобортным и двубортным, приталенным и свободным, с разным количеством пуговиц, узкими или широкими лацканами, со шлицами и без, а также английского, итальянского, американского или немецкого кроя. А сколько фирм создавало мужскую моду — Pal Zileri, Ermenegildo Zegna, Burberry, Hugo Boss, Prada, и так далее и тому подобное... Однако девочка быстро постигала эти премудрости, и уже через полтора месяца легко ориентировалась в брендах и трендах мира мужской моды. Хозяин выдал ей униформу — строгий костюм оливкового цвета, зелёную сорочку и бежевые туфли на высоком каблуке. В этом наряде Марьям казалась взрослеей, а когда начала красить тёмной помадой губы, они со второй продавщицей Ольгой выглядели почти ровесницами, хотя Ольга и была старше на пять лет.

Как-то в магазин зашла Ася хала, проведать свою «внучку». Она долго искала её глазами, пока Марьям с улыбкой не спросила:

— Ася хала, вам помочь?

Старушка удивлённо рассматривала продавщицу в элегантном костюме, на высоких каблуках — волосы гладко убранны, на губах тёмная помада, на ресницах тушь и лёгкие тени на веках, прикрывающие большие, чуть навыкате глаза.

— Детка, это ты?

— Я, Ася хала, я! Не узнали?

— Нет ...ты здесь совсем взрослая и чужая. А домой приходишь нормальной девочкой, — удивлённо ответила женщина. Марьям рассмеялась своим детским звонким смехом.

— Вы же сами велели мне маскироваться.

— У тебя, кажется, талант к смене внешности. Может, тебе в артистки пойти?

— Может, и в артистки, — ответила девушка и, наклонившись к уху старушки, тихо добавила. — Как только школу окончу, подумаю. Они здесь считают, что я в инязе учусь, потому что на разных языках могу разговаривать. А про школу не знают. Вы уж меня не выдавайте.

Удивительное дело — работая только во второй половине дня, Марьям прода- вала больше, чем Ольга, работавшая целый день. Покупатели-мужчины с удовольствием беседовали с обаятельной Мари, так она называла себя на работе, прислушивались к её советам, покупали обновки и приводили друзей.

Вскоре Марьям обнаружила, что в городе есть интернет-клубы, где за небольшую плату можно было и поиграть в компьютерные игры, и отправить письмо на электронную почту, и даже поговорить по скайпу. Однако говорить Марьям не решалась, так как разговор могли услышать другие посетители, но с помощью парня, работающего в клубе, открыла себе адрес электронной почты. Разговаривала она с Амиром по домашнему телефону своей квартирной хозяйки — он сам звонил ей. Она сообщила ему свой электронный адрес, и теперь два раза в неделю Марьям приходила в клуб, открывала свою почту и, смакуя каждое слово, читала письма Амира, а потом писала ответ. День девушки был насыщенным — школа, уроки, работа в магазине, уход за квартирой... Она каждый раз искренне благодарила свою хозяйку за её

вкусную стряпню, понимая, что если бы ей самой пришлось ещё и готовить, времени не оставалось бы совсем.

По вечерам, перед сном, старушка и девочка мирно пили чай на кухне и обменивались новостями. Рассказывала, в основном, Марьям, Ася хала слушала, вставляя свои меткие замечания, смеялась, когда девочка изображала кого-то, и всегда заканчивала разговор здравым советом. Эти советы мудрой женщины для Марьям стали ещё одной школой – понимания жизни. Иногда Марьям представляла, будто это они с бабушкой сидят и чайвничают, ожидая прихода Амира. В такие моменты слёзы наворачивались ей на глаза, она быстро заканчивала разговор коротким «Спокойной ночи!» и убегала в свою комнату.

***

Раз в неделю, по субботам, Марьям из телефона-автомата звонила бабушке. Разговор всегда был коротким.

– Привет, это я. У меня всё хорошо. Одета-обута, накормлена-напоена. Я учусь и работаю. Не волнуйся, не как мать.

– Гызыым, как я рада, – начинала бабушка и сразу же переходила на слёзы: – Ну, прости меня! Скажи ещё что-нибудь, сердце болит за тебя!

– Как ты?

– Ничего, живём... Без тебя плохо...

– Ладно, пока, – обрывала её причитания Марьям и вешала трубку. Ей хотелось расспросить бабушку подробней, но она одёргивала себя, скимала зубы, смахивала слёзы и, улыбаясь, шла в свой новый дом. Когда Марьям задумывалась над своим положением, она искренне удивлялась, как у неё всё гладко складывалось – и дом, и учёба, и работа, которая приносила пусть небольшие деньги, но и их хватало, чтобы откладывать на будущее. Будь её воля, она всё бы бросила и помчалась к Амиру в далёкий Стамбул, но девушка понимала, что даже через границу не сможет перейти, так как была несовершеннолетней, и требовалось разрешение родителей на выезд из страны. Она запрещала себе мечтать о пока несбыточном и возвращалась к чёткому плану: окончить школу, получить аттестат о среднем образовании, отпраздновать своё совершеннолетие, оформить загранпаспорт, купить билет и... только потом улететь к Амиру.

К Новому году Марьям накупила подарков бабушке, брату и матери и попросила Асю халу заказать такси в свой посёлок и обратно. Видя, как она волнуется, старушка предложила составить компанию.

– Только мы туда и обратно, домой ко мне заходить не будем, ладно? – согласилась Марьям.

– Как скажешь, детка, – вздохнула женщина.

Когда машина подъехала к её дому, у девушки перехватило дыхание. Она взяла большой пакет с подарками, поставила у калитки дома и требовательно нажала кнопку звонка. А услышав шаги за забором, метнулась к машине, заскочила в неё и резко бросила:

– Скорей обратно! – а сама прильнула к заднему стеклу и успела заметить, как бабушка открыла дверь, увидела пакет, подняла его и стала озираться по сторонам...

– Да ты у нас Снегурочка с подарками, – улыбнулся шофер. – А Деда Мороза где потеряла?

– Занят он, дел невпроворот, вот жена ему и помогает вместе с внучкой, – ответила Ася хала.

– Какая жена? – удивился шофрёр.

– Как какая? Баба Мороз – вот она я! – и все весело рассмеялись.

Дети старушки тоже звонили ей по телефону регулярно: сын по воскресеньям, а дочь – по средам. Она подробно рассказывала им о себе, о Марьям и об их совместном житье-бытье. Дети сначала противились присутствию девушки в доме, но видя, как повеселела мать и снова начала шутить и смеяться, слыша, с какой любовью она говорит о своей постоянице, дети тоже приняли её. Дочь даже начала давать ценные советы, как ухаживать за матерью. Марьям всё записывала в тетрадочку, а Ася хала потихоньку вырывала эти листы:

- Какая чушь! Яйца курицу учат!
- Европейские яйца, они там продвинутые, – улыбалась Марьям.
- Вот-вот, ладно бы местные, а то «высоко сижу, далеко гляжу»! Не заморачивайся, детка!

А к Новруз байраму сын сообщил потрясающую весть:

- Мама, я пришлю тебе компьютер, чтобы по скайпу разговаривать и тебя видеть. Марьям сможет тебе всё объяснить, или сама соединять нас будет.
- Ты лучше деньги пришли. И сообщи, какую марку хочешь подарить. У нас тут тоже всё есть, сами купим!

Мужчина так и сделал, и уже на праздник видел на экране сияющую мать за столом с сямьни и национальными сладостями – пахлавой, шакярбурой, шакяр чуреком, гогалами. Ася хала была в восторге, видя родные лица детей и внуков. Она показывала на печёное и лукаво приговаривала:

– Угощайтесь, мои родные, кушайте вдоволь, мои сладкие, и с собой заберите, сколько унесёте, соседям раздадите! – все смеялись, шутили, европейцы поднимали бокалы вина за здоровье, а старушка с девочкой отхлёбывали чай. Праздник удался!

– Дай Бог здоровья этой технике, – заключила Ася хала. – Когда они в начале девяностых уезжали, думала, всё, больше уж никогда не увижу. Знаю, муж от этой мысли и помер, упокой Господи его душу, думал, потерял детей навеки. Слава Богу, хоть приезжали иногда, радовали мать. А сейчас – кнопку нажал и, пожалуйста, сидят с тобой за одним столом, и ты их видишь, и они тебя! Дай Бог здоровья этой технике!

- Нет, Ася хала, не только кнопку, ещё и за интернет надо платить.
- Детка, за удовольствия всегда платили и платить будут! На этом не экономят! А ты, наверное, тоже хочешь своего-то увидеть? Давай, заодно познакомишь. Кутить – так кутить!

– Спасибо, – Марьям засмущалась, – только я сама сначала... Можно?

– Конечно, я пока полежу, а ты потом позовёшь.

Марьям нашла Амира в сети и, замирая, отправила ему приглашение к разговору. Он перезвонил сразу. Они долго молча смотрели друг на друга, не нуждаясь в словах. Марьям несколько раз протягивала руку, желая погладить родное лицо, но натыкалась на экран, и в растерянности отступала, а потом повторила слова старушки:

– Дай Бог здоровья этой технике! – Амир рассмеялся и они, то приближаясь к видеокамерам, чтобы заглянуть в глаза, то отодвигаясь от экранов, чтобы увидеть лица, наперебой заговорили. Через полчаса Марьям вспомнила: – Амир, Ася хала хочет с тобой познакомиться. Она просила меня представить вас друг другу.

– Bay, как официально, сейчас надену галстук и пиджак.

– Нет-нет, не отходи, сейчас я её позову.

Марьям, волнуясь, подошла к хозяйке, в кресле смотревшей телевизор.

– Ася хала, познакомитесь с Амиром?

– Ой, а я уже халат домашний надела, сейчас переоденусь, – засуетилась старушка.

– Не нужно, я вам шаль красивую накину на плечи, – девушки задрапировала шаль на её худеньких плечиках, пригнула журнальный столик и пошла за ноутбуком. Вернувшись, она нашла женщину сидящей прямо, с торжественным лицом, строгим взглядом, чуть приподнятым подбородком. Взглянув на экран, она увидела Амира в том же положении. Марьям устроила компьютер на столике и важно произнесла:

– Разрешите вас представить друг другу. Ася хала, самая лучшая в мире квартирная хозяйка, чудесная женщина и, наконец, просто красавица! Амир, самый лучший в мире жених, студент Стамбульского университета и тоже красавец!

Несколько секунд женщина и парень изучающе смотрели друг на друга, а потом одновременно заулыбались.

– Есть контакт! – прокомментировала Марьям, радуясь, что они понравились друг другу.

***

Ещё два месяца пролетели быстро, настало время выпускных экзаменов. Марьям готовилась старательно, чтобы не подвести Аси халу. В конце мая она уволилась с работы. Хозяин искренне опечалился расставанию с хорошей продавщицей, чей весёлый нрав и лёгкий язычок привлекали множество клиентов. Он пригласил её в другой свой магазин – женской одежды – и предложил выбрать наряд в подарок. Застеснявшаяся Марьям остановилась на джинсах с маечкой, но мужчина решительно отказал:

– Это ты и в переходе сможешь купить, померь вот это платье, – он протянул ей белое платье с голубой отделкой и расклешённой юбкой чуть ниже колен. Наряд пришёлся Марьям впору. Продавщица протянула ей голубой шёлковый шарфика, которым девушка вместо ленты повязала непослушные волосы, и лёгкую летнюю сумку. Марьям была так хороша в этом новом, очень женственном наряде, что от избытка чувств обняла хозяина и крепко поцеловала.

– Жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. А то бы я уже женился на тебе. А сейчас ты увольняешься... Нет, так не честно! – пошутил он. – Ладно, твою униформу тоже тебе дарю!

Девочки продавщицы захихикали:

– Ты ещё его пару раз чмокни – весь гардероб обновишь.

Экзамены Марьям сдала без троек, по русскому, английскому, родному языку и истории были пятёрки, остальные – четвёрки.

Получать аттестат девушка пошла в сопровождении Аси халы. Старушке все улыбались и поздравляли с внучкиным окончанием школы. Она в ответ благодарила и поворачивалась к Марьям:

– I'm pleased with you, baby. Well done! (Детка, я довольна тобой, ты молодец) – произнесла она на английском, а девушка отвечала:

– Thank you, I would be lost without you (Вам спасибо, без вас я бы пропала).

В конце июня, в день своего совершеннолетия, Марьям купила билет на самолёт в Стамбул. Дата отлёта пришлась на последний день месяца, как раз накануне у Амира завершились экзамены.

Ася хала подготовила праздничный обед и предложила позвать на него бабушку и мать Марьям. Та, опустив глаза, покачала головой:

– Нет. Я сама к ним поеду.

На следующий день с большой коробкой торта в руке, она стучалась в родную дверь.

– Гызым! Моё сердце знало, что ты придёшь! – захала бабушка, обнимая и крепко прижимая к себе внучку. – Заходи, джаным, дай на тебя насмотреться, красавица моя!

Подросший братик восторженно прыгал, норовя вырвать коробку с тортом из рук Марьям. Она дала ему купленную игрушку – красивый самосвал, а торт передала бабушке:

– Приготовь чай.

– Да у меня плов готов, как ты любишь! Сейчас обедать будем. Сану позову, – и потянулась к телефону.

– Не надо, я не хочу, – в глубине души Марьям давно простила и мать, и бабушку, но разговаривать с любовью, просто и легко, как раньше, не могла. За обедом говорила одна бабушка, она рассказывала семейные новости, поселковые сплетни, делилась маленькими секретами, которых у них с внуком накопилось множество – в основном, они касались его проказ.

– Это хорошо, что ты потеплела к нему. У него и взгляд переменился.

– Эх, гызым, кто, кроме нас с тобой, о нём позаботится? Родителям он не нужен...

– Я взяла билет в Стамбул на тридцатое. Амир меня ждёт, будет встречать. Не знаю, как всё сложится. Я буду звонить. Прощай, – девушка чмокнула бабушку в щёку и вышла из дома.

Улетая через несколько дней в Турцию, Марьям не подозревала, что в её жизни закончился самый счастливый период.

Часть 2

Марьям смотрела в окно съёмной квартиры в Стамбуле. Амир был на занятиях, а она просто сидела на стуле, скрестив руки на животе и прислушиваясь к новой жизни, которая вот уже четыре месяца, как зародилась в ней. Лето пролетело счастливо, но быстро. Амир устроился в туристическую фирму переводчиком, а потом стал работать и экскурсоводом. Его цепкая память помогала в работе: раз что-то услышав, он запоминал это навсегда. Пройдя однажды с гидом по маршруту, он затем с лёгкостью мог сам вести экскурсию. Марьям в интернете находила ему интересные факты, исторические анекдоты и притчи, а по вечерам, когда он после позднего ужина прилежался отдохнуть, она увлечённо пересказывала их ему. Несколько раз она вместе с ним ходила на экскурсии, с интересом знакомясь со Стамбулом, но потом сильный токсикоз первых месяцев беременности с тошнотой и рвотой практически привязал её к квартире. Узнав о ребёнке, Марьям испугалась: чужая страна, учёба Амира, финансовая неустойчивость, да ещё ребёнок!

Но Амир обрадовался:

– Если Аллах даёт нам ребёнка, значит, Он верит нам, значит, мы сможем. Давай в имени ребёнка мы соединим наши имена. Если будет мальчик, назовём – Аммар, Амир и Марьям, а если девочка – Марами, Марьям и Амир.

– Аммар мне нравится, а Марами нет. Похоже на какое-то индийское имя.

– И что? Зато оно будет только у нашей дочери!

Однако когда Марьям прошла ультразвуковое обследование, оказалось, что у них будет сын, и вопрос об имени дочери пока отпал сам собой.

Неделю назад мать Амира сообщила ему, что собирается вместе с младшим сыном приехать в Турцию и обосноваться здесь. А первое время они, конечно же, поживут все вместе. Марьям помнила её ненавидящий взгляд в подъезде, когда она попросила адрес Амира, и помнила грязные слова, которыми свекруха обзвивала её семью.

– Амир, твоя мать ненавидит меня. Я боюсь, что она разлучит нас... Особенно, если мы будем жить все вместе...

– Маша, когда она узнает тебя поближе, она полюбит тебя так же, как люблю я.

Марьям покачала головой – она знала женщин, которые, оставшись без мужа, фактически делают своего сына его заместителем – он решает все проблемы, приносит деньги, и, главное, беспрекословно подчиняется матери, которая считает его своей собственностью.

К сожалению, худшие опасения Марьям подтвердились. Свекруха приехала с младшим сыном и сразу повела себя как полноправная хозяйка дома. Через каких-то знакомых она устроила мальчика работать у своих земляков на рынке. Ничего серьёзного, подай – принеси – отнеси, но эта работа давала деньги, поэтому, когда они оставались наедине с Марьям, женщина, глядя в пространство, ехидно произносила:

– Слава Аллаху, мой сын работает, мы не едим чужой хлеб, как некоторые...

Марьям, как послушная восточная невестка, долго молчала, а однажды высказалась:

– Слава Аллаху, у меня есть муж, который меня любит и кормит!

Эти слова вызвали необузданый гнев свекрухи. В чём она только не обвиняла Марьям – и внучка проститутки, и дочь проститутки, и сама проститутка, нагуляла ребёнка, а теперь вешает его на шею чистого ангела – её сына. Это было так неожиданно и жестоко, что Марьям растерялась. Она хотела бы уйти в другую комнату, но жильё было настолько маленьким и неудобным, что спрятаться от гнева женщины было некуда. Она накинула жакет и выбежала на улицу. С этого дня свекруха стала применять изощрённую тактику: в присутствии Амира она расхваливала на все лады Марьям, а когда они оставались наедине, обливала её площадной бранью. Амир раздавался:

– Маша, я же говорил тебе, что мама тебя полюбит, тебя невозможно не полюбить! Я счастлив, что вы нашли общий язык.

Брат Амира Вагиф, спокойный добрый парень, целыми днями был на работе, вечерами сидел с новыми друзьями в чайхане и был абсолютно равнодушен к семейным делам. В отличие от Амира, его совершенно не увлекали ни учёба, ни науки. Ему нравилась его несложная работа и бурлящая жизнь рынка, новые люди и новые отношения. Он ни разу не вышел погулять по древнему городу – зачем? Что с того, если он узнает подробности жизни султанов и их жён, или побед и поражений давно ушедших полководцев? Ничего. Зачем голову забивать? Он очень ровно относился к Марьям, любил брата, а на все замечания и требования матери отвечал неизменным – конечно! Он отдавал ей большую часть заработанных денег и на этом считал свой сыновний долг выполненным. Пожалуй, в их семье он был самым довольным и счастливым человеком. Возможно потому, что никогда не становился ни на чью-то сторону и не участвовал ни в чьих разборках.

Иногда, когда свекруха выходила по каким-то делам, Марьям по скайпу звонила Асе-хале. Они говорили по-английски, чтобы внезапно вернувшая свекровь ничего не поняла.

– Детка, – говорила старушка, – в твоём положении нельзя быть несчастной. Малыш должен чувствовать здоровье и радость матери. Свекровь твоя глупая женщина, я подумаю, чем тебе помочь.

Но обещанию старушки не суждено было сбыться. Как-то Марьям не могла неделю дозвониться до неё и, почувствовав неладное, позвонила на скайп её сыну. Мужчина, услышав её взволнованный голос, заплакал.

– Марьям, мама... с мамой... она... её больше нет...

– Как нет? Где она?

– Мы её похоронили неделю назад. Это было так внезапно... Она ушла легко, просто утром не проснулась. Но она, видимо, что-то чувствовала. В столе было письмо – завещание. Она распределила всё, что у неё было, написала, что всех любит... Она и тебе оставила. Свой компьютер и деньги. Деньги – для твоего ребёнка, когда он родится.

Марьям, оглушённая, сидела перед экраном и не замечала, что слёзы потоком струятся из глаз. Несколько раз она что-то пыталась сказать, но звуки растворились в ней. В этом положении её и застала свекруха, хотела что-то съязвить, однако столкнувшись с невидящим взглядом молодой женщины, промолчала. Вечером Амир как мог утешал жену, но горе её, кажется, не имело предела.

– Амир, я сегодня поняла, что уме... что ушёл очень родной человек. Я поняла, что очень люблю Асю халу. Я никогда не думала о смерти, а сегодня вдруг почувствовала её, и мне стало страшно... И ещё я поняла, что в жизни есть не только будущее, но и прошлое, которое не изменить никогда. И прошлым может стать любой человек, в любую минуту...

– Марьям, ведь Ася хала была уже старой женщиной, а жизнь так устроена, что люди в старости умирают...

– Не надо об этом, давай помолчим, обними меня крепче... Нас, – поправилась она, – обними нас покрепче, чтобы никто никогда не смог отнять нас друг у друга...

***

С этого дня Марьям перестала слышать свекровь с её нападками и оскорблениеми. На все её вопросы, обращения и указания она отвечала односложно и словно издалека:

– Да, мама... Конечно, мама... Марьям полностью сосредоточилась на ребёнке, помня, как Ася хала говорила ей, что малыш должен родиться в радости и счастье. Однако вскоре смерть снова вмешалась в течение жизни, словно утверждая их неразрывную связь. Через месяц после ухода старушки вечером раздался телефонный звонок. Свекровь подняла трубку и почти сразу же скорбно захахала.

– Кто? – прошептала Марьям.

– Мама твоя в аварию попала, насмерть...

Марьям выхватила трубку и закричала:

– Что, что случилось?

– Гызыым, Сану машина сбила, – запричитала бабушка, – нет у меня больше дочери, нет у вас больше матери... Что я буду делать одна, как ребёнка поднимать? Откуда силы брать? Откуда деньги брать?

– Когда похороны?

– Да скончили уже, утром это случилось... Сразу в мечеть и на кладбище, успели до захода солнца... Горе мне, горе...

– Так, замолчи, – властно сказала Марьям. – Сейчас вернётся Амир, и мы решим, что делать. Я позвоню.

Свекровь с жалостью смотрела на невестку и почти ласково проговорила:

– Береги ребёнка, это мой внук. Не нервничай, и себя береги.

– Конечно, мама, – механически ответила Марьям.

Вечером Марьям рассуждала:

– Амир, здесь у меня ты, а там бабушка. У неё, кроме меня, никого нет. Брат слишком мал. Я не знаю, что мне делать – сердце словно рвётся на две части... Где мне следует быть?

Вмешалась свекровь:

– Дочка, езжай домой, поддержи бабушку, здесь мы справимся, а потом вернёшься и родишь. Или там родишь, куда тебе с животом мотаться туда-сюда.

Марьям снова взглядела на экран и остановила её. Известие о смерти матери как будто пробудило в ней дремавшие силы. Перед лицом смерти, уже дважды за месяц вошедшей в её жизнь, все мелкие ссоры и дрязги стали ничтожными.

– Амир, ты – мой муж, как скажешь, так и сделаю.

– Маша, нужно ехать. А после сорока дней вернёшься. А по ходу решим, как

определиться с твоей бабушкой и братом. Только вот нужны деньги... Я постараюсь найти.

В этот момент вернулся с работы Вагиф, спокойный и беспечный, как всегда.

– А что случилось? Зачем тебе деньги?

Узнав о происшедшем, он молча вышел и вернулся минут через десять. Подошёл к столу, за которым сидели Амир и Марьям и положил на стол стодолларовые купюры.

– Вот, здесь тысяча. На билет и первое время хватит.

Свекровь изумлённо посмотрела на сына и неожиданно злобно закричала:

– Это ты от матери прятал? Я себя не жалею, всё для вас, а ты деньги на похороны этой шлюхи отдаёшь! – она потянулась к деньгам, но Вагиф накрыл их своей огромной ладонью.

– Конечно. Пусть Марьям едет, – и, ухмыляясь, глядя матери в лицо, добавил: – ты же мечтала об этом.

Амир ошеломлённо переводил взгляд с брата на мать, а Марьям взяла деньги и благодарно произнесла:

– Спасибо, брат. Амир считает, что мне нужно лететь. Я полечу.

Часть 3

Марьям смотрела на бабушку и не узнавала её. Из полной, цветущей женщины она превратилась в согбенную старушку. Кожа лица сморщилась и обвисла, седые волосы торчали в разные стороны, несмотря на то, что нене причёсывала их по несколько раз в день, появилась сильная сутулость, похожая на растущий горб, глаза покрылись мутной пеленой, губы превратились в две тонкие полоски. Прежними остались только зубы, белые, красивые и ровные, но на измученном лице они смотрелись протезами. «Сколько же ей лет?» – пыталась посчитать Марьям и изумилась: – Только пятьдесят четыре! А выглядит на все семьдесят...» Они отметили сороковину, проводили гостей и сидели в гостиной, разговаривая о том, о сём, но уходя от главного вопроса – как жить дальше? Наконец Марьям решилась.

– Нене, я хочу взять вас с братом в Стамбул. Дом твой сдадим, правда, много не дадут – пригородный посёлок. Но дом с ремонтом, вполне приличный. Какие-никакие деньги. А все вместе и в Турции не пропадём.

– Гызыым, куда я поеду? Посмотри на меня – сил совсем не осталось. Мне иходить тяжело. Знаешь, мне всё время снится Саня, за собой зовёт... Ничего не говорит, только пальчиком манит. Может, помру скоро?

– Нене, рано тебе ещё,孙ка надо вырастить, правнук скоро родится, а ты – помру. Думаю, нужно ехать в Стамбул. Амир не против, уже новую квартиру подыскивает.

– Гызыым, как скажешь, но только сил у меня нет.

Нене умерла через пять дней после этого разговора. Инфаркт и инсульт, всё произошло очень быстро, старушка совсем не мучилась. На местном кладбище появилась ещё одна свежая могила...

– Амир, что происходит с нами? – говорила Марьям в экран компьютера, оставленного ей Асей халой. – Это что, злой рок?

– Это жизнь, родная.

– Знаешь, я всё лучше и лучше понимаю, что смерть – это часть жизни. Но мне не нравится эта её часть. Сегодня утром брат подошёл ко мне, прижался и так тихо, обречённо спросил: «Сестра, а ты тоже скоро умрешь? А потом я?» Я чувствую, как ему страшно, бабушкину кровать обходит стороной, даже к вещам её не прикасается...

– Тебе нужно думать о нашем сыне, хватит страдать за других, – неожиданно жёстко сказал Амир. – Ты опять на сорок дней задерживаешься. Решай, что делать с братом.

– Наверное, нужно оформить опекунство. Иначе его не выпустят из страны. Я займусь этим.

– Ты хочешь его привезти сюда? А кто с ним возиться будет? У нас родится свой ребёнок.

Марьям замолкла в шоке, осмысливая слова мужа. Потом перешла на английский.

– Амир, это говоришь ты? Ты предлагаешь мне отдать его в детский дом?

– Я пока ничего не предлагаю, дай время подумать.

– Амир, я не смогу оставить его. Он мой брат, ему только пять лет...

– Ну, не совсем оставить, есть же интернаты.

– Амир, любимый мой, подумай, как будет лучше для всех нас. Как решишь, так и сделаем. И ещё... У меня совсем не осталось денег...

– Продай что-нибудь. Мне сейчас неоткуда взять.

Марьям вышла из скайпа и задумалась, опустив голову на руки. Её тут же заинтересовал брат:

– Не сиди так, нене всё время так сидела после Саны, и сама умерла. Не сиди так!

– Ладно, не буду, – согласно кивнула женщина и пересела в кресло. Брат молча пристроился рядом, прижался к её руке и задремал. Марьям пыталась осмыслять последние события, которые мелькали с огромной скоростью, оставляя в душе кровавые следы. Ася хала стала ей родной, маленькая добрая женщина многому научила и поддержала её, когда Марьям осталась совсем одна. Саня была ей биологической матерью, как теперь говорят. Марьям не знала ни ласки, ни доброго слова от неё, но всё же Саня была частью её жизни. А бабушка... Вдруг в голове зазвучал её голос:

– Думай о ребёнке, он должен родиться в спокойствии и радости.

– Именно так, – решила Марьям, – буду думать о живых. И о текущих вопросах. Их нужно решать. Где взять деньги?

Те деньги, что оставила Ася хала для ребёнка, она трогать не хотела. Старушка аккуратно собирала в большой конверт деньги за квартиру, что платила ей Марьям, и оставила их ей же, но для ребёнка. Это на самый крайний случай. А до того Амир что-нибудь придумает. Что-то продать? У неё самой ничего не было, но, возможно, у бабушки? Что-то на чёрный день. Хотя смерть Саны и была тем самым чёрным днём... Марьям осторожно поднялась, стараясь не разбудить брата, и подошла к шкафу. Она перебирала полку за полкой, откладывая в сторону ставшие ненужными бабушкины вещи. На одной из самых верхних полок стояла старая деревянная шкатулка с какими-то письмами, старыми фотографиями, которых раньше Марьям не видела, и маленькой коробочкой. В коробочке, завёрнутые в тряпичку, лежали три золотых кольца – два обручальных, мужское и женское, и старинное на вид, женское кольцо с камнем. Чьи это кольца? Бабушкины? Матери? Марьям неожиданно поняла, что ничего не знает о жизни бабушки до своего рождения. Ей всегда казалось, что всё, что было в их семье, началось именно с неё, с рождения самой Марьям. Она никогда не спрашивала бабушку о её родителях, детстве, юности. Не знала, был ли у неё муж, другие дети? Или какие-то родственники? Марьям привыкла, что главное в жизни – это они с бабушкой и Саня, которая мешала их спокойствию. Родившийся брат вызывал досаду и ревность, но Марьям к тому времени повзрослела и смогла справиться с этими чувствами. Марьям ничего не знала об истории своего рода, который, несомненно, был, не знала ничего о своём отце, возможно, случайному мужчине в жизни её матери, но он тоже, несомненно, был... А теперь и спросить не у кого... Краем уха Марьям слышала, что бабушка её была в своё время известной про-

ституткой, да и свекровь при каждом удобном случае подчёркивала это, но Марьям не верила всем этим слухам. С самого детства она почему-то для себя решила, что бабушка её была ангелом, да и звали её Мяляк – ангел, а разве человеку нужно что-то ещё, когда рядом с ним всё время находится ангел? Какая у ангела может быть история? Вся его история – хранить того, для кого он пришёл на эту землю. «Боже, как это эгоистично – ничего не знать о человеке, который столько лет был с тобой рядом, любил тебя и нежно заботился... Нужно прочитать все письма из шкатулки», – решила женщина, но сразу поняла, что пока не стоит этого делать. Когда душа её ангела отлетит на небо, тогда и прочитает. А кольца можно продать.

На следующий день, взяв брата, она поехала в город, чтобы оценить и продать кольца. Путь их лежал мимо того магазина, где когда-то давно, а ведь это было всего несколько месяцев назад, работала Марьям. У двери стояла новенькая продавщица. Марьям зашла и спросила директора. На её голос из кабинета выглянул бывший шеф и, широко улыбаясь и раскрыв руки, двинулся ей навстречу:

– О, моя любимая продавщица зашла навестить старика!

Брат испуганно спрятался за сестру, а на глаза Марьям навернулись слёзы. Мужчина удивлённо остановился, а потом, сделав вид, что ничего не заметил, привёл их в свой кабинет. Откуда-то вытащил детскую машинку и протянул мальчику:

– Смотри, какая красивая, последняя модель. Иди в зал поиграй, а мы поговорим. – Малыш послушно вышел в торговый зал. А Марьям, словно почувствовав, что можно расслабиться, разрыдалась и сквозь слёзы рассказала всю историю последних событий. Директор выслушал не перебивая, а потом произнёс знакомую фразу:

– Береги своего ребёнка, он должен родиться в спокойствии и радости. Покажи кольца. – Он внимательно изучил их, особенно остановившись на кольце с камнем.

– Пошли к ювелиру. У меня есть хороший знакомый.

Они втроём прошли три квартала и зашли в ювелирную мастерскую. Впервые с момента отъезда из Стамбула Марьям чувствовала себя защищённой. На душе стало намного легче и прибавилось сил, она даже улыбнулась, здороваясь с ювелиром. Брат одной рукой крепко держался за молодую женщину, а второй прижимал к груди новую игрушку.

– Обручальные кольца я могу взять только по цене золотого лома, а вот это кольцо с камнем – старинное и имеет хорошую цену. – Он назвал сумму. Марьям хотела сразу же согласиться – деньги были действительно немалые, но директор остановил её и что-то сказал ювелиру на незнакомом языке. Тот сначала возразил, а потом, выслушав доводы директора, согласно закивал головой и обратился к Марьям:

– Обручальные кольца пока оставьте, я сейчас дам их ребятам отполировать и повешу на них ярлычок с ценой. Возможно, в дальнейшем пригодится. А за это кольцо я дам вам его настоящую цену, – и он назвал сумму, в два раза превышающую начальную. Марьям переводила растерянный взгляд с ювелира на директора, а потом задала неожиданный вопрос:

– Вы разговаривали на фарси?

Ювелир засмеялся:

– Ты всё поняла?

– Нет, – Марьям покачала головой, – я не знаю этого языка. Но в нашем районе некоторые люди говорят на нём. А я немного знаю арабский, – и она, повинувшись какому-то шестому чувству, поблагодарила ювелира на арабском. Тот заулыбался и на том же языке ответил, что это родной язык его бабки со стороны матери. Через некоторое время мастер вынес из мастерской красивую коробочку, и ювелир протянул её Марьям. Она открыла и ахнула. В коробочке, как ей показалось, лежали два совершенно новых кольца с ценниками.

– Они не новые, – опережая её, сказал ювелир. – Золото хорошо полируется.

Это те же самые кольца. А вот это деньги, – он протянул Марьям внушительную пачку. – Пусть пойдут они во благо.

Девушка взяла деньги и растерянно попыталась положить их в карман.

– Семён Семёныч! – ювелир неожиданно на русском процитировал эпизод из советского фильма «Бриллиантовая рука». Марьям улыбнулась и положила деньги в сумочку. На улице директор сказал:

– Деньги сейчас отнесёшь в банк и возьмёшь карточку. Не стоит их хранить дома.

– А у нас в посёлке не расплачиваются карточками.

– Что-то оставь, а потом будешь брать по мере необходимости. Я тебе объясню, как это делается.

Ещё через час Марьям держала в руках банковскую карточку и часть денег на текущие расходы.

– Мне кажется, что это бабушка оттуда, – она посмотрела наверх, – обо мне заботится. Она же всегда была ангелом здесь для меня, а теперь стала им на небе. Можно, я вас обниму? – она с благодарностью обняла мужчину, а он ответил почти так, как несколько месяцев назад:

– Жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. Я бы женился на тебе. А сейчас ты замужем.

***

Вечером того же дня она радостно рассказала обо всём Амиру. Он молча выслушал, а потом странно ответил:

– Ну вот, не успела подумать, где взять деньги, а они тут как тут, на блюдечке с каёмочкой. И ещё кольца золотые в придачу.

– Амир, я чувствую, это бабушка с небес ведёт меня.

– Да? А я вроде услышал, что твой директор постарался...

– Амир, я ничего не понимаю... Что ты говоришь? Ты ревнуеть?

– Нет, с чего бы ревновать... Просто жена вдруг ни с того ни с сего получает большие деньги и золото с подачи знакомого мужчины. Это же нормально...

– Амир, ты меня оскорбляешь. За что? Видит Бог, я никогда ни о каком мужчине, кроме тебя, не думала. Я ношу твоего ребёнка, на меня свалилось столько горя... Только мысли о тебе помогают мне выстоять. Ты мой муж, мой любимый, мой друг, и вдруг такое говоришь. Что случилось?

– Ничего. Мама рассказала мне историю вашей семьи. Яблоко от яблони недалеко падает...

Марьям потрясённо молчала. Ей показалось вдруг, что рука смерти вновь коснулась её. Но их ребёнок... Он должен родиться в спокойствии и радости. И Марьям заставила себя улыбнуться:

– Родной мой, мы знакомы с детства, мы никогда не скрывали друг от друга свои мысли и чувства. Ты знаешь меня лучше всех на свете. Знаешь, что у меня никого, кроме тебя, нет, не было и не будет. История моей семьи? Ты всегда знал, чем занимается моя мать, и не отказался от меня. Что же случилось сейчас? Я такая же, я твоя...

– Прости меня, наверное, я схожу с ума, я так скучаю, Марьям. Скажи мне, что ни один мужчина до тебя не дотрагивался.

– Я клянусь тебе, только ты и никто более. Брат ещё не мужчина.

Амир облегчённо вздохнул:

– Маша, я очень люблю тебя, прости меня, и приезжай скорее... Я понимаю, что пока не можешь, но я жду каждую минуту... Я люблю тебя.

Марьям отключила компьютер и вдруг вспомнила, как сегодня обняла директора. Обняла искренне и с благодарностью, по-дочернему, а он ответил – жаль, что ты не сделала этого в тот день, когда я взял тебя на работу. Я бы женился на тебе. А сейчас ты замужем. Это была шутка ...или?.. И получается, что она обманула мужа... Женщина тряхнула головой, отгоняя прочь глупые мысли – у неё есть только Амир!

***

Несколько долгих дней Марьям занималась юридическими делами. Она оформила опекунство над братом и пенсию ему, подала документы на наследство. Наследство всё состояло из дома и небольшого участка земли и особой ценности не представляло. Однако маленький и хорошо отремонтированный стараниями бабушки дом был своим собственным жильём, он давал уверенность в том, что под голым небом ни брат, ни она, в случае чего, не останутся. Марьям, правда, даже не хотела и думать, что это может быть за случай. Но последние события показывали, как привидливо может проявляться Божья воля. Марьям никогда не спорила с Аллахом – если она за последние месяцы лишилась троих близких людей и впервые почувствовала недоверие Амира, значит, это для чего-то было необходимо. Возможно, для того, чтобы Марьям ощутила свою силу? Сколько же ещё нераскрытых сил есть в ней? Но почему они раскрываются только в сложных и трагических ситуациях?

По вечерам Марьям молилась. Она просила Аллаха, чтобы он больше не забирал её родных людей. А из родных у неё были только Амир и брат, и ещё малыш, который вовсю толкался в животе. Марьям понимала, что ему там уже тесно, и уговаривала его немного потерпеть. Она пела ему весёлые народные песни, а чтобы отогнать тёмные мысли, притопывала слегка ногами, представляя, что кружится в задорном танце. Она чувствовала, что сыну это нравится, и сама наполнялась его радостью. Брат тоже любил слушать её песни, хлопал в ладоши, но никогда не пускался в пляс. В детский сад ходить он категорически отказался, обняв Марьям и отчаянно прошептав ей в ухо:

– Я должен быть рядом с тобой! Если придёт смерть, я отгоню её от тебя, а ты от меня. Мы должны быть вместе.

А ещё она просила Аллаха, чтобы он смягчил сердце свекрови, и она разрешила бы Амиру позволить брату жить вместе с ними. На первое время деньги у Марьям были – они могли бы снять жильё побольше. А потом Аллах снова бы что-нибудь придумал. Марьям молилась искренне и горячо, а однажды заметила, что рядом с ней стоит на коленях брат и тоже молится, закрыв глаза. Она взгляделась в него, и у неё защемило сердце. У этого красивого светловолосого мальчика никого в целом свете не было, кроме неё, а в сердце жил страх остаться одному, никому не нужным. Марьям, почувствовав его огромную боль и этот страх, порывисто обняла брата и выдохнула:

– Аллах услышал твои молитвы, я никогда не оставлю тебя!

Наутро она позвонила директору и попросила встретиться. Увиделись они в кафе, где были детские аттракционы, и брат, отвлёкшись, дал им поговорить. Марьям рассказала директору ситуацию с братом и попросила совета.

– Я уже никогда не смогу оставить брата. Но я не знаю, что мне делать, если Амир откажется принять его. Я никогда не пойду против его воли... У меня, кроме вас, нет взрослых, кому я могу рассказать всё это. Что же мне делать?

Директор долго молчал, потом произнёс:

– Через два дня я лечу по делам в Стамбул. Дай мне телефон Амира, я постараюсь уладить это дело.

– Как?

– Получится – сама узнаешь. Зачем заранее говорить?

– Амир приревновал меня к вам, когда вы помогли с кольцами. Не случится ли ужек?

– Я постараюсь, – улыбнулся директор. – И потом – я старый.

Марьям внимательно посмотрела на него. Старой была Ася хала, пожилой была бабушка, а перед ней сидел седой человек с чистым гладким лицом и молодыми глазами.

– А сколько вам лет? Я про вас ничего не знаю.

– Мне уже сорок шесть. В Германии есть жена и два сына. Парни учатся, младший в бизнес-школе, у него хорошая деловая хватка, уже три года он помогает мне в бизнесе. А старший, – мужчина улыбнулся, – музыкант. Оканчивает консерваторию, но мечтает стать артистом. Он красавчик, даже не знаю, в кого такой пошёл. Возможно, в соседа.

Марьям удивленно вскинула глаза.

– Я шучу. А здесь у меня тоже есть жена. И дочка. Ведь мусульманам разрешено иметь несколько жен.

– А они знают друг о друге?

– Да, конечно. Зачем скрывать? Но они так далеко друг от друга, что им и в голову не приходит ревновать.

– Удобно, – усмехнулась Марьям. – Но я сразу умру, если Амир захочет ещё кого-то. Не от ревности, от отчаяния... А вы... Вы говорили...

– Что я женился бы на тебе? Это серьёзно. Но на тот момент ты была несовершеннолетняя, а потом было уже поздно.

Марьям опустила глаза. Она впервые словно увидела себя со стороны – не простую девчонку из пригорода, а молодую привлекательную женщину, которая может нравиться. А из глаз внезапно хлынули слёзы.

– Я тебя обидел? Хотя нет, ты что-то неожиданно поняла, так? – Марьям кивнула, не поднимая глаз. – Ты совсем не знаешь себя, но придёт время, и ты поймёшь, какой драгоценный бриллиант твоя душа и ты сама.

Марьям заплакала ещё горше, закрыв лицо руками.

– Не реви. А то брат подумает, что я тебя обижаю. Тебе нужно отдохнуть и больше думать о ребёнке. Кстати, ты здесь обращалась уже к врачу? – Марьям отрицательно покачала головой. – Запиши телефон моей жены. Я её предупрежу, она отведёт тебя к хорошему врачу. Первая беременность, нужно быть очень осторожной.

– Спасибо, – прошептала Марьям, беря листок с номером, – я не знаю...

– Стесняешься? Подумай о ребёнке и вся неловкость уйдёт. Делай, что говорю. Так как здесь больше некому, мне придётся взять за тебя ответственность.

– Спасибо, – улыбнулась молодая женщина, – мне предупредить Амира?

– Делай, как считаешь лучше. Я пойду. Кстати, я заказал вам обед. Покорми брата и сама поешь, – поднялся мужчина. – И не реви больше.

***

Каждый вечер Марьям и Амир подолгу разговаривали в скайпе. Она в ролях рассказывала ему всё до самых мелких подробностей своей жизни, о чиновниках в социальных инстанциях, соседях и редких встречах с подругами. После смерти бабушки в посёлке сначала жалели беременную Марьюм – такая молодая осталась без родни, с малолетним братом на руках, муж – студент без копейки, свекровь – ещё та штучка. Но вид Марьям был вызывающе спокоен – она ходила с поднятой головой, выставив вперёд выросший живот, на губах – неизменная улыбка, мечтательный взгляд обращен внутрь себя, в руке – рука братика, прижимавшегося к ней. Она никому не жаловалась, а горе её растворилось в радости ожидания ребёнка. Увы, люди не любят счастливых, и многие стали сторониться молодой женщины.

Директор вернулся из поездки и сказал, что всё уладил, она может спокойно лететь в Стамбул с братом. На все её расспросы он говорил, что в Турции её ждёт сюрприз. Но странно, с его возвращением Амир перестал отвечать на звонки Марьям, и сам не звонил. Она отправляла сообщения и в скайп, и на почту, но он даже не прошумывал их. Марьям места себе не находила, набирала его мобильный, однако тот был отключён. Накануне сорокового дня со смерти бабушки Марьям почувствовала себя плохо. Она прилегла на кровать и провалилась в глубокий обморок, а когда очнулась, была вся крови. Брат в слезах стоял на коленях у кровати и держал её за руку:

- Сестра, сестра, не умирай!
- Дай телефон, – попросила она.

Директор примчался вместе со скорой и направил её в лучшую клинику. Брата взял на руки и просто объяснил:

– Она рожает ребёнка, поэтому её сейчас отвезут в больницу. Так всегда делают. Не бойся, всё будет нормально. А ты пока поживёшь у меня. Согласен? – мальчик кивнул и прижался к его плечу.

В больнице Марьям сделали кесарево сечение, ребёнка удалось спасти. А Марьям металась в жару и повторяла:

- Нене, я не хочу с тобой идти... Оставь меня, я не могу... Не могу... не могу...
- Но, видно, бабушка не захотела расстаться со своей любимой внучкой.

Эпилог

Директор усыновил брата Марьям, а когда Амир по жёсткому настоянию матери отказался от сына, усыновил и его. Мальчика назвал Иса – в честь пророка, который тоже был сыном Марьям

Амир долго лечился от депрессии, потом оставил университет и уехал в Австралию. Там женился и стал работать на бензоколонке. Науками заниматься больше не захотел.

Свекруха Марьям вместе с младшим сыном остались в Турции. Об их судьбе ничего не известно.

В домике бабушки в пригородном посёлке поселилась молодая семья. Они познакомились в сиротском приюте, а окончив школу, поженились. Директор подарил им дом с условием – дочку назвать Марьям. На воротах дома смешными детскими буквами написано:

VILLA MARYAM – ВИЛЛА МАРЬЯМ

А в маленьком дворике в песочнице играет новая Марьям.

СОФЬЯ БРАУРМАН

Софья Браурман (в девичестве Верховская) родилась в 1935 году в г. Симферополе, в Крыму, РСФСР. Во время ВОВ вместе с семьей эвакуировалась в г. Баку. Окончила Педагогический институт.

В 1958 г. с мужем и дочкой переехала в г. Сумгайыт. Все годы до отъезда в 1991 году в Америку работала педагогом в школе.

Стала писать стихи с 19 лет. Выпустила две книги.

Мой Баку

Я иду по Баку,
Здесь любой переулок мне дорог,
И, как в юные годы, деревья кивают листвой,
Я забыть не смогу,
Пусть мой путь будет труден и долог,
Этот солнечный город,
Что в красках мне сниться порой.
Здесь прошло мое детство,
Здесь сердце любовью забилось,
На свидания к другу я шла мимо этих дворов.
Как найти это средство,
Чтобы в памяти все укрепилось
И с годами не стерлось значение поступков и слов?
Я навеки люблю
Этих улиц неровные русла,
Что бегут прямо к морю, к извечной его синеве.
И я к морю иду,
На душе и отрадно, и грустно,
Эту нежную грусть навсегда сберегу я в себе.

Мужчина о любимой

Ты – женщина, которая спасет
От пустоты и повседневных стрессов,
От мелких, пошлых интересов,
Которая утраченную молодость вернет.
Ты – эта женщина, которая смеется
Над тяжестью и скучой будних дней,
И все легко и просто с ней,
С которой так весело поется.
Ты – женщина, которая нежна,
С которой забываешь все на свете.
В других мирах – работа, дети,
А рядом – ты, как воздух, мне нужна.

«Бесаме мучо»

«Бесаме мучо» душу надрывала
В те давние весенние года,
И эту песню нежно напевала
Влюблённость неспокойная моя.
В Нагорном парке, под луною ясной,
Ты мне шептал заветные слова.
«Бесаме мучо» пела не напрасно:
Мы стали неделимы – ты и я.
И вдруг на отдыхе у океана,
Когда прошло приличных сорок лет,
«Бесаме мучо» страстно зазвучала,
И сердце встрепенулося в ответ.
Как будто бы разлуки не бывало,
Что отделила нас от прошлых дней,
И та Любовь, которая сияла,
Вновь ожила в душе моей.

Мечты сбываются

Мечты сбываются,
А если кто не верит в это,
То просто очень ошибается.
Мечта – реальность для поэта.
Как жить в изменчивом, бушующем
И ненадежном этом мире?
Жить без Мечты, вперед влекущей,
К Звезде, а не к сырой могиле?
Как уберечь себя от фальши,
От пессимизма и бездушия?
Да просто надо видеть дальше,
Бежать от плена равнодушия.
Мечтать! И все, конечно, сбудется.
Желать! И исполнять желанья.
Все, чем живем, – не позабудется:
Ни озаренье, ни страданье.

Твой крест

Лично каждый несет свой крест,
Тяжело дыша, чертыхаясь,
Лично каждый несет свой крест,
Донести до цели стараясь.
Вот споткнулся, упал, и в миг
Ужас лег на тебя подковой.
Где живительной влаги родник,
Чтобы силы набраться новой?
И откуда спасения ждать,
И к кому протягивать руки?

Ведь двойного креста не поднять –
Не сумеют ни дети, ни внуки.
Так и будешь нести свой крест
Да молиться, чтоб духа хватило.
Не посадишь его под арест,
Он – твое и бессилье, и сила...

Прощание с Баку

Закрываю глаза и как в теплую ванну
Погружаюсь в далекое детство мое,
Я, как птичка, всегда просыпалася рано
И с надеждой на радость смотрела в окно.
Ну, а вид из окна не на поле иль море,
А в подвальный, облезлый, сырой коридор.
Но была я мала, было горе – не в горе,
И в душе расцветали любовь и задор.
Где играть было нам? В тупике мы носились,
Прятки, прыгалки, классики – вот наш набор.
Неосознанно мысли на волю просились,
Только воля – все тот же сырой коридор.
Боже мой! В этом душном подвале убогом,
Мы не знали раздоров, болезней, тоски.
И за прошлым своим мы идем, как за гробом,
Покиная навеки пенаты свои.

Я приду...

Я проснусь и к тебе прибегу –
То ли ранним сиреневым утром,
То ли желтым сверкающим полднем,
То ль багровым зловещим закатом,
Но приду я к тебе все равно.
Я умоюсь водой голубою,
Я лучами Светила согреюсь,
Я нырну в багровеющий омут,
Что в народе зовется закатом.
Выйду я из воды освеженной,
В волосах с золотыми лучами,
От багрового омута станет
Мой наряд королевским нарядом.
Я такою явлюсь пред тобою,
Что и рот, и глаза не закроешь,
Что горячие руки протянешь
И прижмешь к себе крепко меня.
Я твоя и надежда, и слава,
Я тебе эту ночь обещала,
Я украсить ее торопилась,
И теперь эта точка твоя!

СЛОВО О СОФЬЕ БРАУРМАН

Эссе

Если все воспоминания о близких людях начинаются с упоминания времени и места рождения, то мое повествование о Софье Верховской следует начать с эвакуации в начале Великой Отечественной войны из города Симферополя.

Набитый до отказа беженцами последний эшелон увозил навсегда и нашу семью в неизвестно куда – в Среднюю Азию.

Уже на станции Минеральные Воды дед Моисей, заметив пассажирский поезд, идущий в Баку, сумел договорится о пересадке нашей семьи в город, в котором жили бабушкины братья Роговы.

Поселились мы всей пятеркой у родственницы в проходной комнате на улице Басина.

Отсюда Софа и пошла в школу № 18, находившуюся на Шемахинке.

В мае 1942 года к нам пришла похоронка на отца.

Уже в старших классах обнаружилось тайное увлечение Софы поэзией.

Конечно, этот секрет обнаружил я, поскольку прятать его можно было только под подушкой. Софа была артистичная натура – любила показывать дома представления с пением, танцами и переодеванием в мамину одежду. На праздники выпускала домашнюю стенгазету с карикатурами на всех членов семьи.

Помню послевоенный Новый год – без живых елок. Софа украсила веник ватой и разными вырезанными из бумаги раскрашенными украшениями. Веселье было – «что надо». Музыка заменялась пением вживую.

Благо, наша мама Гнесса в свое время кончала Бакинское музыкальное училище по классу пения. Она исполняла репертуар из всех оперетт и, конечно, Софа не отставала от нее – арии из «Сильвы» вызывали аплодисменты прохожих на улице.

Но любимым ее певцом был звонкий и лиричный голос Рашида Бейбутова.

Уже находясь в Америке, Софья на всех семейных торжествах в доме или в ресторане обязательно исполняла песни Бейбутова: «Мальчик веселый из Карабаха» или «Ну и хлеб, что за хлеб, наш азербайджанский хлеб», «Сурайя»

В 1949 году, из-за обильных ливней в нашем доме произошло знаменательное событие – вышли подземные воды. Затопило подвалы, и Баксовет, спасая жителей, предоставил нашей семье другую жилплощадь – другой подвал.

Теперь уже на 2-ой Параллельной. Именно здесь, на соседней улице, улице Полухина, и встретила Софья свою первую и единственную любовь.

Студент АЗИИ Яша Браурман – ну очень влюбился в соседку, ежедневно проходящую по «его» улице. Яша увлекался греблей, и потому теперь время Софии распределялось по новому расписанию: Пед.училище им. Сабира – яхтклуб на бульваре – яхта на Каспии.

Как уже выяснилось позже, Яша, оказывается, дружил с соседями с Первой Параллельной – братьями Максудом и Рустамом Ибрагимбековыми. Об этом поведал сам Максуд в одной из своих книг.

Читатель может спросить: «А какова была моя роль в этом дуэте?»

Очень непростая – я был связующим гонцом между влюбленными, экстременно доставляя им записки друг от друга. Хочу отметить, что Софа фактически сформировала мое почтение к чтению литературы.

Как старшая сестра, она приносила из библиотеки книги Мопассана, Бальзака, Золя и других писателей для взрослого чтения, но я ухитрялся прочесть их раньше сестры.

Как истинный романтик, Софья любила Баку: Бульвар, Крепость, Девичью башню, старинные улочки, театры, и эта любовь проявлялась в ее стихах.

Однако главным героем ее лирики был, конечно, ее любимый Яков.

В середине пятидесятых годов состоялась регистрация брака молодых.

Скромный семейный обед у родителей жениха на Полухина отметил это бракосочетание, которое счастливо длилось 63 года.

Яков, закончив институт, получил назначение на завод СК в Сумгайте. Вскоре молодая семья переехала в новую, благоустроенную квартиру.

Тем не менее, Софья всегда находила возможность приехать в Баку и побродить по любимым местам. В основном она приезжала на сессию в Педагогический институт, в котором училась заочно.

Я часто сопровождал ее в этих прогулках, и мы, уже в Америке, нередко вспоминали эти походы.

Более 30 лет проработала Софья педагогом, вначале в младших классах, а по окончании института – и в старших.

Пожалуй, из всей нашей семьи только сестра активно поддержала мою внезапно проявившуюся литературную деятельность.

Особенно ей нравились в моих рассказах ностальгические нотки о Баку.

Она обязательно звонила мне и обсуждала со мной все нюансы моего творчества.

И это ее участие, безусловно, давало мне стимул к дальнейшему творчеству.

То же происходило и с поэзией Софьи: стихи ее писались от сердца и потому всегда доброжелательно принимались слушателями.

Когда книга ее стихов была опубликована в Америке, то спрос ее почитателей был настолько велик, что пришлось выпустить дополнительное, расширенное издание.

Так Поэзия Софьи осталась ее читателям в наследство от ее любви к ним.

Несмотря на, казалось бы, трудные послевоенные годы, Софья всегда с теплотой и любовью вспоминала Баку – как город своей юности и счастья.

Ведь здесь она нашла свою первую любовь!

Марк ВЕРХОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

КАПИТАН «МЕКОНГА»

1

Евгений Львович Войскунский умер. В Москве, на 99-ом году жизни. Бакинец, известный советский, а после – российский писатель-фантаст, который писал, впрочем, не только фантастику.

При этом известии в моем сознании как свет погас. Будто глубокой ночью, когда я обычно работаю, лампочка перегорела или пробки вылетели. И я словно бы стал шарить везде в поисках спичек, чтобы запалить свечу – неуютно в темноте-то сидеть, тоска смертная!.. Но спичек не нашел, и оцепенел, сгорбившись, на табурете посреди тьмы, глядя в ночь за окном.

Думы лезли в голову. Воспоминания.

Когда же я впервые узрел этот свет, именуемый «творческим дуэтом Войскунский – Лукодьянов» (большую часть фантастических произведений Евгений Львович написал в соавторстве со своим кузеном,

Исаием Борисовичем Лукодьяновым, тоже бакинцем)?

Хорошо помню этот судьбоносный момент.

1966-ой. Я, только-только выучившийся читать шестилетний малыш, с огромным любопытством листаю большой, как развернутый лаваш, популярный журнал «Знание – сила», номер, выпущенный в самом начале 60-х. Меня привлекла картинка: некий человек – в костюме, в очках, с портфелем – наполовину прошел сквозь стену... Следующая картинка: два аквалангиста зависли над толстой трубой, идущей по морскому дну...

Это были иллюстрации к отрывкам из фантастического романа Войсунского и Лукодьянова «Экипаж «Меконга», впоследствии ставшего чуть ли не культовым...

(Позднее я раздобыл и прочитал роман целиком. Он имел подзаголовок «Книга о новейших фантастических открытиях и старинных происшествиях, о тайнах вещества и о многих приключениях на суше и на море». Попробуйте-ка не прочитать книгу с таким многообещающим подзаголовком, если вы нормальный мальчишка!).

А дальше?

Дальше была повесть Войсунского и Лукодьянова «Формула невозможного», написанная сразу после гагаринского полета. Но герои повести живут уже в будущем, они исследуют глубокий Космос и терпят бедствие на далекой неизвестной планете; там влачат свое жалкое существование остатки некогда могущественной цивилизации рептилоидов; их опекают и пасут совершенные роботы, а управляет всей автоматикой и поддерживает жизнеобеспечение отупевших ящеров Центральный Компьютер; земные космонавты поневоле оказываются в этом «санатории для слабоумных», но в поединке с Искусственным Интеллектом верх одерживает человеческий разум – космонавтам удается не только бежать, но и «расшевелить» деградировавших аборигенов... Интересно? Еще бы!

А потом в мои руки попал «Черный столб» – фантастическая повесть о странном веществе, которое попало из недр планеты через сверхглубокую скважину и столбом поднималось вверх до тех пор, пока не достигло ионосферы и накоротко замкнуло землю и небо, вследствие чего размагнитились все постоянные магниты, человеческая цивилизация осталась без электричества и отброшено было назад, в эпоху паровых машин и керосиновых ламп... И о том, как с этим глобальным бедствием боролись инженеры и техники всего мира. И это было уже не просто интересно.

1970. Маленький остров Шикотан в Тихом океане, куда меня, десятилетнего, забросила судьба. В этом суровом kraю большой популярностью пользуется журнальчик приключений и фантастики «Искатель»; и вот в нем я встречаю знакомые фамилии: отрывок из повести Войскунского и Лукодьянова «Плеск звездных морей» – о космонавтах будущего, испытывающих новейшие звездолеты, которые позволят человеку выйти далеко за пределы Солнечной Системы...

(Позднее я достал и прочитал книгу целиком; она и сейчас стоит на моей книжной полке).

Год спустя, вернувшись обратно в Баку, я имел честь присутствовать на встрече Войскунского и Лукодьянова с читателями в Центральной библиотеке; в основном, пришла молодежь; как говорится, яблоку негде было упасть. Соавторов я видел и слышал только издали, подойти и сказать им что-нибудь так и не решился...

А дальше?

Дальше – фантастико-историческая повесть «Очень далекий Тартесс», мастерски сработанная вещь, читая которую я то всхохотывал, то хлопал себя по ляжкам от изумления: надо же такое выдумать, да так, что это стопудово похоже на правду!!!

Или вот «Повесть об Океане и королевском кухаре» – собственно, историческая повесть, фантастики там практически нет, но как здорово описана средневековая европейская страна, похожая на Португалию, романтические мечты юноши, стремящегося повести каравеллы в Океан, на поиски Островов Пряностей... и будни его отца, королевского повара, окруженного чванливыми аристократами, попами, придворными дамами, мастерами дворцовых интриг!

А дальше? Дальше?

Прочитанная в каком-то альманахе фантастики повесть «Прощание на берегу» – вот тогда я впервые понял значение пушкинской фразы «над вымыслом слезами обольюсь»! Я не девчонка, но едва удержался от слез, особенно в finale...

...Вот я уже четырнадцатилетний подросток, в читальном зале библиотеки имени Фиридунбека Кочарли схватил свеженький «Искатель», а в нем – отрывки из новой фантастической повести «Ур, сын Шама». Войскунский и Лукодьянов еще тогда затронули тему контакта пришельцев из Космоса с древними шумерами – то, о чем десятилетия спустя взахлеб будут рассказывать эзотерические журналы и мистические телеканалы...

(И эта книга стоит на моей полке, и перечитываю ее частенько...)

Маленький огонек интереса к творчеству Войскунского и Лукодьянова, затеплившийся некогда во мне, постепенно разгорался все ярче и ярче по мере того, как я подрастал и взрослел. И наконец засиял ослепительным прожектором.

2

Я пишу все о себе и о себе, но как же иначе? Как лучше всего передать личное впечатление от соприкосновения с хорошей фантастической литературой?

Но, конечно же, поклонников книг Войскунского и Лукодьянова было много – по всему Советскому Союзу. И, конечно же, в Баку.

Нам, бакинцам, импонировало то, что помимо хорошего сюжета, ярких образов, интересных идей мы встречали на страницах книг описания нашего родного любимого города.

Баку (и в целом Азербайджан) узнаваем в «Экипаже «Меконга» и «Уре, сыне Шама». Молодые герои повести выходили на яхте, названной ими «Меконг», в рейсы по Каспию, отчаливая от яхт-клуба, столь памятного бакинцам старшего поколения... В романах узнаемы и Приморский бульвар, и парашютная вышка, и «блошиный рынок» Кубинка, на котором можно было отыскать все, что душе угодно, и старые дома с так называемыми «итальянскими» дворами... Легко узнается Институт нефти и химии. И Нефтяные Камни... Кстати, назвав роман «Экипаж «Меконга» культовым, я нисколько не преувеличил: начало 60-х годов прошлого века ознаменовалось противостоянием так называемых «лириков» и «физиков», и советский социум, пораженный успехами страны в науке, чаще склонялся на сторону «физиков»; на страницах многих книг и во многих фильмах в то время появлялись образы молодых, дерзких, креативных, как сказали бы сейчас, ученых – физиков-атомщиков, кибернетиков, космотехников, химиков... да и вообще инженеров, занятых в народном хозяйстве. Герои «Экипажа «Меконга», размышляющие над необычными решениями знакомых проблем, часто шутливо клянутся на отвертке-тестере одного из них, названной «Дюрандалем» – как средневековые рыцари давали имена собственные своим мечам...

Я знал многих и многих старших товарищей, которым эти образы, созданные Войскунским и Лукодьяновым, запали в душу надолго, даже на всю жизнь. Ибо «Экипаж «Меконга» был одной из тех книг, которые уверяли: инженерия – это не скука смертная, унылое пребывание в согбенном состоянии над чертежными досками; инженерия – это поиск, это творчество, это порой настоящий детектив! Герои другой культовой повести, популярной в те же времена, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких, говорили: «Мы знаем, что эта задача не имеет решения. Мы думаем, как ее решить!». Это стало девизом целого поколения...

Но, разумеется, было бы в корне неверным сводить творчество Войсунского и Лукодьянова к одной лишь популяризации науки и техники и «вербовке» талантливой молодежи в технари. Их книги как нельзя лучше иллюстрируют высказывание одного мудрого человека: «Настоящую фантастику пишут люди, о людях и для людей».

Нам, бакинцам, импонировало и то, что Войсунский и Лукодьянов – НАШИ. Мы, конечно, читали и любили фантастов-москвичей, фантастов-ленинградцев, фантастов-киевлян, фантастов-уральцев, фантастов-сибиряков и дальневосточников, но ведь Войсунский и Лукодьянов были БАКИНЦАМИ! И мы немало гордились тем, что и наши земляки могут писать так высокохудожественно, интересно, самобытно, и регулярно печататься в центральных издательствах Советского Союза, и переводиться за рубежом! Мы, город нефти на берегу Каспия, в плане фантастики не уступали никому, и понимание этого грело нам душу и придавало сил. Значит, мы можем, и еще как можем!

3

И что же сообщалось в различных аннотациях тех лет о наших замечательных земляках? А вот что: «Пишут в соавторстве. Е. Войсунский родился в 1922 году. С 1940 года по 1956 год служил на Балтийском флоте, участвовал в обороне Ханко, Ленинграда. Заочно закончил Литературный институт имени Горького. В 1956 году в Воениздате вышла первая его книга – «Первый поход». Позднее в том же издательстве вышел сборник его рассказов о военных моряках. И. Лукодьянов родился в 1913

году, инженер-механик, проектировщик. Во время Великой Отечественной войны служил в частях ВВС. Автор ряда технических книг. Живут и работают в Баку. Первая научно-фантастическая книга обоих авторов «Экипаж «Меконга» вышла в 1962 году».

Вот так вот, скромно и сжато... Добавлю, что писали они и сугубо технические труды, и научно-популярные очерки и статьи в разных массовых изданиях... Исаи Лукодъянов умер в 1984 году; Евгений Войскунский пережил соавтора и двоюродного брата на 36 лет.

Оставшись один, Евгений Львович много и плодотворно работал – вплоть до последних своих дней. Да, таковы они, писатели, прошедшие Великую Отечественную, влюбленные в этот мир и в свое дело, влюбленные в людей и – в свой родной город.

4

В июле 2017 года в клубе «Натаван» при Союзе Писателей Азербайджана состоялось торжество в честь 95-летия Евгения Львовича Войсунского. Мероприятие было организовано по инициативе вашего покорного слуги; я же был и его ведущим. Присутствовали и выступали доцент МГУ, психолог Ольга Николаевна Аристова, Натиг Алиев, координатор образовательных программ Россотрудничества, Рустам Гусейнов, представитель «новой волны» в бакинской фантастике, Акпер Алиев, литературный редактор журнала «Sky» при Национальной Авиационной Академии, профессор Азад Таги-заде, проректор бакинского филиала МГУ, бакинский поэт и прозаик Марат Шафиев, известный наш историк и знаток Баку Фуад Ахундов... Были зачитаны письма от Международного совета по фантастической и приключенческой литературе при Союзе Писателей России, поздравительное письмо от Фонда Стругацких и письмо-обращение самого Евгения Войсунского. А потом началась неофициальная часть, задушевная беседа с учащимися трех бакинских школ, пришедшими на мероприятие. Мы много толковали и о роли научной фантастики в воспитании творческого воображения молодежи. Рассказывая о книгах Войсунского и Лукодъянова, я подчеркивал, что для нас, любителей фантастики, бакинских мальчишек и девчонок 70-х, такие книги были окном в большой мир, если не считать, конечно, телевизора. Теперь же юным и любознательным в помощь приданы такие гаджеты, о которых мы в детстве только в фантастических книжках и читали, и хорошо бы использовать весь этот хай-тек с умом, а не по пустякам...

Признаюсь, я порядком волновался. На мероприятии присутствовал находившийся в те дни в Баку сын Евгения Войскунского, Александр Евгеньевич, ученый-психолог, специалист по Искусственному Интеллекту; ударить перед ним в грязь лицом было решительно невозможно! По счастью, мероприятие прошло «на большой». Александр Львович тоже долго беседовал с молодежью, рассказал им много интересного... А в конце я предложил присутствующим сделать небольшой презент аксакалу нашей фантастики: расписаться на старой, 1968 года выпуска, книжке «Очень далекий Тар-тесс» (из моей личной библиотеки). Исписанный автографами читателей и поклонников томик Александр Львович пообещал увезти в Москву и вручить отцу. Так оно было и сделано, и было это знаменитому писателю и нашему земляку в радость...

Я нахожу символичным тот факт, что чествование прошло в стенах Союза писателей Азербайджана; ведь и Войскунский, и Лукодьянов в свое время в нем состояли! Евгений Войскунский переводил прозу азербайджанских писателей Юсифа Алимзаде, Байрама Байрамова, Сабира Азери, Гусейна Аббасзаде. На долгие десятилетия Евгений Львович сохранил благодарность тогдашнему Первому секретарю Союза писателей Азербайджана Мехти Гусейну за добре отнешение к сложившейся в Баку группе писателей-фантастов и за решение учредить Комиссию по научно-фантастической литературе. Подобной комиссии, по словам Войскунского, «не было ни в одной союзной республике, да и в Москве. В работе Комиссии активно участвовали Генрих Альтов, Валентина Журавлева, Рафаил Шапиро (Бахтамов) и мы с Исаем Лукодьяновым – моим соавтором. Мы привлекли в Комиссию молодых, начинающих фантастов: Эмина Махмудова, Павла Амнуэля, Владимира Карабанова. Мы подготовили и издали три сборника».

5

Глубокая ночь. Евгения Войскунского больше нет. На душе темно. Надо найти спички и затеплить свечу...

Темно и тоскливо. Мир охвачен пандемией, человечество ввергнуто в карантин и самоизоляцию. В «Черном столбе» мир лишился электричества, и на переднем крае борьбы за выживание были инженеры. В сегодняшней реальности мир заполучил коронавирус, и на переднем крае сражаются врачи.

Войскунский и Лукодьянов были дороги всем любителям фантастики, но особенно – землякам, бакинцам.

Когда-то они написали захватывающую книгу о «приключениях мысли», главными героями которой были молодые и дьявольски талантливые бакинские инженеры. Яхта под названием «Меконг» на долгие годы стала олицетворением творческой мечты, успешно воплощаемой в жизнь, символом новых людей, развитых гармонично – как духовно, так и физически, и любящих свой город, любящих Жизнь, любящих думать...

Долгое время Евгений Львович Войскунский был своеобразным капитаном «Меконга».

А теперь он ушел – последним, как и полагается капитану.

Капитан ушел. А «Меконг» – остался.

Я изо всех сил надеюсь, что у «Меконга» будет новый экипаж.

Он будет, конечно же, иным. Ведь невозможно набрать одинаковую команду; невозможно плыть по одной и той же воде, как невозможно войти в одну и ту же воду; но главное – не дать яхте Мечты и парусам Фантазии сгинуть или сгореть от случайного окурка.

А книги корифеев – да будут нам маяком...

(Баку, 5 июля 2020)

